

6

2023

ISSN 0132-1625

СОДМС

Что думают о "русских релоктантах" в Армении?

Ценности и социальная активность

Критически о цифровизации

Влияют ли представления о неравенстве на инвестирование в образование?

Тренды общественного сознания жителей Украины

СОЦИС

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ИДЕИ И ЯВЛЕНИЯ В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

- 3 ТОЩЕНКО Ж.Т. Общественный договор как ноумен: опыт социологического осмысления
- 16 ИВАНОВ Д.В., АСОЧАКОВ Ю.В. Цифровизация и критическая теория общества

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 29 МАРЕЕВА С.В., КАРАВАЙ А.В., СЛОБОДЕНЮК Е.Д. Представления о неравенстве как фактор инвестиций в человеческий капитал (опыт эмпирического анализа)
- 42 САЛМИНА А.А. Дифференциация восприятия неравенства россиянами и его динамика
- 56 АЛМАКАЕВА А.М., НАСТИНА Е.А. Базовые ценности и практики социального участия в России
- 68 ИВАНОВА Е.Ю. Жены дипломатов: карьерные возможности в ситуации профессионального семейного взаимодействия

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

- 77 СУЩИЙ С.Я. Социологический мониторинг внешнеполитических ориентаций украинского общества (2000–2020-е гг.)
- 94 КУРГАНСКАЯ В.Д., ДУНАЕВ В.Ю., САГИКЫЗЫ А. Ценности и нормы политической культуры в общественном сознании казахстанцев

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ

- 101 МОКИН К.С., БАРЫШНАЯ Н.А. Территориальная идентичность: структура, границы, воспроизводство

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- 112 АТАНЕСЯН А.В. «Русские релоканты» в восприятии молодежи Армении
- 123 ЕФЛОВА М.Ю., МАКСИМОВА О.А., ОЗЕРОВА К.А. Ценностные ориентации и практики социальной активности иногородних студентов Казани и Санкт-Петербурга
- 136 СИМОНЯН Р.Х. О региональном сознании студентов российско-китайского приграничья
-

К 100-летию Г.П. ДАВИДЮКА

- 144 ДАНИЛОВ А.Н. Прикладная социология профессора Г.П. Давидюка и возрождение социологической науки в БССР

ПЕРВЫЕ ШАГИ

- 152 ЛИ ЦЗЯНЬХУЭЙ. Поколенческие особенности ценностной социализации российской и китайской молодежи
- 159 **КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ** (рецензируются книги: *Абдулманатов П.Г.* Трансформация демографических процессов в Республике Дагестан в современных условиях. Махачкала, 2022. **Рец. А.З. Адиев**; *Осинский И.И., Тензин Б.М.-Х.* Интеллигенция Тувы на рубеже XX–XXI вв. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2023. **Рец. О.Б. Истомина**; Практики анализа качественных данных в социальных науках / Отв. ред. *Е.В. Полухина*. М.: ИД ВШЭ, 2023. **Рец. О.Р. Михайлова**)

- 167 **ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД**

IN MEMORIAM

- 173 **Р.М. НУРЕЕВ**

- 175 **CONTENTS**

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 6. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы **несут ответственность** за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение **2-х месяцев** со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

Новые идеи и явления в социологии и социальной практике

© 2023 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР КАК НОУМЕН: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, научный руководитель социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (zhantosch@mail.ru).

Аннотация. В статье характеризуется процесс появления в социальном познании идей общественного договора, впервые выдвинутых и обоснованных мыслителями эпохи Просвещения. Ими были сформулированы представления о его сути и содержании, которые трактовались как социальный контракт между народом и государством, причем основное внимание уделялось решающему, но неявному характеру этого процесса. Значительное место уделено анализу теорий общественного договора, их особенностей на опыте рассмотрения вариантов его толкования и осуществления в современном мире. Особое внимание обращено на осмысление общественного договора как ноумена (умопостигаемой сущности), что потребовало выявления его основных характеристик, его смысловой сущности как единства целей участников, ориентированных на соблюдение взаимного доверия, согласование интересов, постоянное использование обратной связи. Дано изложение попыток предложить варианты объяснения практик его реализации в современной общественно-политической жизни. Подчеркивается, что общественный договор как ноумен содержит не только очевидные, но и латентные критерии, выражая постоянно меняющееся качественное состояние общества и требуя регулярно настраиваемого взаимодействия народа и государства.

Ключевые слова: общественный договор • государство • общество • народ • общественное сознание • доверие • согласие • компромисс • консенсус

DOI: 10.31857/S013216250026379-9

Формулировка проблемы. Размышляя об общественном развитии, Дж.М. Кейнс после посещения Советского Союза в 1932 г. сформулировал трилемму, выразившую, как он считал, одно из основных социально-экономических противоречий: «Вы не можете одновременно максимизировать свободу, справедливость и эффективность» (цит. по: [Аузан, 2005]). Исторический опыт показывает, что все составляющие этой трилеммы в разных пропорциях и вариантах все же можно согласовать, найти взаимоприемлемый уровень учета значимости и рационального применения каждой из них. Одним из полей такого решения является *общественный договор (ОД)*, в который входят такие важнейшие принципиальные положения, как возможность социального контракта и компромисса между основными субъектами исторического процесса – государством, обществом и народом.

Теория ОД имеет принципиальные особенности. Обычно социальные теории, нацеленные на осмысление проблем общественного развития, концентрируют внимание на очевидностях (феноменах) экономического, политического, социального и культурного характера. Это присуще и социологии, которая в большинстве случаев сосредоточивает внимание на феноменах, т.е. на данных статистического и социологического характера, что позволяло(ет) судить о сути и содержании изучаемых процессов на основе фиксируемых социальных показателей, которые при всей их значимости имеют ограниченные возможности.

Преобладающий феноменологический подход не позволяет и/или ограничивает возможности проникнуть в полной мере в сущность изучаемых общественных процессов и явлений, выявить возможность их рационального существования и функционирования. Иначе говоря, сосредотачивая внимание на феноменах, мы упускаем из виду *ноумены* (умопостигаемые сущности), которые помогают выявить глубинные, латентные смыслы общественного развития, судить об уровнях зрелости обществ и государств, степени соответствия их жизненным потребностям и ценностным ориентациям народа (подробнее о ноуменах см.: [Тощенко, 2019]). ОД как ноумен предполагает использование принципиально новых методов познания, которые бы раскрывали исходные и существующие смыслы его возникновения и реализации. Такой подход дает возможность представить очевидные и латентные основы развития общества и государства, выявить сущность ОД, возможности его функционирования на исторической арене.

Существующие экономические, социальные, политологические, культурологические, социологические теории с разной степенью доказательности формулируют предложения о состоянии и тенденциях развития изучаемых ими государств и обществ. Не отрицая значимости этих теорий, полагаю, что они только частично отвечают на вопрос: почему одни государства характеризуются устойчивостью, другие не выдерживают испытания временем, распадаются, деформируются, становятся обществами травмы. По нашему мнению, потому что из анализа выпадает один из принципиальных научных подходов: рассмотрение не только очевидных явлений и процессов, но и скрытых характеристик общественного развития.

На наш взгляд, односторонность и ограниченность этих теорий восполняет концепция «общественный договор» (ОД), которая мало или совсем не применяется в мировой и отечественной социальной мысли. Его принципиальная особенность заключена в рассмотрении и анализе, наряду с явными наблюдаемыми феноменами, также латентных глубинных связей, свидетельствующих об основах существования того или иного государства: наличия общих целей у народа и у политической власти, взаимодоверия, осознаваемого желания согласовывать взаимные устремления. Такой подход, наиболее полно объясняя устойчивость (или её отсутствие) государства, позволяет ответить на вопрос о целесообразности применения концепции ОД в анализе проблем развития социально-экономических систем. Исходя из этой принципиально иной постановки вопроса о сущности, об истоках возникновения, развития и функционирования ОД, постараемся ответить на вопрос о целесообразности рассмотрения и объяснения именно с этих позиций происходящих социально-исторических процессов. Начнем с исторического экскурса.

Классическое понимание сути и содержания общественного договора. Одна из первых попыток объяснения необходимости новых оснований взаимоотношений народа и государства была предпринята Т. Гоббсом (1588–1679). При анализе английского общества в канун революции и гражданской войны XVII в. он характеризовал нарождающиеся буржуазные отношения, как строящиеся на утверждении царства личной свободы, ведущей к «войне всех против всех». Он сформулировал идеи ОД, предполагающие существование государства в лице королевской власти *на основе того, в состоянии ли она свести все желания и устремления народа (не только верхушки общества) в определенное единство и согласовать их с намерениями власть имущих*. Гоббс считал, что функционирование государства происходит за счет явного или негласного согласия между политической властью и народом (при участии церкви); объединяющей идеей, в его толковании, выступает соблюдение справедливости [Гоббс, 1991: 612–614, 618–619].

С иных позиций трактует ОД Дж. Локк (1632–1704). Он отверг идею Гоббса – «война всех против всех», наоборот, ратовал за взаимную доброжелательность, согласованность и доверие, утверждая, что естественное состояние человека в его неограниченной свободе, что «люди являются... по природе свободными, равными и независимыми» [Локк, 1988: 317]. Поэтому он основывал происхождение политического общества (государства) на предположении, что оно возникает на основе обоюдного договора, заключённого с согласия всех граждан. «Политическое общество налицо там, и только там, где каждый из его членов отказался от естественной власти, передав ее в руки общества во всех случаях, которые не препятствуют ему обращаться за защитой к закону, установленному этим обществом» [там же: 311]. Локк неоднократно утверждал, что государство создано для гарантии естественного права (жизнь, свобода, имущество) и законов (мир и безопасность): оно должно соблюдать и охранять закон и быть организовано так, чтобы естественное право было надёжно защищено [Локк, 1985: 313].

Еще одно представление об ОД обосновал П. Гольбах (1723–1789). Он определял его как совокупность взаимных условий для организации и сохранения не только государства, но и общества. Суть ОД, по Гольбаху, в том, что человек берет на себя обязательства перед обществом, а последнее принимает определенные обязательства по отношению к нему: «...если общество имеет законные права по отношению к своим членам лишь в силу преимуществ, которые оно им обеспечивает, то и члены общества подобным же образом имеют справедливые права на заботу общества только ввиду приносимой ими обществу пользы или оказываемых ему услуг. Именно это и называется общественным договором» [Гольбах, 1963: 31].

Гольбах предупреждал: если нарушен ОД, исчезнет согласие между государством и народом. «Политическому организму угрожает распад, когда правители пренебрегают заботой о поддержке в гражданах духовного подъема, необходимого для того, чтобы побудить общество к отвечающей его потребностям деятельности» [там же: 484]. Убедительны соображения Гольбаха о том, что демократия таит в себе немалую опасность, когда «свобода перерождается в своеволие и уступает место анархии» [там же: 498]. Если при любых формах правления государство не руководствуется принципами ОД, не осуществляет постоянный поиск согласия, согласования интересов и позиций различных обществ, существующих в стране, оно обречено на исчезновение.

Особое место в трактовке ОД занимают труды Ш.-Л. Монтескье (1689–1755), отразившие появление спроса на новые проекты политического устройства. Монтескье преследовал две цели: (1) создать модель рационального государственного строя, практическое осуществление которой, по его мнению, приведет к достижению политической свободы, (2) посредством государственной власти сделать политический строй общества более справедливым и устойчивым к потрясениям. Главным постулатом теории Монтескье стало требование гражданской свободы, понимаемое им как возможность делать все, что дозволено законом [Монтескье, 1955].

Наиболее ярко идеи об ОД, его содержании и назначении сформулированы и обоснованы в труде Жан-Жака Руссо (1712–1778) «Об общественном договоре». Руссо считал, что ОД олицетворяет идеал мирного первобытного царства свободы. Основная задача, которую призван решать ОД, состоит, по его мнению, в том, чтобы «найти такую форму ассоциации, которая защищает и ограждает всю общую силую личность и имущество каждого из членов ассоциации, и благодаря которой каждый, соединяясь со всеми, подчиняется, однако, только самому себе и остается столь же свободным, как и прежде» [Руссо, 2000: 207] (курсив мой. – Прим. Ж.Т.).

Рассматривая государство как продукт ОД, порожденного разумной волей народа, точнее – человеческим учреждением или изобретением, Руссо исходил из того, что каждый человек передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и свои силы. В результате «для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого». Это коллективное целое, по мнению Руссо, раньше

именовалось «гражданской общиной», позднее – республикой или политическим организмом. Члены этого политического организма называют его «Государством, когда он пассивен, Сувереном, когда он активен, Державою – при сопоставлении его с ему подобными» [там же: 209].

Руссо выдвинул и развивал идею прямого народного правления, ибо, согласно ОД, «только общая воля может управлять силами государства в соответствии с целью его установления, каковая есть общее благо» [там же: 241]. Исходя из этого, государство рассматривается Руссо как «условная личность», жизнь которой заключается в союзе ее членов. Главной его заботой, наряду с самосохранением, является забота об общем благе, о благе всего общества, народа, которые «сводятся к двум главным вещам: свободе и равенству» [там же: 241]. Обратим внимание и на постулат Руссо, что недостаточно провозгласить идею ОД, надо обеспечить его выполнение. Поэтому наряду с исключительным правом на принятие законов у народа имеется неотчуждаемое право на сопротивление [там же: 206].

Возможны варианты общественного договора, которые могут по-разному складываться у того или иного народа [там же: 255, 261]. В этой связи он не отрицал возможности существования ОД при любых политических режимах, но предупреждал, что при его нарушении демократия может выродиться в охлократию, аристократия – в олигархию, монархия – в тиранию [там же: 274]. При этом правители должны уметь слушать народ и говорить его языком [там же: 232].

Привлекает и такое соображение Руссо: в условиях ОД каждый участник приобретает принципиально новое качество – он не подданный, а гражданин [там же: 27]. Как гражданин он преодолевает отчуждение, суть которого состоит в отказе от своей свободы, в отречении «от своего человеческого достоинства, от прав человеческой природы, даже ее обязанностей» [там же: 203]. ОД возвышает и облагораживает человека. Именно в этом труде Руссо появились формулировки гражданское общество, гражданский мир, гражданское состояние, гражданское право. При этом особое значение он придавал законодательству: «Законы суть лишь подлинные акты общей воли» [там же: 276]; они должны быть «запечатлены не в мраморе, не в бронзе, но в сердцах граждан; они-то и составляют подлинную сущность Государства» [там же: 243]. И при этом ОД может существовать только при взаимной ответственности, хотя «всеобщее молчание следует считать знаком согласия народа» [там же: 217].

Среди русских мыслителей, обративших внимание на проблемы договорного происхождения государства и власти, отметим А.Н. Радищева (1749–1802), который считал, что *государство возникает не как результат некоего божественного провидения, а как следствие открытого или молчаливого договора членов общества в целях совместной защиты слабых и угнетенных*. В своих рассуждениях он исходил из того, что «соборная народа власть есть власть первоначальная» [Радищев, 1952: 10]. Он, подобно Монтескье и Руссо, ратовал за естественный закон: «человек, приходя на свет, есть равен во всем другому», что не помешало ему критически отнестись к отдельным выводам этих мыслителей [там же: 47].

Если подвести итоги сказанному об ОД мыслителями эпохи Просвещения, можно сделать следующие выводы. Прежде всего, по их убеждению, *единственным источником власти является народ, который создает государство, причем это происходит на основе естественных законов, но не всегда в полной мере осознается и поэтому нередко реализуется стихийно*.

История вскоре продемонстрировала реальное воплощение идей ОД. Убедительно утверждение, что французскую революцию XVIII в. подготовили французские просветители. Примером воплощения в жизнь их мыслей служит история Франции, которая через немалое число исторических перипетий реализовала многие из положений выдающихся мыслителей, и прежде всего Ж.-Ж. Руссо.

Некоторые идеи ОД в XIX в. пытались воплотить в жизнь в Европе – особенно при формировании государств в Германии и Италии. Такие попытки согласованности объективных и субъективных интересов и их реализации происходили неоднозначно

и противоречиво, вплоть до полного их отвержения. Тем не менее некоторые положения ОД нашли реальное воплощение в практике государственного строительства.

В XIX веке идеи ОД практически ушли из научного осмысления, хотя необходимо отметить творчество А. Токвиля (1805–1859), который, размышляя о судьбах революции, писал: «Основная цель хорошего правительства состоит в том, чтобы добиться благосостояния народа, а вовсе не в том, чтобы установить некий порядок среди нищих людей». Он критиковал американское, а затем французское правительства за их политику, не учитывавшую интересов всех слоев общества. При этом основу демократии Токвиль видел в традициях пуритан, стоявших у истоков колоний в Новом Свете. Поэтому главным преимуществом любого общества он считал равенство возможностей для всех жителей страны [Токвиль, 2008].

Выразили, хотя своеобразно, интерес к этой проблеме основатели русского анархизма М.А. Бакунин (1814–1876) и П.А. Кропоткин (1842–1921). Бакунин критиковал договорную теорию образования государства как сводящуюся к отрицанию общества, подчеркивая, что «никакое историческое государство никогда не имело основой своей договор, все они были основаны насилием, завоеванием». Он считал, что централизованное государство надо заменить децентрализованной федерацией на трех уровнях – низовом, региональном, общегосударственном. Каждая организация, по мнению Бакунина, должна идти от общины к центральному единству, т.е. снизу вверх, путем федерации.

Современные интерпретации общественного договора. Среди вновь сформулированных концепций ОД обратим внимание на идеи Дж. Ролза (1921–2002), который построил гипотетическую мысленную конструкцию («Вуаль неведения»). В ней он рассматривает индивидов как рационально мыслящих людей, перед которыми стоит задача строительства справедливого общества. В этой конструкции он утверждает, что общественные институты, сформированные в результате такого договора, беспрекословно подчиняются принципам справедливости, а люди, в них включенные, строят свои взаимоотношения на тех условиях, на которые они согласились, будучи равными в естественном состоянии. Ролз рассуждает, что этот факт дает все основания на принятие этих принципов как общепризнанных и универсальных [Ролз, 1995].

Идеи Ролза оспорил Р. Нозик (1938–2002). Он защищал необходимость «минимального государства» (государство – «ночной сторож») и критиковал теорию «социального государства» за насилие над индивидами. Нозик формулирует свою генетическую теорию справедливости, утверждая: люди имеют право завладеть собственностью, которая никому не принадлежит, если это не ухудшает положения остальных. Этот принцип справедливости приобретения предполагает, что люди имеют право дарить свою собственность другим или добровольно обмениваться ею с другими, передавать другим на определенных условиях. Интересно, что Нозик поддерживал идею «добровольного» (контрактного) рабства [Нозик, 2008].

Оригинален вклад в разработку проблем ОД Дж. Бьюкенена (1919–2013), в работах которого доказывалось, что в условиях общественного выбора неэкономические силы имеют непосредственное влияние на государственную политику любой из стран, вставших на этот путь. Согласно его теории ОД – это по сути конституция государства, в которой прописаны его действия по отношению к гражданам страны [Buchanan, Tulloch, 1962].

О решающем влиянии неэкономических сил писал известный советский/российский экономист О.Т. Богомолов. Он доказывает, что общественный договор – это по сути конституция государства, в которой прописаны его действия по отношению к гражданам страны [Богомолов, 2010].

Своеобразно трактовал идеи ОД М. Олсон (1932–1998). Он предположил, что теоретически люди могут договариваться между собой и без принуждения. Но в такой ситуации возникает «проблема безбилетника», когда люди готовы пользоваться общественным благом, но участвовать в его создании зачастую не хотят. Он также выдвинул своеобразную теорию государства, которое создается бандитами, имеющими преимущества перед

другими в организации насилия. В условиях анархии существует конкуренция между кочующими бандитами, которые максимизируют процесс изъятия доходов у населения. Впоследствии возникают оседлые бандиты, которые, оптимизируя изымаемые у населения доходы, начинают создавать общественные блага, сберегать и инвестировать, что создаёт условия для создания государственного порядка, трансформируя бандитов в правителя-автократа [Олсон, 2012].

Идеи Олсона в определенной мере разделяет российский экономист А. Аузан. Он считает, что в большинстве случаев государство появилось из-за необходимости противостоять организованному давлению и даже преступности в виде военных и вооруженных политических сил, по большому счету грабивших другие объединения (царства, княжества, ханства и т.д.). В этих условиях «складываются два типа социального контракта или общественного договора: горизонтальный, когда люди нанимают государство как агентство по производству услуг, обороны и правосудия». В результате, как показывает историческая практика, люди могут обходиться без государства в самых что ни на есть государственных делах (охрана, организация новых форм хозяйствования, создание частных военных образований и даже частных тюрем). Второй тип контракта состоит в том, что государство «никто никого не нанимал», а оно «само распоряжается и создает правила». Это связано с появлением и даже расширением круга авторитарных государств, число которых, по подсчетам Всемирного банка, выросло в конце XX – начале XXI в. более чем на 50%, и, что особенно важно, они по своей эффективности ничем не уступают «демократическим» государствам¹. Однако, несмотря на оригинальность этих высказываний, с ними трудно согласиться, так как они сводят взаимодействие народа и власти только к одной, хотя и важнейшей, функции – защите от посягательств на права свободы личности, но мало что говорят о встречной, нередко противодействующей силе народа.

Интересно, что идеи ОД волновали и мастеров художественного слова. М. Метерлинк (1862–1949) видел прямую связь между моралью правительства и душевным состоянием народа. Работая в жанре философской сказки, он пытался объяснить жизнь и деятельность людей и их взаимодействие с государством через аналогии, взятые из наблюдений за природой, полагая, что именно на такой основе можно построить взаимоприемлемые общественные отношения [Метерлинк, 1996].

Рассматривая эти теоретические концепции, обратим внимание и на практику реализации в современную эпоху принципов ОД, которых осознанно и/или стихийно придерживались многие государства, ибо без этого они не могли существовать. Особо следует подчеркнуть, что *ОД является во многом латентной характеристикой*, так как взаимоотношения народа и власти складывались помимо его фактического или формального участия в решении экономических, социальных и политических проблем. Непременным условием был только уровень доверия, согласованности интересов *всего (или большинства)* народа с интересами государства, что позволяло говорить о степени и зрелости достигнутого единства.

Вся проблема заключена в том, что народ руководствуется своими осознаваемыми или не всегда осознаваемыми потребностями и интересами. Задача здравомыслящих политических сил в том, чтобы уловить, понять, в чем состоят эти самые сокровенные, животрепещущие устремления людей и на каких условиях они пойдут на сотрудничество, согласие и поддержку тех общественно-политических организаций, которые претендуют на получение политической власти.

Таким образом, ОД должен иметь общепризнанный всеми участниками смысл, ради которого и возможно существование государства. Однако *в реальной практике, в рамках реального существования в современном мире множества государств* (только членами ООН являются 193 страны без учета 28 непризнанных государств) существуют разные вариации ОД и соответственно попыток осмысления этого многообразия. Остановимся на этом подробнее.

¹ Аузан А. «Идеальный насильник» // Новая газета. 2021. № 102. 13 августа.

Опыт осмысления реальных практик общественного договора в современном мире. Что представляет собой ОД в современных исторических и социально-экономических условиях, и какое место в его существовании отводится народу? Как сочетается в нем провозглашенная Кейнсом трилемма – возможность сочетания свободы, справедливости и эффективности – со взаимоотношениями народа и государства? Ответить на эти вопросы очень важно, ибо практически все современные государства в явной или неявной форме претендуют на то, что они функционируют на принципах, учитывающих потребности, ориентации и интересы народа, способствуют их реализации и максимально учитывают их в практике государственного управления.

Осмысливая состояние и разнообразие экономических, политических, социальных и культурных реалий в настоящее время, на наш взгляд, можно говорить о нескольких вариантах ОД.

Во-первых, отметим форму ОД, которую можно назвать *совещательной демократией* – демократией обсуждения, убеждения и компромисса. Это форма диалогового режима, предполагающего возможность людей вести обмен мнениями и участие в выработке всех интересующих их вопросов [Габрилян, 2016: 129]. Основные параметры этой модели, по Хабермасу, таковы: 1) никто из желающих внести реальный вклад в дискуссию не может быть исключен из числа ее участников; 2) всем представляются равные шансы на внесение своих соображений и предложений; 3) слова участников не должны расходиться с делами; 4) коммуникация должна быть свободна от внешнего или внутреннего принуждения [Хабермас, 2001]. Исходя из того, что эта форма предполагает существование общества свободных и равноправных индивидов, определяющих формы совместной жизни путем диалога о ключевых проблемах жизненного мира, его неперменной чертой становится обеспечение справедливости в самом широком смысле этого слова. Эта характеристика в различных пропорциях присуща значительному количеству государств, относящих себя к демократическим.

Во-вторых, сочетание ОД с *авторитарной формой правления*. В России ключевые позиции такой формы отражает договор «Об общественном согласии» от 28.04.1994 г., целью которого, по словам президента Б. Ельцина, было достижение политической стабильности, преодоление социально-экономического кризиса, укрепление федеративного устройства, безопасности гражданина и общества. Его специфической особенностью становится определение форм и методов соблюдения согласия общественных сил с политическим режимом при жестко регулируемом процессе волеизъявления народа. Такая форма преобладает в большинстве авторитарных и автократических государств и, подобно «Пакту Монклоа» в Испании, предполагает решение мирным путем сложнейших социально-экономических, политических и правовых проблем социального консенсуса.

В-третьих, появилась специфическая форма ОД, зависящая от *религиозных основ* государства. В теократических государствах (Ватикан, Саудовская Аравия, Иран и др.) источником государственности и базой ОД выступает святая книга (Библия или Коран). Следовательно, договорная ось «общество – государство» уступает место, в некотором смысле, договору между Богом и человеком. При этом остро стоит вопрос сохранения баланса интересов верующих и неверующих, способного обеспечить независимость и невмешательство в сферу личной жизни религиозных объединений и государства [Останин, 2009].

В-четвертых, современной модификацией идеи ОД является пакт, характеризующийся возвратом к системе табуитета, – к запретам, способным удерживать общество в жестких рамках. Рано или поздно подобная ситуация может привести к кризису государственной власти. В свою очередь, если государство слабо и не в состоянии обеспечить «онтологический договор», значимым социальным фактом становится внесударственная реализация закона [Шапино, 2005: 43]. Пакт способен добиться этого, но при одном важном условии – самоустранение людей от управления государством. В чем же разница между ОД и пактом? Договор есть идея всеобщего равенства, сама природа пакта равенство отрицает, подразумевая существование управляемых (население) и управляющих (чиновники, олигархи и т.д.). Договор ограничивает государство в определенных действиях

по отношению к гражданам. Пакт снимает эти ограничения: когда граждане государства вступали в него, они понимали, что тем самым отказываются по своей воле от ряда свобод. Договор не делает граждан пассивными участниками политического процесса. Пакт ограничивает способность граждан влиять на политическую ситуацию в государстве. Кроме того, ОД предполагает наличие у граждан государства определенных свобод, которыми они могут пользоваться при условии соблюдения законов. Положения пакта таковы, что граждане априори отказываются от большей части свобод. Важно подчеркнуть, что при ОД подобный отказ происходит во имя стабильности и порядка в государстве, в то время как по условиям пакта граждане отказываются от свобод ради материальных благ и защиты, которые им должно предоставить государство [Назарова, 2017: 28]. Как заметил Токвиль, в этих условиях народ предпочитает социальное равенство ориентации на реализацию демократии.

И, наконец, отметим такую трактовку ОД – модель современного гражданского общества, являющаяся, по мнению А.А. Аузана, одной из форм ОД. «Общественный договор и гражданское общество – это довольно близкие понятия, потому что в каком-то смысле гражданское общество – это и есть общественный договор... Гражданское общество – это всегда добровольная многосторонняя договоренность людей по поводу достижения и утверждения каких-то прав и интересов. В этом смысле общество – это модель договора» [Аузан, 2005: 7]. Особую роль в современном гражданском обществе приобретают институционализированные общественные объединения, которые выступают в роли активных участников и посредников при заключении такого социального контракта. Они актуализируют проблематику ОД в периоды социальных потрясений и нестабильности, накануне выборов, при необходимости корректировки политического курса – всегда, когда предметом дискуссии становятся базовые принципы и основания, гарантирующие дальнейшее развитие социума [Поленина и др., 2004: 37]. Можно отметить, что ОД – «ключевое понятие», то есть «такая конструкция, которая в ходе масштабных сдвигов социальных и политических структур выполняет функции оператора сдвига» [Солодовникова, 2016: 17].

Структура общественного договора. Подводя итог анализу различных трактовок ОД, подчеркнем, что как документа его не существовало (не существует и не будет существовать), так как он (как ноумен) выражает некое постоянно меняющееся качественное состояние общества, требующее регулярно настраиваемого взаимодействия народа и государства. Он воплощает в себе уровень общественного согласия и доверия, возможность эффективного решения назревающих проблем, уверенность большинства народа в сегодняшнем и завтрашнем дне, т.е. всего, что характеризует степень устойчивости государства.

Постараемся выделить принципиальные, качественно определенные характеристики ОД.

Во-первых, ОД предполагает существование цели, которая разделяется и большинством народа, и государством. Чем величественнее и в то же время конкретнее эта цель, тем большее количество людей вдохновляется ею. При этом она должна быть реальной, восприниматься как достижимая даже в проблемном обществе. Она также означает, что ранее провозглашенная цель (если она существовала) утратила свой потенциал, отвергается и не воспринимается как ориентир для жизнеустройства.

Существование такой цели обеспечивает согласование того, что хотели (хотят) и к чему стремились (стремятся) основные социальные общности и группы, политические организации и движения, а также того, что предлагала(ет) власть, – при учете возможных издержек и просчетов. На государство возлагается высокая ответственность – сформулировать стратегию развития страны, которая бы удовлетворяла народ не только в реально сложившейся ситуации, но и позволила бы ему видеть перспективу, которая скрепляет эту договоренность. Т.е. речь идет об умении оформить эти взаимные стремления и намерения в текущей действительности и на будущее, как залог устойчивого существования государства. Применяя трилемму Кейнса, можно сказать, что в существующих странах используются разные ее аспекты: в Швеции – социальное равенство, в США – свобода, в странах Западной Европы – демократия. В России велик запрос на справедливость.

Во-вторых, цель ОД конкретизируется (выражается) в средствах ее достижения, что находит отражение прежде всего в правах и свободах человека, которые обычно фиксируются в Конституции страны и других официальных правовых документах. Именно их соблюдение и гарантии их реализации предполагают правовое равноправие двух сторон общественного договора – государства и народа, иначе могут происходить взаимоисключающие процессы – рост авторитаризма (тоталитаризма), который ведет к деформации свобод и прав человека или усилению охлократических тенденций, которыми, как правило, пользуются деструктивные силы. Поэтому реальные ОД в большинстве случаев в современной действительности представляют не всегда обоснованную и даже деформированную практику, которая не всегда олицетворяет представления о свободе, демократии, социальном равенстве. Такое состояние приводит к конфликтным ситуациям, протестам, отражая слабость ОД, проявляющуюся в различных формах – от раздражения и недоверия до вооруженного сопротивления, восстания. Напомним, что на праве народа на протест настаивали и Локк, и Руссо. При этом особое значение приобретают моральные оценки власти. Они могут как укрепить правомочность существующей власти, так и усилить ее отрицание и противостояние ей.

В-третьих, доверие народа политическим и социальным институтам и олицетворяющим их лицам, правящим в стране. Для уточнения сути этого доверия используется понятие социальный контракт, означающее, что в реальности существует официальный договор по предоставлению и обеспечению прав и свобод человека как гражданина страны, как жителя поселения и как члена производственной организации. Отметим только: понятие социальный контракт в современной российской действительности приобрело узкий смысл: помощь человеку в преодолении сложных жизненных ситуаций и обеспечении устойчивого социального положения. Иногда в художественном творчестве используют термин «социальный клей», образно характеризующий крепость связей между народом и официальной властью.

В итоге суть согласия между народом и властью в том, что государство учитывает основные ориентации и потребности людей и на этой основе создает «правила игры» – гарантирует условия достойного их существования и обеспечивает их выполнение. Люди в свою очередь соглашаются на правовые требования, связанные с охраной их личности, с защитой их прав и свобод. При этом нередко происходит добровольное подчинение ограничительным законам, если люди видят, что их основные интересы и потребности учитываются, принимаются к сведению и в той или иной мере выполняются. В этой связи интересно соображение Н. Бердяева, критически отнесшегося к Октябрьской революции, но в то же время видевшего, почему народ пошел за большевиками. «Ленин не мог бы осуществить своего плана революции и захвата власти без переворота в душе народа. Переворот этот был так велик, что народ, живший иррациональными верованиями и покорный иррациональной судьбе, вдруг почти помешался на рационализации всей жизни, поверил в возможность рационализации без всякого иррационального остатка, поверил в машину вместо Бога» [Бердяев, 2004: 274–275].

В-четвертых, сущность ОД выражается в соответствии реальной государственной политики основным (преобладающим, господствующим) устремлениям, ценностным ориентациям и интересам народа. Для этого требуется знать состояние и тенденции развития общественного сознания во всех гражданских, социальных, национальных и культурных его проявлениях и на этой основе обеспечивать строительство и регулирование государственной и общественной жизни. В настоящее время эта потребность в определенной (не всегда полной) степени восполняется посредством зондажа общественного мнения по злободневным, перспективным, проблемным вопросам развития страны, регионов, экономических, социальных, политических и культурных процессов.

Особо отметим огромное значение оценки *политического строя и его руководства*. Она может концентрироваться на целях, выраженных в лозунгах и призывах, но обязательно проверяется реальностью.

В-пятых, ОД – дорога с двусторонним движением, что предполагает существование обратной связи между властью и народом, проверку ее эффективности и реальности. Это непереносимое требование для согласования целей политической власти и ценностных ориентаций народа. У Гоббса такой целью была безопасность, у Локка – свобода, у Руссо – безопасность и демократия, у Монтескье – правовое равенство, у Ролза – справедливость. Иначе говоря, ОД призван обеспечить постоянный, регулярный и мобильный социальный контакт на основе достижения основной цели, а также предлагать средства и методы ее осуществления, взаимопонимания и соответственно поддержки.

При этом очень важно, обеспечивается ли *реальное участие народа* в принятии решений на всех уровнях социальной организации общества (в первую очередь в виде участия в общественных организациях, движениях и личной причастности к гражданской активности). Пока это участие нередко сводится к голосованию во время избирательных кампаний и в значительно меньшей степени к присутствию на политических и социальных акциях, участию в них. Если эти требования не соблюдаются, страна сталкивается с обострением социальной напряженности, ростом недовольства тех или иных групп населения, всплеском протестов – демонстраций, забастовок, пикетов вплоть до вооруженного сопротивления.

В-шестых, ОД предполагает обеспечение согласия и баланса интересов не только между всем народом и властью, но и между составляющими этот народ социальными общностями и группами внутри общества, иначе говоря, обеспечение учета многообразия интересов социальных общностей и групп – и не только на политическом, экономическом и социальном уровнях. Особенно важно согласие на моральном, как наиболее фундаментальном, обеспечивающем подлинную сущность и природу ОД уровне. Моральное единство возникает на основе соблюдения и поддержания доверительных отношений, устранения всяких попыток противостояния, соперничества, предубежденности, строится на основе базовых ценностных ориентаций главных социальных сил, согласование которых в многом – это ответственность государственной власти. Правда, это не означает, что ценностные ориентации неизменны: поиск согласия в целом обществе и между основными субъектами действия – постоянное требование сохранения и поддержания ОД.

Общественный договор не может оставаться неизменным длительное время. Он постоянно нуждается в уточнении, перенастройке в соответствии с меняющимися условиями жизни. Важное значение приобретает учет интересов социальных групп – профессиональных, демографических, этнонациональных, конфессиональных и их особенностей на каждом этапе общественного развития. В этой связи актуально утверждение, что утрата связи с реальностью, возникновение точек напряжения угрожает существованию ОД и как следствие – политического режима. Стороны ОД – государство и народ – предполагают равноправие участников, иначе возможны взаимоисключающие процессы: рост авторитаризма (тоталитаризма), деформации свобод и прав человека, охлократические тенденции, как правило, открывающие путь деструктивным силам. Поэтому в реалиях большинства случаев современной действительности ОД представляют собой деформированные образования, не всегда олицетворяющие равноправное единство.

Содержание ОД серьезно варьирует в зависимости от конкретного государства, страны, этапа их развития. Применительно к российскому государству к регистрируемому показателю ОД можно отнести доверие к политической власти, оценку гражданином уровня своего благосостояния, (не)уверенность в социальной защите и личной безопасности, участие в принятии решений, начиная от государственных распоряжений и завершая делами организаций, где человек работает и живет. Все возрастающее значение приобретают требования обеспечить суверенитет личности, который по-разному реализуется в конкретной ситуации в рамках конкретного государства.

Заключение. Кратко сутью идей ОД можно назвать социальный контракт между народом и государством, который носит характер открытого и в значительной степени латентного соглашения по поводу существующего и будущего жизнеустройства его

участников. Внешние признаки такого контракта: официальная экономическая и социальная политика и средства их реализации предполагают учет реальных ценностных ориентаций и устремлений народа. Содержанием ОД выступает постоянное взаимодействие со стороны народа и со стороны государства. Только такое взаимодействие выявляет возможности реализации этого союза, без чего существование государства невозможно или находится под вопросом.

Новый общественный строй, который возникает после ухода в прошлое прежнего, обретает не только новые социально-экономические условия своего существования, но и ведет к появлению иного типа людей. Пришествие буржуазного общества привело к появлению на исторической арене принципиально новых классовых общностей – буржуазии и рабочего класса. Появление в России советского строя объективно привело к потребности в появлении нового человека или, как пишет академик Г.Л. Смирнов, формированию социалистического типа личности [Смирнов, 1971].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А.А. *Общественный договор и гражданское общество* // Мир России. 2005. № 3. С. 3–18.
- Бакунин М.А. *Анархия и Порядок*. Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.
- Бердяев Н. *Истоки и смысл русского коммунизма*. М.: Наука, 1990.
- Богомолов О.Т. (ред.) *Неэкономические грани экономики: Непознанное взаимовлияние*. М.: Институт экономической стратегии, 2010.
- Габрилян Э.В. *Правовое государство как теоретическая модель государственно-правовой модернизации* // Труды ИГП РАН. 2016. № 1. С.121–132.
- Гоббс Т. *Соч.* В 2 т. Т. 2 / Сост., ред., автор прим. В.В. Соколов. М.: Мысль, 1991.
- Гольбах П.А. *Основы всеобщей морали или Катехизис природы* / Избр. произв. В 2 т. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1963.
- Локк Дж. *Два трактата о правлении* // Локк Д. Сочинения, тт. 1–3. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
- Метерлинк М. *Избранные произведения*. М.: Панорама, 1996.
- Монтескье Ш. *Избранные произведения*. В 2-х томах. М., 1955.
- Назарова Н.А. *Современные формы общественного договора в общественно-государственных отношениях XXI века* // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 2А. С. 24–32.
- Нозик Р. *Анархия, государство и утопия* / Пер. с англ. Б. Пинскера, под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008.
- Олсон М. *Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры*. М.: Новое издательство, 2012.
- Останин А.В. *Светское государство и демократия* // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 104–107.
- Поленина С.В., Гаврилов О.А., Колдаева Н.В., Лукьянова Е.Г., Скурко Е.В. *Правовая политика России в условиях глобализации* // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1. С. 28–37.
- Радищев А.Н. *Полное собрание сочинений*. М.; Л.: АН СССР, 1952. Т. 3.
- Ролз Дж. *Теория справедливости*. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995.
- Руссо Ж.Ж. *Об Общественном договоре: Трактаты*. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; КАНОН-Пресс-Ц, 2000.
- Смирнов Г.Л. *Советский человек. Формирование социалистического типа личности*. М.: Политиздат, 1971.
- Солодников О.Б. *Общественный договор как медиакурс (на примере общероссийских печатных СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук*. М., 2016.
- Токвиль А. *Старый порядок и революция* / пер. с фр. Л.Н. Ефимова. СПб.: Алетейя, 2008.
- Тощенко Ж.Т. *От феномена к ноумену: опыт методологического и методического поиска* // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 3–14.
- Хабермас Ю. *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. СПб.: Наука, 2001.
- Шапиро И. *Моральные основания политики*. М.: КДУ, 2004.
- Buchanan J., Tulloch G. *The calculus of consent, the logical foundations of constitutional democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.

Статья поступила: 20.04.23. Финальная версия: 19.05.23. Подписана к печати: 22.05.23.

SOCIAL CONTRACT AS A NOUMENON: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL UNDERSTANDING

TOSHCHENKO Zh.T.

Russian State University for the Humanities; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Zhan T. TOSHCHENKO, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Prof., Scientific Supervisor of the Faculty of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (zhantosch@mail.ru).

Acknowledgements. This work is supported by the Russian Science Foundation (grant № 23-18-00093).

Abstract. The article characterizes the process of emergence in social cognition of social contract ideas, first put forward and substantiated by the Enlightenment thinkers. They formulated ideas about its essence and content interpreted as a social contract between the people and the state with the focus of attention on latent, implicit nature of this process. A significant place is given to analysis of existing theories of the social contract, to identifying their features on the basis of diverse options of its interpretation and implementation in the modern scholarship. Particular attention is paid to the identifying main characteristics of the social contracts, its semantic essence as a unity of goals of their participants accentuating observance of mutual trust, coordination of interests, constant feedback. Modern interpretations of the social contract are discussed, as well as attempts to offer new options for understanding practices of its implementation in current socio-political life. It is emphasized that the social contract as a noumenon contains not only obvious, but also latent criteria, expressing the constantly changing qualitative state of society and requiring regular customizable interaction between the people and the state.

Keywords: social contract, state, society, people, public consciousness, trust, consent, compromise, consensus.

REFERENCES

- Auzan A.A. (2005) Social contract and civil society. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2005. No. 3: 3–18. (In Russ.)
- Bakunin M.A. (2000) *Anarchy and Order. Works*. Moscow: EKSMO-Press. (In Russ.)
- Berdyayev N. (1990) Origins and meaning of Russian communism. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Bogomolov O.T. (ed.) (2010) *Non-economic facets of the economy: Unknown mutual influence*. Moscow: Institute of Economic Strategy. (In Russ.)
- Buchanan J., Tulloch G. (1962) *The calculus of consent, the logical foundations of constitutional democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Gabrilyan E.V. (2016) Legal state as a theoretical model of state-legal modernization. *Trudy IGP RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences]. No. 1: 121–132. (In Russ.)
- Golbach P.A. (1963) Fundamentals of universal morality or Catechism of nature. Vol. 2. Ed. Kh. Momjyan. Moscow: Sotsekgiz. (In Russ.)
- Habermas Yu. (2001) Involvement of the Other. Essays on Political Theory. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Hobbes T. (1991) *Op.* In 2 vols. T. 2 / comp., ed. V.V. Sokolov. Moscow: Thought. (In Russ.)
- Locke J. (1988) Two treatises on government. In: Locke J. *Works*, vols. 1–3. V. 3. M.: Thought. (In Russ.)
- Maeterlinck M. (1996) *Selected Works*. Moscow: Panorama. (In Russ.)
- Montesquieu Ch. (1955) *Selected Works*. In 2 vols. Moscow. (In Russ.)
- Nazarova N.A. (2017) Modern forms of a social contract in social and state relations of the XXI century. *Voprosy Rossijskogo i mezhdunarodnogo prava* [Questions of Russian and international law]. Vol. 7. No. 2A: 24–32. (In Russ.)
- Nozick R. (2008) *Anarchy, state and utopia*. Moscow: IRISEN. (In Russ.)
- Olson M. (2012) Power and prosperity. Outgrowing communist and capitalist dictatorships. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russ.)
- Ostanin A.V. (2009) Secular State and Democracy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. No. 325: 104–107. (In Russ.)
- Polenina S.V., Gavrilov O.A., Koldaeva N.V., Lukyanova E.G., Skurko E.V. (2004) Legal policy of Russia in the context of globalization. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life]. No. 1: 28–37. (In Russ.)

- Radishchev A.N. (1952) *Collected Works*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Vol. 3. (In Russ.)
- Rawls J. (1995) *Theory of justice*. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGU. (In Russ.)
- Rousseau J.J. (2000) *On the Social Contract: Treatises* / Tr. from Fr.A. Khayutina, V. Alekseeva-Popova. Moscow: TERRA-Book Club; CANON-Press-C. (In Russ.)
- Shapiro I. (2004) *Moral foundations of politics*. Moscow: KDU. (In Russ.)
- Smirnov G.L. (1971) *Soviet man. Formation of a socialist type of personality*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Solodnikova O.B. (2016) The social contract as a media course (on the example of the all-Russian print media): dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow. (In Russ.)
- Tocqueville A. (2008) *Old order and revolution* / transl. from Fr. L.N. Efimov. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2019) From Phenomenon to Noumenon: A Methodological and Methodological Search. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 3–14. (In Russ.)

Received: 20.04.23. Final version: 19.05.23. Accepted: 22.05.23.

Д.В. ИВАНОВ, Ю.В. АСОЧАКОВ

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И КРИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ОБЩЕСТВА

ИВАНОВ Дмитрий Владиславович – доктор социологических наук, профессор Северо-Западного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы; заведующий кафедрой теории и истории социологии (dvi2001@rambler.ru); АСОЧАКОВ Юрий Валентинович – кандидат философских наук, доцент (yasochakov@yandex.ru). Оба – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Аннотация. Представлен критический анализ дискурса цифровизации, отражающего менеджериально-бюрократическую апроприацию практик виртуализации социальных процессов. На основе данных эмпирических исследований показано превращение использования цифровых технологий в социальную рутину российских мегаполисов – Москва и Санкт-Петербург. Для раскрытия противоречий и направленности цифровизации предлагается развитие критической теории общества – эволюции неомарксизма Франкфуртской школы. Тотальность структур господства и форм социального контроля в постиндустриальном обществе анализируется на основе авторской концепции алгоритмической рациональности, сменяющей технологическую рациональность позднеиндустриальной эпохи. В качестве потенциала ухода из-под контроля алгоритмической рациональности представлены тенденции поствиртуализации и микродвижения в повседневности, образующие бунт аутентичности против принудительной цифровизации социальной жизни.

Ключевые слова: цифровизация • критическая теория • алгоритмическая рациональность • поствиртуализация

DOI: 10.31857/S013216250024389-0

Введение: технократический дискурс и рутинность цифровизации. Цифровизация стала одной из популярнейших тем отечественной социологии. Поиск в базе данных *elibrary.ru* выдает за 2018–2022 гг. 1856 журнальных статей по тематике «Социология», содержащих в названии слово «цифровизация»; за пятилетку 2013–2017 гг. в базе 1(!) такая статья¹. Резкий подъем интереса к проблематике цифровизации симптоматичен. Но в большинстве случаев российские исследователи в работах по цифровизации не столько развивают инновационную отрасль социологии, сколько формируют дискурс, следующий в русле менеджериального дискурса цифровизации, возникшего в 1990-х гг. [Tapscott, 1995]. Этот дискурс подхвачен российскими социологами в последние годы вслед за спичрайтерами госчиновников; манифесты вроде программы «Цифровая экономика Российской Федерации» служат базовыми референтами для исследователей наряду с западными академическими источниками [Selwyn, 2019].

В разнообразии используемых в публикациях о цифровизации парадигм и методов в академических текстах обнаруживается доминирование общего подхода. Социальные изменения представлены как эффекты технологических инноваций и управленческих решений, как формы адаптации к ним. Технократический, менеджериально-бюрократический

Статья подготовлена при поддержке РФФ, проект № 21-18-00125.

¹ См. также [Смирнов, 2023], где анализируются публикации ведущих социологических журналов за период с 2000 г. по 2021 г. с целью изучения особенностей влияния цифровизации общества на социологию.

Таблица

Распределение ответов респондентов в Москве и Санкт-Петербурге на вопрос о частоте использования Интернета, % от числа опрошенных

Показатели	Москва		Санкт-Петербург	
	2020	2022	2020	2022
Пользуются ежедневно	87,2	92,7	83,7	94,8
Несколько раз в неделю / месяц / год	5,5	4	6,1	3,5
Практически / совсем не пользуются	7,1	3,2	9,7	1,7

дискурс не критически демонстрирует оптимизм в отношении цифровизации – очевидно, запоздалый. Данные массовых опросов свидетельствуют о рутинном использовании цифровых технологий населением. Доля ежедневно пользующихся Интернетом, по опросам ВЦИОМ, на протяжении 2022 г. колебалась в диапазоне 71–77%².

На моральное старение дискурса цифровизации указывают данные о превращении использования цифровых технологий в социальную рутину в центрах постиндустриального развития – мегаполисах, где доля ежедневно пользующихся Интернетом выходит на уровень 90–95%³ (табл.).

О рутинности цифровизации свидетельствуют ответы об использовании цифровых технологий в практиках работы, потребления, общения. О регулярном использовании компьютера или мобильного телефона для обсуждения и решения рабочих вопросов в 2022 г. заявили больше половины респондентов: 56,5% в Москве и 52% в С.-Петербурге. Две трети (67% в Москве и 61% в С.-Петербурге) регулярно используют цифровые устройства в банковских операциях. На цифровых платформах совершали покупки в прошедшем году две трети: самую популярную из платформ Ozon упомянули 67% в Москве и 63% в С.-Петербурге. Регулярное общение с друзьями и близкими через социальные сети отметили 44,7% в Москве и 48,5% в Петербурге, через мессенджеры – 81,3 и 77,2% соответственно.

Социальными сетями пользуются 80% (Москва) и 84% (Санкт-Петербург) респондентов, которые вообще используют Интернет. Большинство предстает преимущественно потребителями контента, которые просматривают новости, читают посты других пользователей, смотрят видео, слушают музыку. Создание контента, то есть размещение собственных постов (ведение блогов, выкладывание текстов, историй, фото, видео, картинок и т.д.) – частая практика менее чем 15% интернет-пользователей. Преимущественно пассивная/формальная включенность в практики использования цифровых платформ – симптом отчуждения от структур, их рутин.

Отчужденность пользователей от цифровых платформ выражено отношением к цифровым коммуникациям как обременительным, навязанным, дискомфортным. Симптомы того, что принудительная виртуализация коммуникаций, практикуемая корпорациями и бюрократией, ведет к отчуждению, видны в данных о практиках обращения на портал «Госуслуги». О пользовании порталом госуслуг заявили 91,2% интернет-пользователей в Москве и 87,3% в С.-Петербурге. Частым это использование назвали меньше трети из них, столкнулись с трудностями при использовании 47% в Москве и 44% в С.-Петербурге.

Отчужденность от навязываемых цифровых технологий показали ответы на вопросы об использовании так называемого искусственного интеллекта (ИИ). С навязанным

² ВЦИОМ. Пользование Интернетом. 2023. URL: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ (дата обращения: 02.02.2023).

³ Данные получены в ходе двух исследований, проведенных методом телефонного опроса Ресурсным центром Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования» (проекты № 106-16435 и № 106-27799) по квотным выборкам (квотирование по полу и возрасту). N = 356 (2020) и 600 (2022) в Москве; 420 (2020) и 600 (2022) в С.-Петербурге. Ошибка для каждой выборки не превышает 5% с вероятностью 95%.

общением с имитирующим человеческую речь цифровым устройством в прошедшем году приходилось иногда или часто иметь дело 79,5% респондентов в Москве и 78,8% в С.-Петербурге. Когда выбор, использовать или нет виртуальных собеседников, остается за пользователями, респонденты гораздо реже обращаются к ИИ. В прошедшем году часто или иногда пользовались услугами голосовых помощников на компьютере и «умными колонками» 26,3 и 26,5% респондентов в Москве и 26,1 и 18,7% в С.-Петербурге.

Данные о рутинности навязывания цифровых технологий показывают, что актуальным для социологов является изучение цифровизации не как инновационного/трансформационного процесса, а как обыденности практик, укорененных в сформированных социальных структурах и нормативных порядках. Привнесение в социологию технократического дискурса в этом смысле является не просто запоздалым, а попятным движением: процессы, представляемые в нем как новые и трансформационные, уже с конца прошлого века изучаются социологами под другими названиями: информатизация, компьютеризация, виртуализация [Castells, 1996; Bühl, 1997; Иванов, 2000].

Цифровизацией в России принято называть комплекс процессов, переводящих существующие практически четверть века социальные структуры и взаимодействия на монополизируемые и контролируемые государством и корпорациями сетевые информационно-коммуникационные платформы. Ограничивая возможности интеракций и получения социальных услуг цифровым форматом, поборники цифровизации провоцируют дискриминацию и нарушение базовых прав граждан, подрывают функционирование, развитие социально-экономических структур, прогрессу которых цифровизация призвана способствовать. В бизнесе и публичной сфере сейчас актуальны решения на базе концепций омниканальности, инклюзии, создания дополненных реальностей. В этом отношении российский дискурс цифровизации и его принудительное одностороннее внедрение в общественную жизнь отстают от практик продвинутых пользователей цифровых технологий и вызывают эффект отчуждения у тех, кто эти технологии осваивает и включает в привычный образ жизни. Цифровизация в ее нынешнем виде противоречит гуманистическим ценностям и традициям, конституирующим российскую общественную жизнь, технико-экономическим императивам опережающего развития.

На фоне эмпирически обнаруживаемых признаков превращения использования цифровых технологий из свободной активности, творчества и общения в отчужденное бытие актуален критический подход к цифровизации – в разных формах и разных парадигмах. В данной статье предложен анализ критики цифровизации, стихийно идущей в русле неомарксизма, продолжающих традицию Франкфуртской школы, и авторская концепция критической теории цифровизации, опирающаяся на эмпирические данные и диалектическое развитие неомарксистской критики инструментальной и технологической рациональности.

Цифровизация в терминах критической теории: диалектика господства и эмансипации. Критика цифровизации и ее эффектов сейчас находится в тени многоголосого и доминирующего аффирмативного дискурса. Но нарастающая научная и общественно-политическая актуальность этой критики все больше осознается социологами. Ряд исследователей обращает внимание на неоднозначность результатов цифровизации: форсированное и вынужденное внедрение цифровых технологий не ведет к расширению свободы, повышению качества жизни и эффективному функционированию социальных институтов, провоцируя рост неравенства, сегментацию и сегрегацию, подчиняя частную сферу государственному контролю [Григорьева, 2022]. Исследователи практик использования «умных» устройств для селф-трекинга выявляют двойственное отношение пользователей: то позитивное восприятие этих форм контроля, то попытки освободиться от них [Давыдова и др., 2021]. Критику двойственности цифровизации продолжает концепция ее фундаментальной «амбивалентности» – сочетание тенденций организации и дезорганизации вследствие навязывания «рационально-формальной» модели цифровизации, ведущего к хаотизации и дегуманизации [Кравченко, 2022]. Симптоматично: в критическом дискурсе двойственности/амбивалентности цифровизации либо прямо используются отсылки к идеям Маркса

и Адорно [Григорьева, 2022], либо неомарксистская схема диалектики формальной рациональности, превращающейся в собственную противоположность, используется без ссылок и без рефлексии источников и логики этой схемы [Кравченко, 2022].

Критики цифровизации стихийно обращаются к терминологии и логике анализа социальных процессов, которую в прошлом предложили неомарксисты Франкфуртской школы и частично продолжили французские постструктуралисты. В обращении к критической теории нет последовательности: для российских исследователей характерно рассмотрение цифровизации как объективного и фундаментально позитивного процесса, в котором ими противопоставляются друг другу негативно оцениваемая глобалистская цифровизация и принимаемая за истинно прогрессивную цифровизация по некоей «национально-культурной модели», обеспечивающая развитие общества и поддержание культурной идентичности [Кравченко, 2022; Бальчиндоржиева, Золхоева, 2022]. Такой подход замыкает критику негативных аспектов и эффектов цифровизации в рамках менеджериально-бюрократического дискурса. Критика цифровизации превращается в некритический дискурс, утверждающий объективность и истинность процесса и предлагающий лишь иерархию оценок моделей процесса.

Для полного раскрытия противоречий и подлинной направленности цифровизации необходима теория, отправным пунктом которой должна быть критическая деконструкция аффирмативного дискурса политиков, управленцев и разработчиков цифровых сервисов, объективирующих цифровизацию и представляющих ее как инновационный процесс. Вскрытие запоздалости дискурса цифровизации открывает перспективу деконструкции его как выражения господства и отчуждения, характерных для продвинутого постиндустриального капитализма. Идеологи и агенты цифровизации легитимируют свои претензии на доминирование «инновационностью», в действительности не создавая новые социальные практики, следуя за уже возникшими. Они лишь внедряют инструменты, которые приносят экономические и политические выгоды за счет масштабирования созданных до них практик и перевода их на подконтрольные государству и крупным корпорациям цифровые платформы. Дискурс цифровизации отражает не социальные инновации, а менеджериально-бюрократическую апроприацию (присвоение) рутинных практик виртуализации социальных процессов.

В мировой социологии востребованность критической теории отражена в серии работ, в которых ведущие исследователи от деконструкции идеологизированности менеджериально-бюрократического дискурса цифровизации [van Dijck, Nieborg, 2009; Fisher, 2010] перешли к попыткам применить марксистскую критику политэкономии и неомарксистскую критику технологической рациональности к анализу роста сетевого капитализма и цифрового отчуждения [Fuchs, Sevignani, 2013; Bilić, 2018; Delanty, Harris, 2021]. Наиболее полно эта тенденция теоретизирования выражена в работе Р. Хассана «Состояние дигитальности» [Hassan, 2020]. Цель автора – связать доцифровую критическую теорию с новыми условиями существования человека, чья естественная «аналоговая» сущность отчуждается во всепроникающую систему цифровых алгоритмов. Алгоритмы – новая форма инструментализации разума, замещают собой осознанное действие и свободу выбора. Это новое отчуждение – главная проблема эпохи. Подход Хассана, называемый им постмодернистским марксизмом, из-за отсутствия в нем диалектики выглядит скорее консервативной риторикой «аналогового гуманизма», направленной против негативных эффектов «цифрового капитализма».

Диалектика цифровизации, игнорируемая Хассаном, обнаруживается в его критике «калифорнийской идеологии» (техно-либертарианизма) как альтернативного мышления, соединившего идеи хиппи и бизнес-идеи 1960-х гг. и полагающего человеческую свободу достижимой не через институты современной политики, а через компьютерные сети [Hassan, 2020: 10]. Это техно-либертарианское движение и его результаты в перспективе, предложенной Хоркхаймером и Адорно в «Диалектике просвещения» [Adorno, Horkheimer, 1947] и Маркузе в «Одномерном человеке» [Marcuse, 1964], позволяет видеть характерный

паттерн: движение к эмансипации превращается в свою противоположность – систему господства, чреватую новым отрицанием в виде следующего освободительного движения. Без этой диалектической перспективы утрачивается критический потенциал ключевой идеи Хассана о роли алгоритмизации как драйвера нового отчуждения.

Стремление к диалектическому подходу в приложении классических идей критической теории Франкфуртской школы к анализу процессов цифровизации прослеживается в работах Д. Берри и К. Фукса [Berry, 2014; 2015; Fuchs, 2014; 2016]. Берри, отталкиваясь от идей Хоркхаймера и Адорно о превращении культуры как сферы человеческого творчества в отчужденное функционирование культур-индустрии, разработал концепцию диалектики компьютеризации как превращения демократизации цифровых технологий в систему тотального контроля. Человек из актора становится *компактантом* (compactant) – отчужденным субъектом компьютерного капитализма. Перспектива критического анализа такого капитализма и сопротивления ему связана с тем, что цифровое внутренне противоречиво. В нем есть поверхностные слои символического, абстрактного. На них сфокусировано внимание. Но есть и фундаментальные слои аналогового, материального – кремниевый субстрат, физическая реальность цифровых устройств и их производства, телесная и ментальная реальность разработчиков, пользователей. Чувственная сторона цифрового должна стать основой постцифровой эстетики как теории и практики выхода за пределы одномерного поверхностного слоя цифрового.

Наиболее последовательный и сильный акцент на диалектическом подходе в развитии критической теории цифровизации демонстрируют работы К. Фукса [Fuchs, 2014; 2016], который опирается на весь комплекс идей Франкфуртской школы как важнейшую традицию XX в., которая должна быть обновлена применительно к реалиям XXI в. Цель Фукса – построение критической теории коммуникации, идущую дальше Хабермаса, чья теория коммуникативного действия не учла цифровизацию. Опираясь на диалектический анализ базовых категорий марксизма у Маркузе, Фукс рассматривает цифровые медиа как инструменты/технологии господства и в то же время освобождения, а практики цифровой коммуникации как противоречивое единство труда и игры (playbour). Разрешение противоречий современного общества видится в апроприации подконтрольных корпорациям и государству цифровых медиа простым народом (commons) в процессе реальной социальной борьбы.

Несмотря на тщательную реконструкцию схем классиков Франкфуртской школы, теория Фукса не является по-настоящему критической. Ей недостает диалектического развития, синхронного трансформациям общества. Репрезентация капитализма XXI в. в терминах первой половины XX в. – инструментальный разум (Хоркхаймер) и технологическая рациональность Маркузе – противоречит принципам критической теории и тому, к чему стремились классики Франкфуртской школы – радикально обновить марксизм сообразно новым социально-историческим условиям. Через более чем полвека после «Диалектики просвещения» и «Одномерного человека» вписывать цифровизацию в категории, релевантные индустриальному капитализму, является стратегией догматической, а не диалектической теории.

В лучших образцах критики цифровизации у Р. Хассана, Д. Берри, К. Фукса можно найти отдельные идеи для разработки новой критической теории. Но в них нет ключевого решения – соединения новой концепции отчуждения, сфокусированной на виртуализации и алгоритмизации, с концепцией исторической динамики капитализма, движимого диалектикой господства и эмансипации. И это соединение должно быть осуществлено на основе фундаментального принципа: специфический способ существования критической теории – ее перманентное диалектическое развитие, не дающее ей выродиться в ритуальный аффирмативный дискурс.

Наиболее полной реализацией принципов критической теории, заложенных в ее проекте середины 1930-х гг. [Horkheimer, 1937; Marcuse, 1937], предстает цикл работ Г. Маркузе: «Разум и революция» (1941) – «Эрос и цивилизация» (1955) – «Одномерный человек» (1964). Это вехи теоретизирования, нацеленного на негативный анализ тотальности господства и выведение идеи освобождения из эмпирически фиксируемых тенденций

отрицания этой тотальности. Диалектическое развитие понятия свободы у Маркузе образует линию 'Разум – Эрос – Пост-технологическая рациональность'. В ней хорошо просматривается гегелевская парадигма 'Тезис – Антитезис – Синтез'. Диалектическое развитие понятия свободы через отрицание прежнего у Маркузе – результат анализа того, как капитализм трансформировался от раннеиндустриальной стихии рыночной конкуренции и политической конфронтации к рационально организованной системе монополий, государственного контроля и массовой культуры и далее к позднеиндустриальной системе комфортабельной несвободы в обществе потребления.

Непреднамеренным результатом теоретизирования Маркузе стало открытие общего паттерна диалектики современности. Развитие общества происходит через отрицание сложившейся системы господства – антисистемными аутсайдерами с их утопиями, антиобщественным образом жизни и подрывными движениями, которые превращаются в собственную противоположность, абсорбируются и становятся источником новой нормативности системы господства, открывающей следующий цикл негативной диалектики.

Диалектическая схема, согласно которой освободительные движения сегодня оборачиваются новыми формами социального контроля завтра, работает и через десятилетия после публикации последних работ Маркузе. Применяя эту схему к последующим событиям и тенденциям, можно прийти к выводу, что посттехнологическая рациональность, протест меньшинств и новых левых из идей и практик, бывших «Великим отказом» – радикальным отрицанием одномерного общества в 1960-х гг., превратились к началу 2000-х гг. в новые формы комфортабельной несвободы. Эти формы теперь существуют как гибкие структуры постфордизма, адаптированные под разнообразие потребительского спроса, под стандарты «ответственного потребления» и «климатическую повестку», а также как жестко навязываемые нормативы репрессивной толерантности, позитивной дискриминации и «новой этики».

Диалектическая версия критической теории (Маркузе) при всех сходствах терминологии и риторики существенно отлична от догматической версии (Хоркхаймер, Адорно) и компромиссной версии (Хабермас). Она открыта для дальнейшего развития [Немецкая социология, 2003: 377–410]. Поэтому для разработки критической теории цифровизации в наибольшей степени подходит маркузеанская версия. В контексте общей диалектики современности тенденции виртуализации общества конца XX в. предстают отрицанием тотальности господства, уходом из-под контроля институтов позднеиндустриального общества – структур «одномерности». А цифровизация начала XXI в. – это абсорбция антисистемных и контркультурных движений системой господства и апроприация созданных ими альтернативных структур. Виртуализация замещает материальные объекты и реальные действия образами и коммуникациями. Социальные отношения принимают форму отношений между образами, а привычные социальные структуры – интеракции и институты вытесняются сетевыми структурами. Контраст между виртуальной реальностью и привычной социальной реальностью был впечатляющим на рубеже XX и XXI вв., когда энтузиасты новых технологий и экономики, включая адептов критикуемой Р. Хассаном «калифорнийской идеологии», создавали виртуальные структуры, избегающие контроля реифицированных институтов и локальных порядков интеракций. Сейчас, ближе к середине нового столетия, виртуальная реальность образов и коммуникаций, цифровые платформы виртуализации перестают быть социальной экзотикой, становясь рутинной обыденностью. Большинство населения погружено в виртуальную реальность образов и коммуникаций и непрерывно вовлечено в использование цифровых технологий. Особенно это характерно для крупнейших городов.

Последнее по времени проявление «Великого отказа» – «Великий исход» тех, кто практиковал сетевой эскапизм, виртуализацию как эмансипацию, теперь превращается в свою противоположность и становится основой системы тотальной социализации на цифровых платформах. Из ранних практик хакеров, киберпанков, активистов копиленфта вырастает система коммодификации, отчуждающая не только привычный труд в рабочее

время, но любые повседневные практики общения, потребления, обучения, лечения и т.д. Несвязанные институциональными рамками контрактных отношений, формально свободные от технологических корпораций пользователи сетевых платформ непреднамеренно создают для собственников и топ-менеджеров стоимость гораздо большую, чем труд персонала этих компаний.

С точки зрения критической теории цифровизация – это перевод социальных структур и взаимодействий на сетевые информационно-коммуникационные платформы, функционирующие на основе цифровых технологий. Цифровизация инструментально реализует и технически оформляет давно идущие процессы виртуализации общества. Цифровые технологии так стремительно развиваются в последние десятилетия потому, что оказались наиболее эффективным средством виртуализации социальных процессов. Не цифровизация виртуализирует общество, а виртуализация общества вызывает цифровизацию.

Однако менеджериально-бюрократический дискурс цифровизации, господствуя в публичной сфере и социальных науках последние годы, переворачивает соотношение социальных и технологических аспектов трансформации общества, соотношение виртуализации и цифровизации. Цифровые технологии фетишизируются. В перспективе критической теории технократическая фетишизация цифровых платформ и алгоритмов, выдаваемых за «искусственный интеллект», раскрывается как отражение апроприации государством и корпорациями рутинных практик виртуализации социальных процессов и отчуждения человеческой субъективности/субъектности в цифровые платформы. В алгоритмах и интерфейсах этих платформ легко обнаружить не сверхчеловеческую силу «высоких технологий», а ограниченную рациональность и зауженный горизонт культурного опыта погруженных в социальную рутину конкретных разработчиков и тестировщиков.

Выявить эмпирически паттерны фетишизации алгоритмов и интерфейсов, разрабатываемых и используемых людьми, – важная задача критической теории цифровизации. Однако более фундаментальная задача такой теории – аналитически выявить новую форму рациональности, лежащую в основе современной тотальности господства. Стремление Р. Хассана, Д. Берри, К. Фукса и других продолжателей традиции Франкфуртской школы определять рациональность «цифровой эпохи» как инструментальную или технологическую ведет к утрате историчности и диалектического характера критической теории, к превращению ее в ритуал, догматизирующий классику середины прошлого века.

К новой диалектике: алгоритмическая рациональность и логика поствиртуализации. В современных условиях критическая теория должна двигаться дальше, исходя из выявленной основателями Франкфуртской школы историчности и диалектики рациональности. Понятие инструментальной рациональности Хоркхаймера и Адорно в «Диалектике просвещения» выработано в широком контексте анализа столкновения традиционной культуры, укорененной в аграрной цивилизации, с просвещением, олицетворяющим наступление индустриального общества. Рациональность, ориентированная на представление любого феномена в качестве инструмента – единичного и относительно простого объекта – орудия продуктивной деятельности или средства манипулирования людьми, не выходит за горизонт опыта крестьян, рабочих, торговцев, интеллектуалов времен раннего капитализма. Альтернатива инструментальной рациональности конструировалась как радикальное отрицание рациональности в форме высвобождения чувственности, естественных влечений, как в «Эросе и цивилизации» Маркузе, или как гуманизация рациональности через свободные и нацеленные на достижение взаимопонимания дискурсивные практики, как в «Теории коммуникативного действия» Хабермаса.

Понятие технологической рациональности Маркузе создано в совершенно другом контексте. Анализ позднеиндустриального общества массового производства и потребления приводит к концепции рациональности, ориентированной на представление реальности как сложно организованного порядка вещей, эффективное использование которых возможно только в рамках системы коллективных действий. Технологическая рациональность – концепция, фиксирующая горизонт опыта участников массовых процессов

материального и символического производства и потребления в условиях организованного капитализма. Альтернатива – посттехнологическая рациональность, соединяющая чувственность/телесность и разум, выводилась в «Одномерном человеке» Маркузе из практик контркультуры меньшинств, борющихся за право на автономный образ жизни, молодежных бунтов, антиколониалистских движений середины XX в.

В контексте продвинутого постиндустриального общества требуется переход критической теории от концепции технологической рациональности к новой форме. Её можно определить как алгоритмическую рациональность. Применительно к постиндустриальному обществу *алгоритмическая рациональность* – новая логика господства. Алгоритмическая рациональность является схемой восприятия реальности как динамичной и гибридной совокупности объектов, успешное обращение с которыми предстает как выстраивание сети отношений между ними в соответствии с программой, задающей последовательность решения стандартных задач. Именно эта форма рациональности сейчас отражает и формирует опыт подавляющего большинства производителей и потребителей, менеджеров и клиентов в условиях постиндустриального капитализма сетей и потоков.

Экспансия цифровых технологий, оправдываемая высвобождением труда в результате автоматизации производственных процессов, приводит к росту не учитываемых и не компенсируемых трудозатрат пользователей, а главное, к тому, что алгоритмическая рациональность замещает коммуникативную рациональность, человеческую субъективность и субъектность. Особенно это заметно в буме внедрения так называемого искусственного интеллекта. Сетевые платформы, организуя выдачу данных в соответствии с моделируемыми по персональным цифровым следам предпочтениями и решениями, не просто имитируют работу индивидов с информацией. Они ограничивают информационный и коммуникативный горизонт, препятствуют выбору и действиям, отклоняющимся от навязанных разработчиками и администраторами платформ схем. Дроны, боты, нейросети редуцируют интеллектуальные усилия и творческий процесс к подбору решения из массы шаблонов, организуемых на социокультурном уровне не выше достигнутого массой программистов и менеджеров. Искусственный интеллект сегодня – это отчужденное бытие заурядного разума. Вопреки технократическому энтузиазму, программируемые автоматизмы не высвобождают ресурсы, а увеличивают их расходование, повышают трудозатраты, тормозят социальное развитие. Карбоновый и кремниевое-редкоземельный следы цифровых индустрий огромны [Sharma, Dash, 2022].

Обращение к средствам искусственного интеллекта без необходимой рефлексии, тем более их фетишизация, редко становится предметом критического анализа [Тавокин, 2019]. Совершенно не разработанной остается важнейшая для критической теории проблема концептуализации сопротивления и альтернативы господству алгоритмической рациональности. В первом приближении альтернативой алгоритмичности можно представить *аритмичность* жизни, не подчиненной ритмам, навязываемым через цифровые платформы и гаджеты. Интуитивное понимание цифровых технологий как средств контроля и частичный уход из-под контроля алгоритмов, поворот от виртуальности к телесности и непосредственности опыта изредка входят в повседневные практики немногочисленных пользователей [Давыдова и др., 2021]. Их стихийный «малый отказ» далек и от маркузеанского «Великого отказа» [Marcuse, 1964], и от утопии апроприации средств коммуникации через социальную борьбу [Fuchs, 2016]. Но в полном соответствии с классическим проектом критической теории 1930-х гг. [Marcuse, 1937] в эмпирически фиксируемых, пусть маргинальных практиках саботирования, замедления цифровых ритмов, сопротивления их контролирующей силе должна быть найдена реальная основа новой утопии эмансипации.

Потенциал эмансипации полвека назад виделся в маргинальных сообществах, включаемых из одномерного общества – контркультуре хиппи, молодежных движениях, разного рода меньшинствах, населении стран «третьего мира» [Marcuse, 1964]. К началу XXI в. антисистемность и асоциальность альтернативных движений того времени была абсорбирована, апроприрована и превращена в нормативную основу репрессивной

многомерности постиндустриального общества с характерными для него формами социального контроля: структурами ответственного потребления, позитивной дискриминации, мультикультурализма и толерантности. Эти новые формы социального контроля выросли из апроприации корпорациями и государственной бюрократией практик антисистемных движений. Новые левые, новые социальные движения (экологистские, правозащитные, студенческие, пацифистские, феминистские и т.п.), неомарксизм, включая Франкфуртскую школу, теперь социально и политически стары. Практики и идеи эмансипаторов старшего поколения консервативны и аффирмативны по отношению к системе репрессивной многомерности и дополняющего ее теперь режима тотальной и принудительной виртуализации/цифровизации социальной жизни. Особенно зримо этот консерватизм и лояльность по отношению к подавлению прав и свобод проявились в активной поддержке именно леволиберальными партиями и общественными деятелями неадекватных санитарных и карантинных мер, выведших принудительную виртуализацию и господство посредством цифровых платформ на ощутимо более высокий уровень.

Перспектива эмансипации теперь – в диалектическом отрицании виртуализации и цифровизации, перешедших в режим социальной рутины. Нужно выявлять потенциал сопротивления и освобождения в тенденциях поствиртуализации в суперурбанизированных центрах, где жизнь погружена в плотные сети и интенсивные потоки и потому виртуализация и цифровизация предстают уже историей и бытом предшествующего поколения. Перепроизводство образов и коммуникаций приводит к их обесцениванию, а ценностью становится физическое присутствие, тактильность, «аналоговый» опыт в противовес «цифровой» трансформации, аутентичность насыщенной жизни в противовес виртуальности имиджей и медийных репрезентаций. Этот ценностный сдвиг и порождает тенденции поствиртуализации.

В контексте процессов поствиртуализации тотализирующие цифровые платформы являются архаичными. Уход из-под контроля алгоритмической рациональности становится естественным движением тех, кто не хочет ни возвращения к довиртуальной архаике прошлого, ни пребывания в тотально цифровой архаике настоящего. Неотрефлексированный и неполитизированный бунт аутентичности против тотальной виртуальности проявляет себя в повседневных практиках создания дополненных социальных реальностей. Наглядные примеры этого можно найти в крупных городах, где сначала обычные сквоттеры и активисты альтернативных движений, а затем коммерциализирующие их новые практики бизнесмены создают публичные пространства, функция которых – быть точками доступа к реальности в мире, перенасыщенном виртуальностью.

Общей характерной чертой публичных пространств, которые организуются и функционируют как точки доступа к реальности, является соединение вещей и практик, которые традиционно разграничивались институционально и включались в разные порядки интеракций. Устремляясь в новые публичные пространства, организуя в них поток событий, проектов, впечатлений, поддерживая при этом непрерывные коммуникации и беспрестанно обновляя контент в виртуальных социальных сетях, люди соединяют в одном месте и времени труд и отдых, потребление и производство, обучение и развлечение, обращение с реальными и виртуальными объектами. Сетевые и потоковые структуры, соединяющие в точках доступа к реальности «аналоговый» опыт и «цифровую» трансформацию, пересекают традиционные институциональные границы и взламывают привычные порядки интеракций. В результате такого взаимопроникновения разных реальностей насыщенный цифро-физический опыт современных горожан предстает как социальная жизнь в режиме дополненной реальности.

Новые тренды в потреблении, организации труда и досуга, коммуникациях и стиле жизни показали, что «поворот к реальности» не ослабляет виртуальность, а вводит ее в разумные рамки и ведет к социальной жизни в режиме дополненной реальности, в которой происходит взаимопроникновение разных социальных реальностей и интегрируются физические и цифровые, материальные и символические, производственные

и потребительские, частные и публичные, модернистские и постмодернистские компоненты человеческого существования. Таким образом, после виртуализации социальной реальности эта реальность не исчезает, как предполагали теоретики постсовременности [Baudrillard, 1981], но становится более интенсивной и принимает общую форму, которую можно назвать «дополненной современностью» (augmented modernity).

Дополненная современность локализована в суперурбанизированных центрах. Насыщенная, интенсивная и турбулентная социальность крупных городов контрастирует с социальной жизнью в малых городах и сельской местности, теряющих ресурсы, в первую очередь человеческие, которые «вымываются» потоками, идущими в направлении суперурбанизированных анклавов дополненной современности. За пределами мегаполисов упадок характерных для развитого индустриального общества институтов так называемого «социального государства» (welfare state), демонтированных в ходе неолиберальных реформ, уменьшение числа и разнообразия интеракций, вызванное оттоком наиболее социально активного населения, переводит общественную жизнь в режим «истощенной» современности (exhausted modernity). Диалектика дополненной современности и истощенной современности – новое структурное противоречие, новое измерение социального неравенства и отправная точка развития критической теории.

Заключение: бунт аутентичности против тотальной виртуальности. Анализ структурных противоречий позволяет выявить объективно существующий потенциал эмансипации, ухода из-под власти алгоритмической рациональности. Однако главной проблемой критической теории общества в сегодняшнем обществе остается та же, что и во времена Хоркхаймера и Маркузе. Неомарксистская критическая теория развивалась, движимая разочарованием в революционной субъектности пролетариата и левых партий, в поисках нового политического субъекта эмансипации. Революционная субъектность новых левых и контркультуры была явно переоценена. И теперь отсутствие политической субъектности должно не повергать в теоретическое отчаяние, а указывать на бесперспективность поисков драйверов трансформации в сфере политических институтов и движений, которые после виртуализации остаются лишь структурами имиджевого воспроизводства, символической легитимации алгоритмического управления. В XXI веке «революционеров» и «партизан» следует искать в повседневности, в микрополитике сопротивления социальной рутине.

После «Великого отказа» новых левых 1960-х и «Великого исхода» кибер-активистов 1990-х гг. социальными партизанами становятся относительно немногочисленные маргиналы, кто практикуют «малые исходы» в направлении поствиртуализации: молодежь (digital natives), сбегаящая в реальность жизни и избегающая цифровой архаики; мигранты из зон истощенной современности в очаги дополненной социальности; беженцы от угнетающей рутины институтов и интеракций в узлы сетей и потоков; саботажники, препятствующие нормальному выполнению алгоритмов, отстающие от заданных ими ритмов или, напротив, опережающие их. Бунт аутентичности против виртуальности отчужденного бытия, против тотальной цифровой социализации, против алгоритмической рациональности возникает из множества микробунтов и микродвижений.

Бунт аутентичности против виртуальности может вести к созданию множественных цифро-физических мини-платформ как альтернативы отчуждающим цифровым суперплатформам, может вести к возникновению множества практик свободных от их алгоритмов. Но бунт аутентичности не является источником позитивной социальной утопии. И поэтому предлагается критическая теория цифровизации, в которой бунт аутентичности предстает драйвером развития к будущей тотальности господства, а не глобальный проект общества свободы после цифровизации.

Маркузе в «Одномерном человеке» показал, что предлагающая любую позитивную альтернативу критическая теория сама быстро поглощается и утилизируется в виде аффирмативного дискурса в системе новых форм контроля, поддерживающих отчужденное бытие. Но имманентная критика и субъектность в абсорбирующей любые противоречия и альтернативы тотальности господства возможны. Эта возможность коренится в разной

динамике критической субъективности/субъектности и объективированных структур. Подвижность и аритмичность субъекта выводят его из подчиненности стабильным и монотонным объекностям. Свобода утопична как состояние, но реальна как уход в отрыв, как перманентное усилие и движение, интенсивное и опережающее процесс абсорбции альтернативных практик новыми формами социального контроля. Критическая теория, чтобы не вырождаться в разновидность традиционной и в аффирмативный дискурс, должна быть диалектической. А диалектика – это опережающее движение за пределы обыденной реальности, не просто фиксация «амбивалентности», противоречивости реальности. Реальность сейчас – это социальная рутина цифровизации. Сопrotивление ей через отрицание – задача критической теории, в которой поддерживается дух диалектики и героического пессимизма Герберта Маркузе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бальчиндоржиева О.Б., Золхоева М.В.* Цифровая культура vs культурная уникальность? (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности) // Социологические исследования. 2022. № 3. С. 90–97. DOI: 10.31857/S013216250016858-6.
- Григорьева Е.А.* Цифровые неравенства: причины, формы, последствия // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 161–163. DOI: 10.31857/S013216250017771-1.
- Давыдова А.М., Солянова М.А., Соренсен К.* Дисциплинарные практики цифрового селф-трекинга: между эмансипацией и контролем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 217–240. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1797.
- Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
- Кравченко С.А.* Амбивалентности цифровизации: востребованность ее культурно-национальной модели для устойчивого развития // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 29–37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2.
- Немецкая социология / Под ред. *Р.П. Шпаковой*. СПб.: Наука, 2003.
- Смирнов А.В.* Российская социология в условиях цифровизации общества: результаты анализа корпуса научных текстов // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 39–50. DOI: 10.31857/S013216250022128-3.
- Тавокин Е.П.* Искусственность искусственной социальности // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 115–122. DOI: 10.31857/S013216250005488-9.
- Adorno T., Horkheimer M.* Dialektik der Aufklärung. Amsterdam: Querido Verlag, 1947.
- Baudrillard J.* Simulacres et simulation. Paris: Gallilée, 1981.
- Berry D.* Critical Theory and the Digital. London: Bloomsbury, 2014.
- Berry D.* Postdigital Constellation // Postdigital Aesthetics. Art, Computation and Design / Ed. by *D. Berry, M. Dieter*. London: Palgrave Macmillan, 2015. P. 44–57.
- Billć P.* A Critique of the Political Economy of Algorithms: A Brief History of Google’s Technological Rationality // TripleC. 2018. 16(1). P. 315–331.
- Bühl A.* Die virtuelle Gesellschaft. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 1997.
- Castells M.* The Rise of the Network Society. Oxford, UK: Blackwell, 1996.
- Delanty G., Harris N.* Critical theory and the question of technology: The Frankfurt School revisited // Thesis Eleven. 2021. Vol. 166(1). P. 88–108.
- van Dijk J., Nieborg D.* Wikinomics and Its Discontents: a Critical Analysis of Web 2.0 Business Manifestos // New media & Society. 2009. Vol. 11(4). P. 855–874.
- Fisher E.* Contemporary Technology Discourse and the Legitimation of Capitalism // European Journal of Social Theory. 2010. 13(2). P. 229–252.
- Fuchs C.* Critical Theory of Communication. New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet. London: University of Westminster Press, 2016.
- Fuchs C.* Social Media: A Critical Introduction. London: Sage, 2014.
- Fuchs C., Sevignani S.* What is Digital Labour? What is Digital Work? What’s their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? // TripleC. 2013. 11(2). P. 237–293.
- Hassan R.* The Condition of Digitality. A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life. London: University of Westminster Press, 2020.
- Horkheimer M.* Traditionelle und kritische Theorie // Zeitschrift für Sozialforschung. 1937. Jg. 6. H. 2. S. 245–294.
- Marcuse H.* One-Dimensional Man. Boston: Beacon, 1964.
- Marcuse H.* Philosophie und kritische Theorie // Zeitschrift für Sozialforschung. 1937. Jg. 6. H. 3. S. 625–647.

Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge, UK: Polity Press, 2019.

Sharma P., Dash B. The Digital Carbon Footprint: Threat to an Environmentally Sustainable Future // International Journal of Computer Science and Information Technology. 2022. 14(3). P. 19–29.

Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGraw-Hill, 1995.

Статья поступила: 13.02.23. Финальная версия: 16.03.23. Подписана к печати: 28.04.23.

DIGITALIZATION AND CRITICAL THEORY OF SOCIETY

IVANOV D.V.^{*,**}, ASOCHAKOV Yu.V.^{*}

^{*}Russian Academy of National Economy and Public Administration; St. Petersburg State University, Russia; ^{**}St. Petersburg State University, Russia

Dmitry V. IVANOV, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Russian Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Department of Theory and History of Sociology (dvi2001@rambler.ru); Yuri V. ASOCHAKOV, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. (yasochakov@yandex.ru). Both – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Acknowledgements. This work is supported by the Russian Science Foundation (grant 21-18-00125).

Abstract. The article is presenting a critical analysis of the digitalization discourse which is reflecting not social innovations but managerial and bureaucratic appropriation of virtualization routine practices. Empirical data collected in the authors' research show digital technologies usage turning into social routine in the Russian largest cities of Moscow and St. Petersburg. For a full revealing contradictions and true direction of digitalization, development of critical theory of society is proposed as continuation of the dialectical line of the Frankfurt School neo-Marxism evolution. The totality of domination structures and social control forms in postindustrial society is analyzed on the basis of algorithmic rationality conception introduced by the authors. Algorithmic rationality has replaced technological rationality of the late industrial age. Post-virtualization tendencies and micromovements in everyday life are considered to be an authenticity revolt against total digitalization / coercive virtualization of social life. That authenticity revolt is interpreted as an emancipation potential and escape from the algorithmic rationality realm.

Keywords: digitalization, critical theory, algorithmic rationality, post-virtualization.

REFERENCES

Adorno T., Horkheimer M. (1947) *Dialektik der Aufklärung*. Amsterdam: Querido Verlag.

Balchindorzhieva O.B., Zolkhoeva M.V. (2022) Digital Culture vs Cultural Originality (From the Experience of Preserving Chinese Cultural Identity). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 90–97. DOI: 10.31857/S013216250016858-6. (In Russ.)

Baudrillard J. (1981) *Simulacres et simulation*. Paris: Galilée.

Berry D. (2014) *Critical Theory and the Digital*. London: Bloomsbury.

Berry D. (2015) Postdigital Constellation. In: *Postdigital Aesthetics. Art, Computation and Design*. Ed. by D. Berry and M. Dieter. London: Palgrave Macmillan: 44–57.

Bilić P. (2018) A Critique of the Political Economy of Algorithms: A Brief History of Google's Technological Rationality. *TripleC*. 16(1): 315–331.

Bühl A. (1997) *Die virtuelle Gesellschaft*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

Castells M. (1996) *The Rise of the Network Society*. Oxford, UK: Blackwell.

Davydova A.M., Solyanova M.A., Sorensen K. (2021) Disciplinary Digital Self-Tracking Practices: Between Emancipation and Control. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 217–240. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1797. (In Russ.)

Delanty G., Harris N. (2021) Critical theory and the question of technology: The Frankfurt School revisited. *Thesis Eleven*. 166(1): 88–108.

van Dijck J., Nieborg D. (2009) Wikinomics and Its Discontents: a Critical Analysis of Web 2.0 Business Manifestos. *New Media & Society*. 11(4): 855–874.

- Fisher E. (2010) Contemporary Technology Discourse and the Legitimation of Capitalism. *European Journal of Social Theory*. 13(2): 229–252.
- Fuchs C. (2014) *Social Media: A Critical Introduction*. London: Sage.
- Fuchs C. (2016) *Critical Theory of Communication. New Readings of Lukács, Adorno, Marcuse, Honneth and Habermas in the Age of the Internet*. London: University of Westminster Press.
- Fuchs C., Sevignani S. (2013) What is Digital Labour? What is Digital Work? What's their Difference? And why do these Questions Matter for Understanding Social Media? *TripleC*. 11(2): 237–293.
- Grigoreva E. A. (2022) Digital Inequalities: Causes, Forms, Consequences. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 2: 161–163. DOI: 10.31857/S013216250017771-1. (In Russ.)
- Hassan R. (2020) *The Condition of Digitality. A Post-Modern Marxism for the Practice of Digital Life*. London: University of Westminster Press.
- Horkheimer M. (1937) Traditionelle und kritische Theorie. *Zeitschrift für Sozialforschung*. 6 (2): 245–294.
- Ivanov D.V. (2000) *Virtualization of Society*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2022) The Ambivalences of Digitalization: The Demand of its National Cultural Model for Sustainable Development. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No: 9: 29–37. DOI: 10.31857/S013216250020181-2. (In Russ.)
- Marcuse H. (1937) Philosophie und kritische Theorie. *Zeitschrift für Sozialforschung*. No. 6 (3): 625–647.
- Marcuse H. (1964) *One-Dimensional Man*. Boston: Beacon.
- Selwyn N. (2019) *What is Digital Sociology?* Cambridge, UK: Polity Press.
- Sharma P., Dash B. (2022) The Digital Carbon Footprint: Threat to an Environmentally Sustainable Future. *International Journal of Computer Science and Information Technology*. 14(3): 19–29.
- Shpakova R.P., ed. (2003) *German Sociology*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Smirnov A.V. Russian Sociology in the Context of Society Digitalization: Results of the Corpus Analysis of Scientific Texts. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 4: 39–50. DOI: 10.31857/S013216250022128-3. (In Russ.)
- Tapscott D. (1995) *The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York: McGraw-Hill.
- Tavokin E.P. (2019) Artificiality of the «Artificial Sociality». *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 6: 115–122. DOI: 10.31857/S013216250005488-9. (In Russ.)

Received: 13.02.23. Final version: 16.03.23. Accepted: 28.04.23.

Социальная политика. Социальная структура

© 2023 г.

С.В. МАРЕЕВА, А.В. КАРАВАЙ, Е.Д. СЛОБОДЕНЮК

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О НЕРАВЕНСТВЕ КАК ФАКТОР ИНВЕСТИЦИЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ (опыт эмпирического анализа)

МАРЕЕВА Светлана Владимировна – кандидат социологических наук, заведующий Центром стратификационных исследований (smareeva@hse.ru); КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (karavayav@yandex.ru); СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник (eslobodenyuk@hse.ru). Все – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Представлены результаты реализованного на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ анализа влияния представлений россиян о неравенстве на их поведение в отношении своих расходов, связанных с человеческим капиталом. Восприятие населением доступа к высшему образованию как справедливого, а причин благополучия как меритократических, приводит к повышению склонности к инвестированию в человеческий капитал взрослых. Напротив, восприятие причин богатства как связанных с особенностями поддержки родителей или институциональной среды, не отвечающей принципам равенства возможностей, оказывает дестимулирующее влияние на инвестиции в человеческий капитал взрослых россиян. Понимание бедности как следствия особенностей сложившейся в стране институциональной среды влияет аналогичным образом. Полученные результаты демонстрируют нетривиальную сферу проявления последствий субъективного восприятия неравенства и важны для реализации вектора развития России, основанного на человеческом капитале как его драйвере.

Ключевые слова: инвестиции в человеческий капитал • субъективное восприятие неравенства • факторы неравенства

DOI: 10.31857/S013216250024234-0

Теоретико-методологические основания анализа. Разнообразные последствия неравенства привлекают в последние десятилетия внимание исследователей. Показано, что высокое неравенство связано с ростом социальной напряженности, антисоциальным поведением, преступностью, успеваемостью, снижением уровня здоровья и иными последствиями, опосредованными поведением и предпочтениями населения на микроуровне [Wilkinson, Pickett, 2009]. Высокое доходное неравенство может приводить к недоинвестированию в человеческий капитал (ЧК) среди представителей бедных групп населения [Galor, Zeira, 1993]. Высокий уровень неравенства возможностей тоже имеет негативные последствия для ЧК, приводя к более низкому его уровню и к более низкой доле населения,

---

Статья подготовлена в рамках гранта Министерства науки и высшего образования РФ (№ 075-15-2022-325).

инвестирующей в него [Mejía, St-Pierre, 2008]. При этом важны не только масштабы и глубина неравенства, но и его основания. Б. Миланович справедливо отмечает, что существуют «хорошие» и «плохие» неравенства: если «хорошие» связаны со стимулами для населения и способствуют инновациям и получению образования, то «плохие» дестимулируют инвестиции населения, поскольку основаны на политических связях и коррупции¹. Мы развиваем эту логику, предполагая, что не только объективное неравенство может быть «хорошим» или «плохим», но и субъективные представления о нем населения могут стать стимулирующими или дестимулирующими с точки зрения накопления ЧК – в зависимости от тех оснований, на которых, по мнению населения, неравенство основано.

Именно субъективные представления о неравенствах, судя по данным ряда исследований, имеют важные последствия на уровне общества и на индивидуальном уровне. Так, субъективное восприятие неравенства связано с уровнем политического и общественного доверия в обществе и с политическими предпочтениями индивидов [Loveless, 2013; Sprong et al., 2019]. Воспринимаемое неравенство отражается и на поведенческих стратегиях – так, показано, что высокий уровень субъективного неравенства препятствует планированию, стимулирует недальновидное поведение, ориентированное на настоящий момент [Bak, Yi, 2020]. Мы предполагаем, что это может влиять и на решения, связанные с инвестициями в ЧК, поскольку они подразумевают учет отдачи от них в будущем. Однако исследования, напрямую изучающие этот вопрос, нам пока не встречались, хотя различные аспекты субъективного восприятия неравенства уже неоднократно рассматривались применительно и к российскому обществу [Горшков, 2014; Косова, 2016; Тихонова, 2018; Мареева, 2021; Козырева, Смирнов, 2022]. В данной статье мы пытаемся частично заполнить этот пробел, исследуя влияние субъективных представлений о неравенстве на склонность к инвестициям в ЧК россиян.

При характеристике теоретико-методологических оснований исследования нужно остановиться на самом понятии «человеческий капитал». В классическом его понимании, представленном в 1960–1970-х гг. в работах Г. Беккера, Т. Шульца, Д. Минцера и др., ЧК подразумевает знания и навыки работника, которые выступают для него ключевым активом и приносят ему доходы в виде отдачи/ренды. Предполагается, что индивиды принимают решение о получении образования, повышении квалификации, переобучении или приобретении новых навыков и знаний, сравнивая ожидаемую отдачу от этих действий с альтернативной стоимостью потраченного в них времени и материальных средств. Как следствие, операционализация инвестиций в свой ЧК может быть различной и включать оценку как денежных, так и временных затрат на образование и развитие навыков, т.е. как платные виды образования, так и самообразование. На выбранном нами варианте операционализации в рамках данного исследования мы подробнее остановимся ниже.

В центре нашего внимания – влияние субъективного восприятия неравенства на склонность индивидов к инвестициям в ЧК. Необходимо учитывать, что существующие исследования показывают разнообразие влияющих на это факторов, не сводящихся только лишь к прагматическим оценкам прибыльности соответствующих инвестиций [Mincer, 1962; Becker, 1993]. На восприятие ценности знаний и навыков, определяющих инвестиции в человеческий капитал на микроуровне, влияет и институциональная среда, определяющая, в частности, их востребованность на рынке труда и задающая «пространство возможных действий», в рамках которого люди определяют свои индивидуальные поведенческие стратегии [Вольчик, Зотова, 2011]. Играть роль и территориально-отраслевые факторы, связанные с функционированием рынка труда и формирующие разный спрос на высококвалифицированную рабочую силу в разных населенных пунктах, влияя тем самым на ее предложение [Каравай, 2021; Arora et al., 2000; Fraumeni et al., 2019]. Свою роль

---

¹ Грозовский Б. Бранко Миланович: «Высокое неравенство должно становиться для общества стоп-сигналом» (15.01.2019). URL: <https://strategyjournal.ru/rossiya-i-mir/branko-milanovich-vysokoe-neravenstvo-dolzno-stanovitsya-dlya-obshestva-stop-signalom/> (дата обращения: 23.01.2023).

в отношении инвестиций в свой ЧК играют и аскриптивные характеристики индивидов, и состояние их здоровья, и гендер – в тесной связке со спецификой отношения в том или ином обществе к социальным ролям [Lim et al., 2018; Vella, 1994].

Изучение роли нормативно-культурных факторов в принятии решения об инвестировании в ЧК широко представлено в литературе [Bourdieu, Passeron, 1990; Coleman, DeLeire, 2003; Johnston et al., 2014; Philippis, Rossi, 2021; Каравай, 2016]. Продолжая эту линию анализа, в число таких факторов в данном исследовании мы включаем субъективные представления населения о неравенстве².

Методология исследования и эмпирическая база. Эмпирической базой исследования выступили данные 28-й волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ³ (2019), который включал в себя ряд вопросов о субъективном восприятии неравенства, отсутствующих, к сожалению, в инструментарии данного исследования в другие годы. Для анализа используется репрезентативная выборка, объединяющая россиян от 18 лет и старше ($N = 9390$).

Наш исследовательский вопрос: существует ли связь между представлениями населения о неравенстве и их инвестициями в ЧК? Мы решаем эту задачу с помощью логистической регрессии, где зависимая переменная – склонность к инвестициям в ЧК взрослых. В качестве независимых переменных мы используем, во-первых, ряд традиционно включающихся в подобный анализ факторов, которые, согласно результатам предшествующих исследований, влияют на инвестиции в ЧК⁴, и, во-вторых, факторы субъективного восприятия неравенства, в частности – представления населения о причинах бедности и богатства в современной России, а также оценки справедливости доступа к высшему образованию. Вопросы отдачи от ЧК сознательно оставлены за рамками нашего анализа.

Влияние представлений о неравенстве и инвестиций в ЧК на микроуровне в российском обществе. Прежде чем перейти к регрессионному анализу, кратко опишем особенность восприятия неравенства населением.

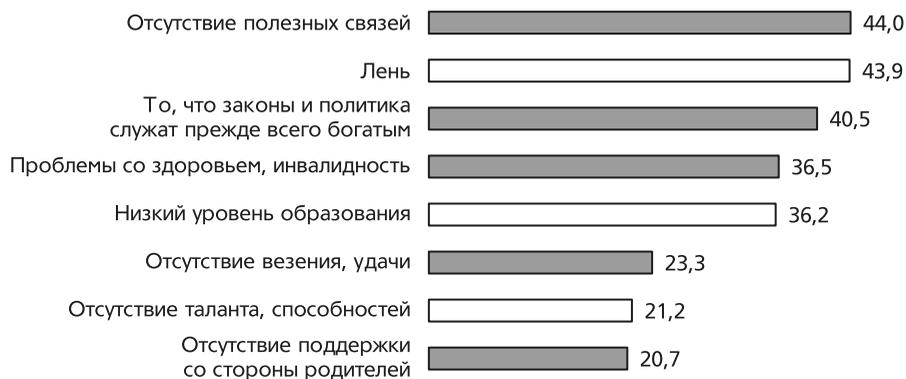
Неравенство воспринимается населением России достаточно остро, представляется высоким и нелегитимным [Мареева, 2021; Мареева и др., 2022], во многом сформированным на основании внешних факторов, а не на личных усилиях и талантах, причем такая ситуация сложилась еще в 1990-е гг. [Örkény, Székelyi, 2000]. О специфике восприятия неравенства россиянами говорят и их представления о причинах бедности/богатства – основаниях неравенства в целом (рис.).

Как видим, главной причиной бедности, как и богатства, является в массовом сознании наличие/отсутствие связей – именно связи занимают лидирующую позицию в обоих рейтингах. Однако их роль в достижении благополучия или избегании бедности неодинакова. Представления населения о причинах бедности более дифференцированы: важную роль также играют лень, плохое образование, плохое здоровье, сложившиеся институциональные рамки (законы, которые служат богатым), а в случае богатства наличие связей представляется россиянам ключевой причиной успеха. Другие причины богатства в массовом сознании (за исключением лишь одного, связанного с законами) фигурируют заметно реже. В тройку лидеров по обоим рейтингам входит вера в несправедливость законов

² Предшествующие исследования показали, что восприятие неравенства россиянами является частью общего культурного кода и связано, прежде всего, с общей нормативно-ценностной системой, в которой ключевую роль играет концепция социальной справедливости, а не со спецификой индивидуальной ситуации [Мареева, 2021; Мареева и др., 2022], поэтому мы характеризуем эти факторы как носящие нормативно-ценностный характер.

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS HSE – <http://www.hse.ru/rhms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

⁴ Без учета этих факторов подобный анализ, на наш взгляд, будет некорректным, что определяет выбор регрессии как метода анализа.

А) Причины бедности

Б) Причины богатства

Рис. Распределение ответов на вопросы о причинах бедности и богатства^{*}, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2019 г., % россиян 18 лет и старше

Примечания. *Приведены ответы на вопросы: «В любом обществе есть бедные люди. Посмотрите, пожалуйста, на карточку и выберите три основные причины бедности людей в нашей стране» и «В любом обществе есть богатые люди. Посмотрите, пожалуйста, на карточку и выберите три основные причины, которые дали возможность этим людям стать богатыми в нашей стране». Допускалось до трех вариантов ответа. Серой заливкой выделены немеритократические факторы, белой – меритократические⁵.

(данная причина чаще упоминается для бедности, чем для богатства): как минимум каждый третий россиянин разделяет мнение «законы написаны, трактуются и используются в политике в интересах богатых, что приводит к богатству одних и бедности других».

По мнению россиян, меритократические причины в большей степени способствуют избеганию бедности, чем достижению богатства. Так, среди ключевых в общественном сознании причин бедности нет явного лидера. В числе пяти наиболее популярных ответов

⁵ Меритократические – сформировавшиеся в институциональной среде, предоставляющей равный доступ к знаниям всем членам общества, формирующей справедливое соперничество как механизм восходящей социальной мобильности и селективно определяющей наиболее талантливых, умных, целеустремленных и движимых моральным императивом членов общества на наивысшие позиции в его структуре [Young, 1958].

присутствуют две причины, имеющие меритократический характер: как минимум треть россиян считают, что недостаточное усердие и плохое образование приводят к бедности. Говоря о богатстве, россияне значительно реже упоминают причины меритократического характера: упорный труд называли лишь четверть, хорошее образование – лишь пятая часть. Таким образом, обеднение или избегание бедности представляется населению в большей мере «заслуженным», чем достижение богатства, хотя эта картина, безусловно, имеет свои нюансы.

Представленные распределения ответов на вопросы о причинах бедности и богатства в современной России довольно универсальны среди населения. Практически во всех социально-экономических и социально-демографических группах доля сторонников той или иной точки зрения не отличается от среднего по стране более чем на величину статистической погрешности. Лишь в единичных случаях встречаются более заметные расхождения, преимущественно в полярных группах населения (например, между бедными и богатыми, совсем молодыми и пожилыми, и пр.).

Регрессионный анализ влияния представлений о неравенстве на инвестиции в ЧК. В качестве зависимой переменной для построения всех моделей использовался индикатор склонности индивида инвестировать в образование взрослых. С учетом возможностей используемой нами эмпирической базы мы операционализируем эту склонность через совершенные денежные расходы на образование взрослых. К индивидам, которые были классифицированы нами как склонные к инвестициям в ЧК, отнесли тех, кто самостоятельно оплачивал дополнительное профессиональное образование в течение предыдущего года ($N = 171$; 1,7% выборки)⁶, либо в течение последнего месяца их домохозяйства совершали расходы на обучение взрослых ($N = 619$; 6,2%)⁷. Таким образом, зависимая переменная носит бинарный характер, к инвестирующим в ЧК отнесены 7,8% общей репрезентативной выборки респондентов от 18 лет и старше ($N = 9390$).

В качестве независимых переменных мы используем как традиционно включающиеся в анализ такого рода факторы, так и особенно интересующие нас факторы субъективных представлений населения о неравенстве. Что касается первой группы, проведенный обзор существующих исследований показал разнообразие факторов, влияющих на решение индивидов об инвестициях в образование (социально-демографические характеристики, состав и материальное положение домохозяйств, условия первичной социализации, личностные особенности, наличие занятости, профессиональный статус, условия работы и т.д.). Инструментарий мониторинга позволял операционализировать многие из этих факторов, за исключением тех, которые связаны с характеристиками родительской семьи индивида и большинства его личностных установок. В социально-экономический и демографический блок регрессоров включены 12 независимых переменных (табл. 1).

Для операционализации второго блока – факторов субъективного восприятия неравенства в обществе – использовались несколько доступных в исследовании переменных. Прежде всего, это переменные, показывающие восприятие населением причин бедности и богатства в современном российском обществе, которые были описаны выше. Каждый из ответов рассматривался как отдельный признак субъективного восприятия неравенства, базой выступал ответ «нет» (отсутствие выбора конкретного фактора как значимого

⁶ Соответствующий вопрос в РМЭЗ НИУ ВШЭ («В течение последних 12 месяцев вы учились или учитесь на профессиональных курсах, курсах повышения квалификации или любых других курсах, включая курсы иностранных языков, обучение на рабочем месте?») предусматривал 2 варианта ответа: «да» и «нет». Для проходивших обучение задавался вопрос: «За счет каких средств вы учились на этих курсах?», предусматривающий множественный выбор из 3 вариантов: «средств предприятия», «личных средств», «за счет других источников». Мы отбирали только тех, кто оплачивал обучение самостоятельно.

⁷ Соответствующий вопрос в РМЭЗ НИУ ВШЭ «В течение последних 30 дней ваша семья тратила деньги на оплату занятий взрослых членов семьи в различных секциях, на курсах, у преподавателей?» предусматривал 2 варианта ответа: «да» и «нет».

Таблица 1

**Независимые переменные социально-экономического и демографического блока
для регрессионного анализа, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2019 г.**

Показатель	Распределение значений
<i>Ковариаты</i>	
Возраст	Дискретная переменная, значения от 18 до 102 лет, среднее – 50,27 года, медиана – 50 лет.
Возраст в квадрате	Дискретная переменная, значения от 324 до 10404 лет, среднее – 2860,88, медиана – 2500.
Среднедушевой доход в домохозяйстве в месяц ⁸	Непрерывная переменная среднедушевого дохода в домохозяйстве. Значения от 177,2 до 520000, среднее – 21301,51; медиана – 18345,51 руб.
<i>Остальные переменные</i>	
Пол	Мужской – 41,4% Женский (база) – 58,6%
Оценки здоровья	Хорошее (база) – 35,7% Среднее – 50,3% Плохое – 14,0%
Наличие профессионального образования и его уровень	Без профессионального образования (база) – 22,0% Профессиональные курсы – 13,2% Начальное или среднее специальное образование – 37,3% Высшее образование – 27,5%
Состав домохозяйства	Проживают без партнера (база) – 40,2% Проживают с партнером – 59,8%
Тип поселения по месту проживания	Города-областные центры – 41,3% Остальные города – 25,4% Села или ПГТ (база) – 33,3%
Тип поселения по месту рождения	Города – 53,6% Села или ПГТ (база) – 46,4%
Наличие детей и их возраст	Нет детей (база) – 22,5% Только несовершеннолетние – 20,6% Только совершеннолетние – 50,8% И совершеннолетние, и несовершеннолетние – 6,1%
Наличие постоянной работы	Нет постоянной работы (база) – 48,5% Есть постоянная работа – 51,5%
Субъективная оценка собственного материального положения	Низкое – 39,4% Среднее (база) – 56,6% Высокое – 4,0%

для попадания в бедность или для достижения богатства). Помимо этого, мы также использовали переменную оценки справедливости доступа к высшему образованию⁹ как еще один из индикаторов субъективного восприятия измерения неравенства, непосредственно связанного с возможностями накопления ЧК. Базой стали те, кто считал доступ к образованию несправедливым или затруднился с ответом на этот вопрос.

Для анализа использован метод логистической регрессии. В каждом случае поиск итоговой модели велся с помощью алгоритма обратного отбора, когда на первоначальном

⁸ Чтобы перевести распределение переменной из логнормального в нормальное, в модель включен натуральный логарифм переменной среднедушевого среднемесячного дохода в домохозяйстве индивида.

⁹ Вопрос звучал так: «Как вы считаете, насколько справедлив или несправедлив в нашей стране доступ к высшему образованию?» Предусматривалось четыре варианта ответа: «совсем несправедливо» (14,8%), «скорее несправедливо» (39,9%), «скорее справедливо» (34,3%) и «справедливо полностью» (2,4%). Для построения модели мы обозначили как 1 выбравших варианты ответа «скорее справедливо» и «справедливо полностью» (36,7%). Базой выступили те, кто считал доступ к образованию совсем/скорее несправедливым или затруднился с ответом на этот вопрос (63,3%).

этапе в уравнение регрессии включаются все выбранные для анализа переменные, а на последующих шагах исключаются по одному статистически незначимые, с контролем качества модели с помощью различных статистических показателей (AIC, BIC и др.).

Изначально мы включили в модель только демографические и социально-экономические независимые переменные из табл. 1. Среди значимых переменных, связанных с социально-экономическими и демографическими характеристиками индивидов, как показали результаты регрессионной модели (I), остались только связанные с возрастом, типом поселения по месту проживания, материальным положением, уровнем образования, занятостью и составом домохозяйства (табл. 2). Наличие значимой константы и невысокие значения псевдо- R^2 свидетельствуют, что многие факторы, влияющие на зависимую переменную, не включены в модель, т.к. отсутствуют в имеющемся инструментарии. В итоговую модель по критерию значимости не вошли переменные пола, нелинейного влияния возраста, состояния здоровья и типа поселения по месту рождения.

Исходя из результатов модели I, можно сделать ряд выводов. Склонность к инвестициям в образование взрослых не зависит от пола, состояния здоровья, семейного положения и места рождения индивидов. Жители городов в большей степени склонны инвестировать в обучение по сравнению с проживающими в сельской местности. Сравнительно сильно на поведение россиян в отношении инвестирования в ЧК влияет наличие совершеннолетних детей (на них, видимо, и направлена часть подобных инвестиций в домохозяйствах). Сказывается на склонности к инвестициям и уже накопленный ЧК в виде полученного высшего образования; немаловажным оказывается наличие занятости. Наконец, материальное положение значимо влияет на склонность индивидов инвестировать в образование взрослых, в том числе и в субъективном его измерении (восприятие своего материального положения как низкого дестимулирует подобные инвестиции).

Дальнейший анализ влияния переменных, связанных с субъективными оценками индивидов неравенства в обществе, основывался на том, что в модель включались различные индикаторы этих оценок. Во всех случаях набор социально-экономических и демографических характеристик оставался неизменным по сравнению с моделью I, как и направление влияния соответствующих переменных, что говорит об устойчивости полученных на первом этапе результатов.

Включение переменной, связанной с восприятием справедливости доступа к высшему образованию, не ухудшило качество модели (II), но ее объясняющая способность стала немного выше, чем в предыдущих спецификациях. Результаты этой модели показывают, что при прочих равных россияне более склонны инвестировать в ЧК взрослых, если считают доступ к высшему образованию в стране справедливым.

В следующую модель (III) субъективное восприятие неравенства было включено через показатели восприятия населением причин богатства. В итоговой ее спецификации остался тот же набор социально-экономических и демографических переменных, что и в модели I. В отношении причин богатства анализ показал: статистически значимое положительное влияние на склонность к инвестированию в образование взрослых оказывает установка, что богатство достигается упорным трудом (видимо, труд связывается и с накоплением реальных навыков и знаний, также требующим усилий). Представления, что богатым сопутствует удача, что они получили поддержку от родителей или что им служат законы и политика, наоборот, негативно сказываются на вероятности попадания в группу осуществляющих расходы на инвестиции в ЧК. Таким образом, восприятие причин богатства как немеритократических дестимулирует россиян повышать свой уровень ЧК, так как к благополучию, по их мнению, приводят причины иного характера.

Отдельно стоит отметить, что в данной модели неожиданно негативно влияет на склонность к инвестициям в ЧК взрослых установка, что богатство достигается благодаря хорошему образованию. Это может означать, что хорошее образование у россиян ассоциируется с чем-то элитным, недоступным для массовых слоев населения. Такая

интерпретация отчасти подтверждается тем, что 54,7% россиян считают доступ к высшему образованию в стране несправедливым.

В модели IV в качестве показателей восприятия неравенства были использованы представления россиян о причинах попадания в бедность. Соответствующие переменные показали себя сравнительно хуже переменных, характеризующих представления о причинах богатства. Результаты этой модели свидетельствуют, что на склонность россиян инвестировать в образование взрослых негативно влияют представления о том, что законы и политика служат прежде всего богатым (это consistently с эффектом представлений об институциональных причинах богатства, продемонстрированным в модели III), а также о том, что у бедных нет полезных связей.

Таблица 2

Результаты регрессионных моделей с различными индикаторами субъективного восприятия неравенств в обществе

Независимые переменные	I	II	III	IV
	Коэффициент B (робаст. ст. ош.)			
Константа	-6,498388*** (-0,7267)	-6,433012*** (-0,7428)	-5,922643*** (-0,7542)	-6,1389*** (-0,7382)
Возраст	-0,0322068*** (-0,0045)	-0,0322165*** (-0,0045)	-0,0318305*** (-0,0045)	-0,0324923*** (-0,0045)
Натуральный логарифм среднедушевых доходов	0,4250941*** (-0,0767)	0,4339769*** (-0,0769)	0,4030152*** (-0,0772)	0,4226078*** (-0,0766)
Наличие постоянной ра- боты (база – нет постоян- ной работы)	0,1734058** (-0,0986)	0,1702874* (-0,0989)	0,1808989* (-0,0994)	0,185316* (-0,0990)
Тип поселения по месту проживания (база – села и ПГТ)				
Остальные города	0,991992*** (-0,1150)	0,9783664*** (-0,1144)	0,9943428*** (-0,1153)	1,012214*** (-0,1151)
Центры субъектов РФ	0,5904095*** (-0,1267)	0,5880379*** (-0,1266)	0,582935*** (-0,1275)	0,6083436*** (-0,1271)
Уровень профессионального образования (база – нет профессионального образования)				
Профессиональные курсы	-0,1462197 (-0,1688)	-0,1374823 (-0,1690)	-0,1430542 (-0,1686)	-0,1389664 (-0,1689)
Начальное или среднее специальное обра- зование	0,0466778 (-0,1174)	0,0533229 (-0,1176)	0,0452063 (-0,1174)	0,061257 (-0,1178)
Высшее образование	0,4203542*** (-0,1184)	0,4148866*** (-0,1185)	0,3980806*** (-0,1190)	0,4279868*** (-0,1189)
Наличие в домохозяйстве детей и их возраст (база – нет детей)				
Есть несовершеннолетние	-0,0204968 (-0,1170)	-0,0059148 (-0,1171)	-0,0178545 (-0,1180)	-0,0133105 (-0,1171)
Есть совершеннолетние	0,5279213*** (-0,1598)	0,5318964*** (-0,1604)	0,5275092*** (-0,1604)	0,5345635*** (-0,1601)
Есть и те и другие	0,9882973*** (-0,1674)	1,001733*** (-0,1678)	0,9953991*** (-0,1692)	0,9897081*** (-0,1678)
Субъективное восприятие своего материального положения (база – среднее)				
Низкое	-0,2191841** (-0,0880)	-0,20541** (-0,0882)	-0,1928173** (-0,0888)	-0,1872385** (-0,0888)
Высокое	0,0615692 (-0,1873)	0,0570828 (-0,1875)	0,0410708 (-0,1898)	0,0247781 (-0,1900)

Окончание таблицы 2

Независимые переменные	I	II	III	IV
	Коэффициент В	Коэффициент В	Коэффициент В	Коэффициент В
	(робаст. ст. ош.)	(робаст. ст. ош.)	(робаст. ст. ош.)	(робаст. ст. ош.)
Восприятие неравенства в доступе к образованию				
Считают, что в стране справедливый доступ к высшему образованию		0,1590357** (-0,0803)	-	-
Причины богатства				
Богатым везет, им сопутствует удача		-	-0,24387** (-0,1080)	-
Богатые получили поддержку родителей		-	-0,1997954** (-0,0956)	-
Богатые много работали		-	0,2650833*** (-0,0909)	-
У богатых хорошее образование		-	-0,21958** (-0,1043)	-
Законы и политика служат прежде всего богатым		-	-0,3214521*** (-0,0974)	-
Причины бедности				
То, что законы и политика служат прежде всего богатым		-	-	-0,1981724** (-0,0841)
Отсутствие связей		-	-	-0,1645745** (-0,0825)

Таким образом, результаты моделей III и IV показывают, что мнение россиян о причинах бедности и богатства, формирующих неравенство, влияет на практики инвестирования населения в человеческий капитал.

Анализ качества итоговых спецификаций всех моделей показал, что дополнительные переменные не ухудшали их качества (показатели AIC и BIC изменялись сравнительно слабо), в ряде случаев объясняющая сила полученных моделей была выше, чем у модели I (табл. 3).

Таблица 3

Результаты проверки качества построенных моделей

Модель	N	-2 ll(null) ¹⁰	-2 ll(model)	df	AIC	BIC	Псевдо-R ²
I	9390	5175,48	4776,96	14	4804,96	4905,02	0,0770
II	9390	5175,48	4773,07	15	4803,07	4910,28	0,0778
III	9390	5175,48	4741,61	19	4779,61	4915,41	0,0838
IV	9390	5175,48	4765,33	16	4797,34	4911,69	0,0792

Исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, рассматривались только инвестиции в образование взрослых, поскольку отбор семей с детьми сокращает объем выборки для анализа, а формулировка соответствующего вопроса в РМЭЗ не позволяет разделить

¹⁰Значения показателя Log-Likelihood, умноженное на -2 для модели, содержащей только константу, позволяют оценить статистическую значимость введения в модель независимых переменных. Если после введения переменных значение -2Log Likelihood уменьшится, то модель с независимыми переменными обладает большей объясняющей силой в сравнении с моделью, содержащей только константу.

осуществляемые расходы на образование детей на непосредственно инвестиции в их человеческий капитал и прочие траты, которые представляют собой расходы на пребывание ребенка в образовательном учреждении. Во-вторых, мы говорим только о *денежных* расходах, не рассматривая *временные* инвестиции (например, в самообразование). В-третьих, инструментарий исследования ограничивает выбор индикаторов отношения к неравенству, а также факторов другого характера, которые также могут влиять на инвестиции населения в образование. Однако даже с учетом этих ограничений получен важный результат о значимом влиянии представлений о неравенстве на поведение индивидов в отношении накопления своего человеческого капитала.

Основные выводы. Проведенный эмпирический анализ субъективных представлений населения о неравенстве, измеренных в данном случае через восприятие причин бедности и богатства, и склонности к инвестированию в ЧК взрослых, подтвердил гипотезу, что представления об основаниях бедности и богатства оказывают влияние на решение индивидов относительно их инвестиций в ЧК. Восприятие причин богатства как меритократических в целом положительно влияет на склонность россиян к расходам на образование взрослых. Представления же, что богатство достигается за счет поддержки родителей или институциональной среды, которая поддерживает богатых, наоборот, негативно сказывается на соответствующих расходах. Представления о причинах бедности, как показывает анализ, хуже работают в качестве объясняющих склонность к инвестированию в ЧК взрослых, но также демонстрируют дестимулирующий эффект представлений, что политика и законы работают сегодня в России не для всех.

Судя по результатам нашего исследования, инвестиционное поведение россиян в отношении своего ЧК связано сегодня с мотивацией достижения благополучного положения в большей мере, чем с избеганием риска бедности, для которого характерны другие стратегии. Это нетривиальное предположение может стать важным направлением дальнейшего анализа.

Еще один важный вывод: особенности институциональной среды, связанной с законами и политикой, благоприятствующими только определенной части населения, не только выступают одним из ключевых оснований неравенства в представлениях россиян, но и влияют на поведение населения, приводя к отказу от инвестиций в ЧК. Данный фактор сработал как дестимулирующий при анализе влияния как субъективных причин бедности, так и причин богатства, что подчеркивает устойчивость полученных в его отношении результатов. Это еще раз подтверждает важность институциональной среды как задающей внешние рамки, в которых индивиды выбирают наиболее подходящие стратегии поведения, эффективные для них в конкретных условиях, но, возможно, неэффективные с точки зрения развития общества в целом.

Социальные связи воспринимаются населением как важное основание неравенства в обществе. Россияне разделяют мнение, что их отсутствие приводит к бедности, а наличие нужных связей – к богатству. Однако эти представления, судя по результатам анализа, не влияют на их решения в отношении ЧК. Можно предположить, что этот фактор определяет распространенность стратегий по накоплению *социального* капитала, понимаемого как доступные индивиду ресурсы социальных сетей. В частности, это могут быть какие-либо действия для расширения своих социальных сетей и получения доступа в высокостатусные и высокоресурсные сети – например, устройство ребенка в определенную школу или университет, поиск определенной работы с подходящей социальной средой и пр., и это направление также представляется перспективным для исследований.

Результаты исследования также показывают под другим углом проблему неравного доступа к образованию. Мнение о высоком уровне неравенства в доступе к образованию разного качества может снижать мотивирующее для инвестиций в ЧК влияние веры в меритократические основы социальных неравенств и даже менять направление его влияния.

Выявленная взаимосвязь представлений россиян о неравенстве и их поведения в отношении расходов, связанных с ЧК, может иметь важное значение при разработке

решений для реализации вектора развития страны, основанного на ЧК как его драйвере. Одним из негативных последствий острого восприятия россиянами проблемы неравенства и его легитимности в современном обществе может оказаться дестимулирование инвестиций населения в ЧК. Если механизмы влияния инвестиций в свой ЧК на социальную мобильность не будут для россиян ясны и прозрачны, соответствующие поведенческие паттерны просто не будут ими практиковаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольчик В.В., Зотова Т.А. Адаптивная рациональность и экономическое поведение в эволюционном контексте // *TERRA ECONOMICUS*. Т. 9. № 4. С. 54–64.
- Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // *Социологические исследования*. 2014. № 7. С. 20–31.
- Каравай А.В. Институциональные барьеры роста человеческого капитала высококвалифицированных специалистов // *Журнал институциональных исследований*. 2021. Т. 13. № 3. С. 131–143.
- Каравай А.В. Человеческий капитал потомственных российских рабочих // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2016. № 6 (136). С. 107–124.
- Козырева П.М., Смирнов А.И. Эволюция социального самочувствия россиян в постсоветский период: от коллапсирования к контрастной стабильности (1994–2021) // *Социологические исследования*. 2022. № 12. С. 29–41.
- Косова Л.Б. В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2016. Т. 123. № 3–4. С. 43–52.
- Мареева С.В. Представления среднего класса о неравенствах на фоне других россиян: консенсус или раскол? // *Социологические исследования*. 2021. Т. 47. № 1. С. 38–49.
- Мареева С.В., Слободенюк Е.Д., Аникин В.А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 1. С. 39–60.
- Тихонова Н.Е. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2018. Т. 126. № 1–2. С. 17–29.
- Arora A., Florida R., Gates G.J., Kamlet M. Human capital, quality of place, and location. 2000. Pittsburgh, PA: Carnegie Mellon University.
- Bak H., Yi Y. When the American dream fails: The effect of perceived economic inequality on present-oriented behavior // *Psychology & Marketing*. 2020. Vol. 37. No. 10: 1321–1341.
- Becker G. Nobel lecture: The economic way of looking at behavior // *Journal of Political Economy*. 1993. Vol. 101. No. 3: 385–409.
- Bourdieu P., Passeron J.C. *Reproduction in education, society and culture*. London: Sage, 1990.
- Coleman M., DeLeire T. An Economic Model of Locus of Control and the Human Capital Investment Decision // *Journal of Human Resources*. 2003. Vol. 38. No. 3: 701–721.
- Fraumeni B.M., He J., Li H., Liu Q. Regional distribution and dynamics of human capital in China 1985–2014 // *Journal of Comparative Economics*. 2019. Vol. 47. No. 4: 853–866.
- Galor O., Zeira J. Income distribution and macroeconomics // *The review of economic studies*. 1993. Vol. 60. No. 1: 35–52.
- Johnston D.W., Schurer S., Shields M.A. Maternal gender role attitudes, human capital investment, and labour supply of sons and daughters // *Oxford Economic Papers*. 2014. Vol. 66. No. 3: 631–659.
- Lim S.S., Updike R.L., Kaldjian A.S. et al. Measuring human capital: a systematic analysis of 195 countries and territories, 1990–2016 // *The Lancet*. 2018. Vol. 392. No. 10154: 1217–1234.
- Loveless M. The Deterioration of Democratic Political Culture: Consequences of the Perception of Inequality // *Social Justice research*. 2013. Vol. 26. No. 4: 471–491.
- Mejia D., St-Pierre M. Unequal opportunities and human capital formation // *Journal of Development Economics*. 2008. Vol. 86. No. 2: 395–413.
- Mincer J. On-the-job training: Costs, returns and some implications // *The Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. No. 5: 50–79.
- Örkény A., Székelyi M. Views on social inequality and the role of the state: Posttransformation trends in Eastern and Central Europe // *Social Justice Research*. 2000. Vol. 13. No. 2: 199–218.
- Philippis M., Rossi F. Parents, schools and human capital differences across countries // *Journal of the European Economic Association*. 2021. Vol. 19. No. 2: 1364–1406.

- Sprong S. et al. «Our country needs a strong leader right now»: Economic inequality enhances the wish for a strong leader // *Psychological science*. 2019. Vol. 30. No. 11: 1625–1637.
- Young M. *The rise of the meritocracy 1870–2033: an essay on education and society*. London: Thames and Hudson, 1958.
- Vella F. Gender Roles and Human Capital Investment: The Relationship between Traditional Attitudes and Female Labour Market Performance // *Economica*. 1994. Vol. 61: 191–211.
- Wilkinson R., Pickett K. *The spirit level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*. Bloomsbury Press, 2009.

Статья поступила: 26.01.23. Финальная версия: 13.04.23. Принята к публикации: 17.04.23.

PERCEPTIONS OF INEQUALITY AS A FACTOR OF INVESTMENTS IN HUMAN CAPITAL (an empirical analysis)

MAREEVA S.V.*, KARAVAY A.V.* **, SLOBODENYUK E.D.*

* University HSE, Russia; **Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Svetlana V. MAREEVA, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Head of Centre (smareeva@hse.ru); Anastasia V. KARAVAY, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (karavayav@yandex.ru); Ekaterina D. SLOBODENYUK, *Cand. Sci. (Sociol.)*, Senior Researcher (eslobodenyuk@hse.ru). All – National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

Abstract. The article presents the results of the empirical analysis of the relationship between the Russians’ perceptions of inequality and their behavior in relation to investments in human capital. Empirical analysis of such a relation is based on the RLMS HSE data. The investments in human capital are operationalized by the expenditures for adult education, and the perceptions of inequality are measured by the subjective degree of fairness of access to higher education, and also by subjective factors of poverty and well-being that population finds most important in contemporary Russian society. The results of the analysis demonstrate that perceptions of inequality held among the population affect their behavior in relation to the adult’s human capital. The population’s perception of access to higher education as fair, and the reasons for wealth as meritocratic, lead to a greater propensity to invest in the adults’ human capital. The perception of the causes of wealth as related to the specific parental family support or the institutional environment, which does not meet the principles of equality of opportunity, on the contrary, has a disincentive effect on investment in adult Russians human capital; understanding poverty as a consequence of the current institutional environment specifics in the country works in a similar way. The obtained results demonstrate another consequence of the population’s perception of inequality as non-meritocratic (quite typical for Russians in general), affecting the range of possibilities for the implementation of Russia’s development vector based on human capital as its driver.

Keywords: investment in human capital, subjective perception of inequality, inequality factors.

REFERENCES

- Arora A., Florida R., Gates G.J., Kamlet M. (2000) *Human capital, quality of place, and location*. Pittsburgh, PA: Carnegie Mellon University.
- Bak H., Yi Y. (2020) When the American dream fails: The effect of perceived economic inequality on present-oriented behavior. *Psychology & Marketing*. Vol. 37. No. 10: 1321–1341.
- Becker G. (1993) Nobel lecture: The economic way of looking at behavior. *Journal of Political Economy*. Vol. 101. No. 3: 385–409.
- Bourdieu P., Passeron J.C. (1990) *Reproduction in education, society and culture*. London: Sage.
- Coleman M., DeLeire T. (2003) An Economic Model of Locus of Control and the Human Capital Investment Decision. *Journal of Human Resources*. Vol. 38. No. 3: 701–721.
- Fraumeni B.M., He J., Li H., Liu Q. (2019) Regional distribution and dynamics of human capital in China 1985–2014. *Journal of Comparative Economics*. Vol. 47. No. 4: 853–866.
- Galor O., Zeira J. (1993) Income distribution and macroeconomics. *The review of economic studies*. Vol. 60. No. 1: 35–52.

- Gorshkov M.K. (2014) Social inequalities as an object of sociological analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 20–31. (In Russ.)
- Johnston D.W., Schurer S., Shields M.A. (2014) *Maternal gender role attitudes, human capital investment, and labour supply of sons and daughters*. Oxford Economic Papers. Vol. 66. No. 3: 631–659.
- Karavay A. (2016) Human capital of Russian hereditary workers. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)]. No. 6 (136): 107–124. (In Russ.)
- Karavay A. (2021) Institutional Barriers to The Growth of Human Capital of Highly-Skilled Professionals. *Zhurnal institucional'nyh issledovanij* [Journal of Institutional Studies]. Vol. 13. No. 3: 131–143. (In Russ.)
- Kosova L. (2016) What Kind of Society We Live in? Analysis of Factors Determining Mass Choice in Case of Social Structures Perception. *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. Vol. 123. No. 3–4: 43–52. (In Russ.)
- Kozyreva P., Smirnov A. (2022) The Evolution of Russian People's Social Wellbeing During the Post-Soviet Era: from Collapse to Contrasting Stability (1994–2021). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 29–41. (In Russ.)
- Lim S.S., Updike R.L., Kaldjian A.S. et al. (2018) Measuring human capital: a systematic analysis of 195 countries and territories, 1990–2016. *The Lancet*. Vol. 392. No. 10154: 1217–1234.
- Loveless M. (2013) The Deterioration of Democratic Political Culture: Consequences of the Perception of Inequality. *Social Justice research*. Vol. 26. No. 4: 471–491.
- Mareeva S. (2021) Middle-Class Perceptions of Inequality Compared to Other Russians: Consensus or Disagreement? *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 47. No. 1: 38–49. (In Russ.)
- Mareeva S., Slobodenyuk E., Anikin V. (2022) Public Tolerance for Social Inequalities in Turbulent Russia: Reassessing the Role of Subjective Mobility? *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal (Public Opinion Monitoring)]. No.1: 39–60. (In Russ.)
- Mejia D., St-Pierre M. (2008) Unequal opportunities and human capital formation. *Journal of Development Economics*. Vol. 86. No. 2: 395–413.
- Mincer J. (1962) On-the-job training: Costs, returns and some implications. *The Journal of Political Economy*. Vol. 70. No. 5: 50–79.
- Örkény A., Székelyi M. (2000) Views on social inequality and the role of the state: Posttransformation trends in Eastern and Central Europe. *Social Justice Research*. Vol. 13. No. 2: 199–218.
- Philippis M., Rossi F. (2021) Parents, schools and human capital differences across countries. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 19. No. 2: 1364–1406.
- Sprong S. et al. (2019) «Our country needs a strong leader right now»: Economic inequality enhances the wish for a strong leader. *Psychological science*. Vol. 30. No. 11: 1625–1637.
- Tikhonova N. (2018) Subjective stratification of Russian society model and its dynamic *Vestnik obshhestvennogo mnenija. Dannye. Analiz. Diskussii* [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]. Vol. 126. No. 1–2: 17–29. (In Russ.)
- Young M. (1958) *The rise of the meritocracy 1870–2033: an essay on education and society*. London: Thames and Hudson.
- Vella F. (1994) Gender Roles and Human Capital Investment: The Relationship between Traditional Attitudes and Female Labour Market Performance. *Economica*. Vol. 61: 191–211.
- Volchik V., Zotova T. (2011) Adaptive rationality and economic behavior in an evolutionary context. *TERRA ECONOMICUS*. Vol. 9. No. 4: 54–64. (In Russ.)
- Wilkinson R., Pickett K. (2009) *The spirit level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better*. Bloomsbury Press.

Received: 26.01.23. Final version: 13.04.23. Accepted: 17.04.23.

А.А. САЛМИНА

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ВОСПРИЯТИЯ НЕРАВЕНСТВА РОССИЯНАМИ И ЕГО ДИНАМИКА

САЛМИНА Алла Александровна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (salmina-aa@ranepa.ru).

Аннотация. Ряд современных исследований неравенства подчеркивают важность учета не только объективных характеристик, но и субъективного его восприятия. Это делает актуальным исследование возможных детерминантов отношения к неравенству. Помимо этого, исследовательский интерес представляет изменчивость отношения к неравенству с течением времени. Насколько отношение к неравенству в России изменилось за последние годы? И насколько отношение к неравенству россиян отличается от населения других стран? Учет субъективных аспектов неравенства позволит лучше понимать социальные процессы, происходящие в российском обществе. На данных Европейского социального исследования за 2006–2016 гг. изучены особенности субъективного восприятия неравенства россиянами – представителями различных групп населения, а также их динамика. Отдельное внимание уделено дифференциации взглядов в зависимости от социально-демографических, доходных и других характеристик населения.

Ключевые слова: неравенство • восприятие неравенства • население • дифференциация

DOI: 10.31857/S013216250026380-1

Введение. Большое внимание ученых и общественных деятелей к исследованиям неравенства не только свидетельствует об актуальности проблемы, но и указывает на важность выявления оценок неравенства социумом, позволяет рассматривать проблему социального восприятия неравенства как неотъемлемый компонент общественного сознания. В последние десятилетия в исследованиях экономического неравенства все большее внимание уделяется субъективному восприятию конкретных его аспектов. О важности в исследованиях неравенства учета не только объективных его характеристик, но и субъективного его восприятия говорится в [Cochrane, 2015; McCloskey, 2014; Капелюшников, 2017; 2019]. Ряд исследований показали, что запрос на снижение неравенства сильнее коррелирует с субъективными оценками глубины неравенства в стране, чем с объективными показателями [Bussolo et al., 2019; Engelhardt, Wagener, 2014].

Согласно результатам регрессионного анализа [Gimpelson, Treisman, 2018], на запрос на сокращение неравенства статистически значимо влияет субъективная оценка неравенства, в то время как объективный показатель неравенства – коэффициент Джини – влияет незначимо. В связи с чем авторы предложили вести дискуссию о неравенстве в рамках теории «воспринимаемого неравенства» [ibid.: 27].

Данные результаты делают актуальным исследование отношения общества к неравенству и возможных детерминантов отношения к неравенству. В статье в качестве детерминантов рассмотрен ряд индивидуальных характеристик населения; уделено внимание дифференциации взглядов в зависимости от социально-демографических, доходных и других позиций. Помимо этого, рассматривается динамика отношения к неравенству

в России за последние годы. Ставится вопрос: насколько это отношение отличается от населения других стран. Учет субъективных аспектов неравенства позволит лучше понимать социальные процессы, происходящие в российском обществе.

Теоретико-методологические основания и методология исследования. Субъективному восприятию неравенства россиян и представлениям о его легитимном уровне посвящен ряд работ [Gimpelson, Monusova, 2014; Горшков, Тихонова и др., 2008; Мареева, 2018; Мареева, Тихонова, 2016; Монусова, 2016; 2017; Салмина, 2012; 2017; Тихонова, 2006; Шкаратан, 2009], внесших значимый вклад в изучение проблемы. Результаты данных исследований учтены нами при формировании гипотез исследования.

Согласно оценкам В. Гимпельсона и Д. Трейзмана, более высокие запросы на сокращение неравенства свойственны женщинам, людям без высшего образования, пожилым и сторонникам «левых» политических взглядов [Gimpelson, Treisman, 2018]. Согласно некоторым исследованиям, отношение россиян к неравенству различается в зависимости от их представлений «о справедливости» [Мареева, 2018; Салмина, 2012; 2017] и от возможностей для вертикальной мобильности населения [Монусова, 2016]. Выявлено, что более терпимо к неравенству доходов относится население стран, в которых хорошо работают механизмы вертикальной социальной мобильности [Gimpelson, Monusova, 2014].

Исходя из анализа данных исследований, нами сформулированы следующие гипотезы: 1) более высокие запросы на сокращение неравенства свойственны женщинам и людям более старших возрастных когорт; 2) наличие высшего образования статистически значимо влияет на отношение к перераспределению: чем уровень образования выше, тем ниже уровень социального запроса на сокращение неравенства; 3) из индивидуальных характеристик населения наиболее сильное влияние на восприятие неравенства оказывает уровень дохода: чем выше доход, тем выше и терпимость к неравенству в стране, т.е. ключевую роль играет фактор «личного интереса» и сопутствующей личной выгоды от возможного перераспределения; 4) значимое влияние на запросы россиян на сокращение неравенства оказывает ценность «равенства», если ее интерпретировать как ценность предоставления всем людям равных возможностей.

Данные гипотезы проверены на массиве данных Европейского социального исследования («European Social Survey», сокращ. – ESS)¹, которые позволяют провести необходимые расчеты и содержат данные опросов населения большого количества стран, включая Россию. Были использованы методы описательной статистики, корреляционный анализ и регрессионный анализ. Корреляционный анализ, в частности, был проведен на этапе отбора предикторов для включения в уравнение регрессии.

Динамика запросов на сокращение неравенства в России и других странах. Для оценивания запроса на сокращение неравенства было выбрано согласие респондентов с высказыванием «Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми». Доля сторонников сокращения неравенства оценивалась как сумма процентов населения, выбравших варианты ответа «полностью согласен» и «согласен» (в шкале от 1 до 5, где 1 – полностью согласен, 5 – совершенно не согласен).

В таблице 1 представлена динамика запросов на сокращение неравенства у россиян и у населения других стран Европы в 2000-е гг. Изменение запросов россиян не является линейным и однонаправленным. В 2008–2010 гг. наблюдалось заметное увеличение доли его сторонников с 69,7 до 80,8%. Можно предполагать, что это было связано с последствиями экономического кризиса 2008–2009 гг. В 2012–2016 гг. социальные запросы продолжились снижаться, достигнув – по доле сторонников сокращения неравенства – примерно уровня 2008 г. (69,7%), но все еще ниже 2006 г. (78,1%). Отметим, что опрос 2008 г.

---

¹ Европейское социальное исследование включает в себя данные количественного опроса населения, который проводится по единой методике в разных странах. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/about/>

в России был проведен до начала экономического кризиса, поэтому он еще не отражает последствия падения доходов населения.

Динамика изменения запросов на сокращение неравенства в странах Европы за период с 2006 по 2016 г. также была разнонаправленной. Более чем в половине стран, по которым есть данные, запросы на сокращение неравенства выросли или остались неизменными. Сильнее всего они выросли в Германии (на 10,6 п.п.), в Великобритании (на 7,8 п.п.) и в Австрии (на 7,3 п.п.).

Россия относится к числу стран, в которых в 2006–2016 гг. запросы на сокращение неравенства снизились, при этом среди рассмотренных нами стран – сильнее всего. Доля сторонников сокращения неравенства за десятилетие снизилась на 9,9 п.п. (с 78,1 до 68,2%).

На втором и третьем месте после России – Польша (сокращение на 8,6 п.п.) и Эстония (сокращение на 7,2 п.п.). При этом отношение к неравенству в Эстонии примерно такое же, как и в России. В России – 68,2% сторонников сокращения неравенства, в Эстонии – 69,1%.

Проведенный межстрановой анализ показал, что *запросы россиян на сокращение неравенства находятся на уровне европейских стран с более низкими показателями неравенства по доходам*, т.е. доля сторонников в России могла бы быть существенно выше

Таблица 1

Доля согласившихся с высказыванием «Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми»

(сумма «полностью согласных» и «согласных»), ESS, 2002–2018 гг., в %

	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	Изменение в 2006–2016 гг., п.п.
Россия			78,1	69,7	80,8	75,9		68,2		-9,9
Албания						88,4				
Австрия	68	67	69,8				82,6	77,1	79,3	7,3
Бельгия	70,5	65,6	68,2	69,8	70,1	71,2	71,2	72,3	72,8	4,1
Болгария			88,5	78,2	87,2	87,6			87,9	
Швейцария	64,6	65,1	69,9	67	68,1	67,7	58,5	65	63,4	-4,9
Кипр			85,8	79,8	86,8	81,4			78,7	
Чехия	52	62,9		54,5	63,3	63,3	55,6	44,5	49	
Германия	53,4	55	60,8	64,5	67,4	72,5	70,8	71,4	73,4	10,6
Дания	43,4	38	39,5	41,7	39,4	39,6	36,8			
Эстония		78,2	76,3	68,5	74,4	79,9	78,1	69,1	66,2	-7,2
Испания	79,6	79,7	83,9	80	81	83,5	86,1	84,2		0,3
Финляндия	76,8	66,4	73,5	74,6	75,1	73,6	72,9	71,6	73,2	-1,9
Франция	83,4	82,8	79,1	78	80,4	75,5	70,3	74,7	79,1	-4,4
Великобритания	62	59,2	56,8	58,3	61,2	64,2	62,9	64,6	66,7	7,8
Греция	90,1	93,6		92,1	82,4					
Хорватия				78,9	84,6					
Венгрия	84,1	87,3	84,9	84,2	87,5	85,9	86,9	86,3	84	1,4
Ирландия	77,2	71,9	69,2	73,5	77,6	77,7	75,6	71,6	72,5	2,4
Исландия		77,6				71,7		76,5		
Израиль	80,7			75,1	80,9	85,5	80,4	73,7		
Италия	79					83,1		80,3	85,8	
Литва					89,7	90	88	87,7		
Люксембург	64,2	63								
Латвия				82,2						

Окончание таблицы 1

	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	Изменение в 2006–2016 гг., п.п.
Нидерланды	58,7	55,6	57,7	54,8	57,1	55,8	56,1	60,2	62,3	2,5
Норвегия	70,3	64,2	60,8	59,8	54,2	56,9	57,5	60,9	69,2	0,1
Польша	80,3	82	81,1	75,5	75,2	78,6	80	72,5	71,1	–8,6
Португалия	91,3	86,1	86,1	89,8	93,1	93,7	87,5	88,9		2,8
Румыния				78,7						
Сербия									78,1	
Швеция	68,7	66,7	67,6	64,1	63,5	68,9	67,1	64,1		–3,5
Словения	84,4	85,3	81,1	86,7	89,8	87,2	83,9	85,9	84,4	4,8
Словакия		76,3	74,1	69,6	80,4	72,1				
Турция		90,6		88,7						
Украина		67,4	83,8	71,8	87,9	84,4				
Косово						84,9				
В целом по всем странам		70,9	72,3	72,9	75,6	76	72	72,3	73,5	

Источник: расчеты автора на данных Европейского социального исследования. При расчетах проведено взвешивание (вес «design-weight»).

текущих ее значений. В частности, в 2016 г., согласно тесту Краскела-Уоллиса, запросы россиян статистически значимо не отличались от населения Австрии, Бельгии, Германии, Финляндии и Польши. Во всех этих странах уровень доходного неравенства – по всем рассмотренным индикаторам неравенства – ниже, чем в России. Например, если в России в 2016 г. коэффициент Джини по оценке ОЭСР (располагаемый доход, после выплаты налогов) был равен 0,33, то в Германии – 0,29, в Польше – 0,29, в Австрии – 0,28, в Бельгии – 0,27, в Финляндии – 0,26.

Запросы на сокращение неравенства у разных групп населения: данные описательной статистики. Рассмотрим различие доли россиян, согласившихся с высказыванием «Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми» (сумма ответов «полностью согласен» и «согласен» в шкале от 1 до 5) в зависимости от индивидуальных социально-демографических характеристик и показателей уровня жизни (см. табл. 2). Доля сторонников равенства среди женщин немного выше, чем среди мужчин. Как видно на рис. 1, эти различия незначительны, но в то же время они сохраняются на протяжении 2006–2016 гг. Более заметны различия в доле сторонников сокращения неравенства среди различных возрастных групп населения (см. рис. 2). Эти различия сохраняются в период 2006–2016 гг. В 2016 г. доля сторонников сокращения неравенства среди лиц 15–29 лет составляла 58,2%, а среди лиц в возрасте 60 лет и старше – 81,1%. В целом, с увеличением возраста запросы россиян на сокращение неравенства растут. У возрастных групп 30–39 лет и 40–49 лет запросы примерно одинаковы, заметные изменения наблюдаются после 50 лет.

Отношение к неравенству немного различается в зависимости от уровня образования. Среди лиц с высшим образованием меньше доля поддерживающих сокращение неравенства (64,4%), чем среди лиц с образованием ниже высшего (70,1% в 2016 г.). Эти различия наблюдаются также на данных волн опроса 2006 г. и 2008 г. В 2010 г. и в 2012 г. различия незаметны, на уровне границы статистической значимости.

Взгляды россиян на неравенство значительно различаются в зависимости от уровня дохода. Среди малообеспеченных доля поддерживающих сокращение неравенства существенно выше. В 2016 г. считали необходимым сокращение неравенства 54,4% россиян,

Таблица 2

Доля сторонников сокращения неравенства среди различных социально-демографических групп, %

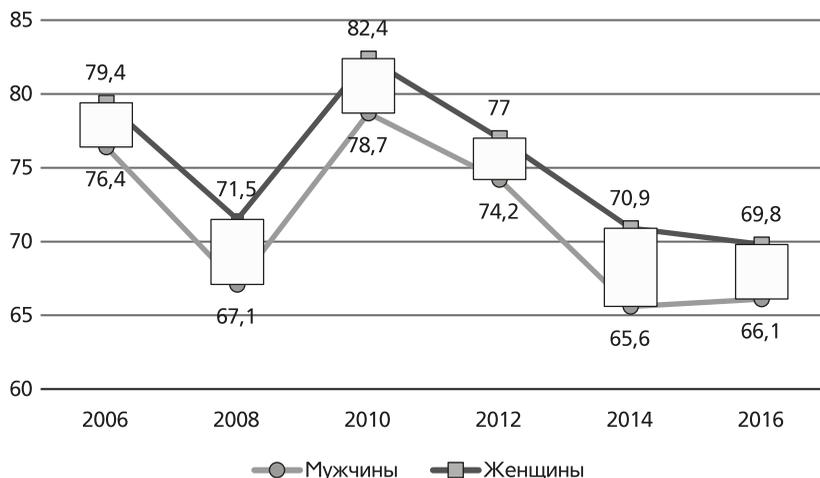
Характеристики / Волны опроса	Волна 3 (2006)	Волна 4 (2008)	Волна 5 (2010)	Волна 6 (2012)	Волна 7 (2014)	Волна 8 (2016)	Разница волн 8 и 3
Мужской пол	76,4	67,1	78,7	74,2	65,6	66,1	-10,2
Женский пол	79,4	71,5	82,4	77,0	70,9	69,8	-9,6
15–29 лет	68,9	62,0	72,7	67,9	61,5	58,2	-10,8
30–39 лет	72,2	59,9	77,1	74,2	66,8	63,9	-8,3
40–49 лет	79,9	71,2	81,8	73,5	62,3	64,4	-15,5
50–59 лет	80,4	74,9	86,9	83,3	76	74,7	-5,6
60 лет и старше	91,3	80,8	88,0	83,3	78,8	81,1	-10,2
Наличие детей (проживающих совместно)	78,8	71,4	80,3	77,3	67,5	67,7	-11,2
Нет детей (проживающих совместно)	77,5	68,3	81,3	74,9	69,4	68,5	-9
Высшее образование (бакалавриат, магистратура)	69,7	61,5	79,4	74,2	–	64,4	-5,3

Источник: расчеты автора на данных ESS.

оценивающих свой доход как «живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений» и 79,8%, оценивающих свой доход как «жить на такой доход очень трудно».

В целом, за 2006–2016 гг. сильнее всего снизились запросы у малообеспеченных (на 8,2 п.п.), а не у тех, кому «дохода хватает на жизнь» (на 4,1 п.п.) (см. рис. 3). Возможно, это связано с общим улучшением качества жизни низкодоходных групп населения в России (за период 2006–2016 гг.).

Различия запросов разных доходных групп устойчивы на протяжении 2006–2016 гг., хотя и менее выражены на данных волн опроса 2010–2012 гг. Именно в эти годы наблюдалось повышение запросов россиян на сокращение неравенства. Можно предполагать,

Рис. 1. Динамика изменения доли сторонников сокращения неравенства у мужчин и женщин в 2006–2016 гг., %

Источник: расчеты автора на данных ESS.

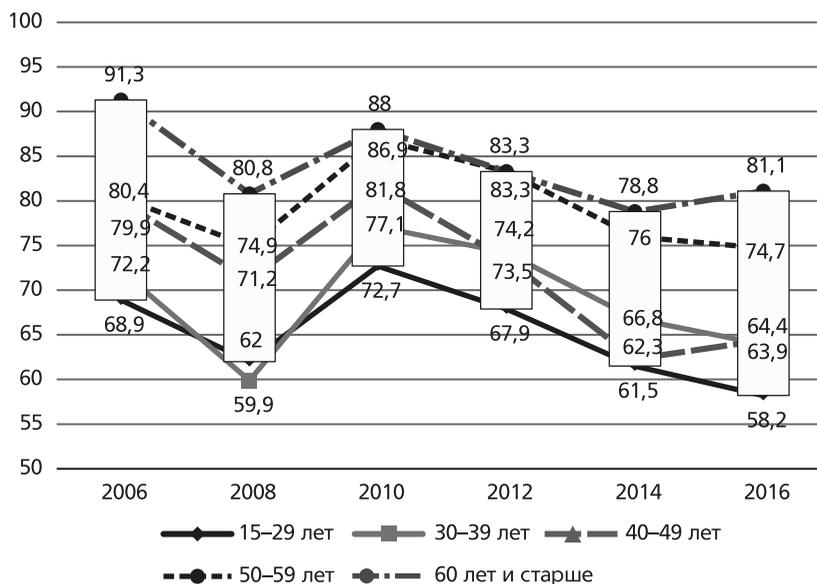

Рис. 2. Динамика изменения доли сторонников сокращения неравенства среди различных возрастных групп населения в 2006–2016 гг., %

Источник: расчеты автора на данных ESS.

что это произошло за счет того, что в эти годы повысилась доля сторонников среди тех групп населения, кто ранее терпимее относился к неравенству, – среди материально обеспеченных и высокообразованных групп населения.

Были рассмотрены также различия во взглядах на неравенство у различных социально уязвимых групп населения – безработных и хронически больных. Среди хронически больных или нетрудоспособных доля сторонников сокращения неравенства в среднем немного

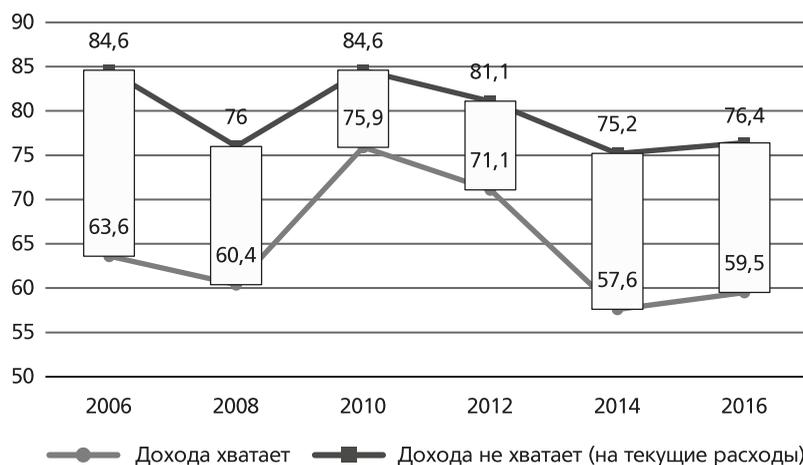

Рис. 3. Динамика изменения доли сторонников сокращения неравенства среди различных доходных групп в 2006–2016 гг., %

Источник: расчеты автора на данных ESS.

Таблица 3

**Доля сторонников сокращения неравенства в зависимости
от статуса занятости и состояния здоровья, %**

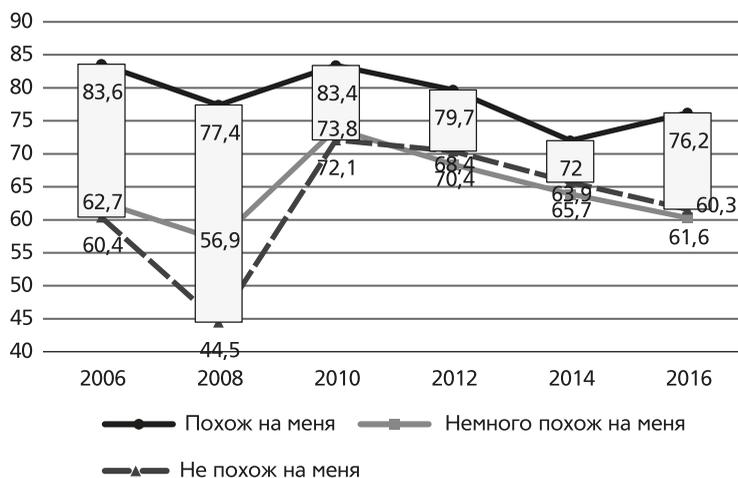
Характеристики / Волны опроса	Волна 3 (2006)	Волна 4 (2008)	Волна 5 (2010)	Волна 6 (2012)	Волна 7 (2014)	Волна 8 (2016)	Разница волн 8 и 3
Безработные	50	83,3	100	57,1	62,5	55,6	5,6
Имеют работу	77	74,1	78,7	74,2	64,9	69,0	-8
Хронически больны или нетрудоспособны	88,3	89,3	90,2	85,7	61,2	75	-13,3
Не имеют существенных проблем со здоровьем	77,8	69,3	80,6	75,7	68,8	68,1	-9,7

Источник: расчеты автора на данных ESS.

выше (75%), чем у людей, не имеющих серьезных проблем со здоровьем (68,1%). Различия между безработными и занятыми неустойчивы: так, если в 2008–2010 гг. наблюдались более высокие запросы на сокращение неравенства у безработных, то в 2006 г., 2012 г. и в 2016 г. – у имеющих работу (см. табл. 3). Также в небольших городах доля сторонников сокращения неравенства (71%) немного больше, чем в больших городах (67%).

На запросы на сокращение неравенства могут влиять также различные ценности и взгляды. Учет культурно-нормативных факторов важен для понимания особенностей социальных запросов россиян.

Рассмотрим долю сторонников сокращения неравенства в зависимости от распространенности ценности равенства. Для оценки выраженности ценности равенства использовались ответы на вопрос «Насколько такой человек похож или не похож на вас: «для него важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он убежден, что у всех

Рис. 4. Динамика изменения доли сторонников сокращения неравенства в зависимости от ответа на вопрос: «Насколько такой человек похож или не похож на вас: для него важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни» (2006–2016), в %

Источник: расчеты автора на данных ESS.

должны быть равные возможности в жизни». Доля сторонников сокращения неравенства выше среди россиян, которым присуща ценность равенства и равных возможностей (76,2%). Среди лиц, для которых неважно, «чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково», доля сторонников сокращения неравенства – 61,6%. За период с 2006 по 2016 г. доля сторонников сокращения неравенства среди лиц с выраженной ценностью равенства снизилась на 7,4 п.п. (с 83,6% в 2006 г. до 76,2% в 2016 г.).

Таким образом, с одной стороны, доля сторонников сокращения неравенства, как и можно было ожидать, выше среди лиц с выраженной ценностью равенства (среди лиц, для которых ценно равенство людей), а с другой стороны, эта доля не такая и высокая. В равной мере немало сторонников сокращения неравенства и среди тех людей, для кого «неважно, чтобы с каждым человеком обращались одинаково». Это может говорить о том, что высокий запрос россиян на сокращение неравенства связан не столько с культурными особенностями, сколько с объективным уровнем неравенства в стране. То есть с крайними проявлениями неравенства, которые россияне считают избыточными. Можно предполагать, что в экономически развитых странах Европы культурный фактор и ценность равенства играют большую роль во взглядах на неравенство, чем в России.

Регрессионный анализ факторов отношения к неравенству. В рамках анализа факторов отношения к неравенству был построен ряд регрессионных моделей. Для этого была использована порядковая логистическая регрессия. Результаты регрессионного анализа показали, что снижение социальных запросов на сокращение неравенства в России статистически значимо за период с 2006 по 2016 г. То есть изменение социальных запросов не является случайным и не связано со статистической погрешностью опросов. Социальные запросы россиян на сокращение неравенства в 2016 г. статистически значимо ниже, чем в 2006 г., 2010 г., 2012 г., но не отличаются от данных за 2008 г.

Данные различия сохраняют статистическую значимость при контроле не только социально-демографических показателей, уровня дохода, типа места жительства (сельская или городская местность), но и при включении в регрессионную модель более широкого списка показателей (в табл. 4 – модель 4).

В России из рассмотренных индивидуальных характеристик наиболее сильное влияние на запросы на сокращение неравенства оказывает уровень дохода (измеряемый через самооценку уровня дохода) и возраст респондентов. Влияние данных факторов примерно одинаковое (см. модель 3 в табл. 5). Чем выше доход и моложе россияне, тем ниже запросы на сокращение неравенства.

В итоговую регрессионную модель (в табл. 4) были включены следующие переменные: год опроса (референтная группа – 2016 г.), пол респондента (референтная группа – женский пол), возраст (референтная группа – 60 лет и старше), наличие в семье детей

Таблица 4

**Коэффициенты порядковой логистической регрессии с зависимой переменной
«Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми»**

Фактор	Модель 1	Модель 2-1	Модель 3	Модель 4
<i>Год проведения опроса (эталонная категория – волна 8 за 2016 г.)</i>				
Волна 3 (2006)	-0,51** [0,05]	-0,42** [0,06]	-0,41** [0,06]	-0,30** [0,06]
Волна 4 (2008)	-0,07 [0,05]	-0,01 [0,05]	-0,01 [0,05]	0,05 [0,05]
Волна 5 (2010)	-0,64** [0,05]	-0,60** [0,05]	-0,59** [0,05]	-0,51** [0,06]
Волна 6 (2012)	-0,44** [0,05]	-0,43** [0,05]	-0,42** [0,05]	-0,36** [0,06]
Волна 7 (2014)	-0,19** [0,05]			

Окончание таблицы 4

Фактор	Модель 1	Модель 2–1	Модель 3	Модель 4
<i>Год проведения опроса (эталонная категория – волна 8 за 2016 г.)</i>				
Мужской пол	0,09** [0,03]	0,06 [0,04]	0,06 [0,04]	0,05 [0,04]
<i>Возраст респондента (эталонная категория – 60 лет и старше)</i>				
15–29 лет	0,91** [0,05]	0,84** [0,05]	0,83** [0,05]	0,79** [0,05]
30–39 лет	0,75** [0,05]	0,73** [0,06]	0,73** [0,06]	0,70** [0,06]
40–49 лет	0,54** [0,05]	0,49** [0,06]	0,49** [0,06]	0,44** [0,06]
50–59 лет	0,21** [0,05]	0,21** [0,06]	0,21** [0,06]	0,19** [0,06]
Наличие детей (проживающих совместно)		–0,04 [0,04]	–0,04 [0,04]	–0,03 [0,04]
<i>Самооценка уровня дохода (эталонная категория – «жить на такой доход очень трудно»)</i>				
Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений		0,89** [0,08]	0,85** [0,08]	0,80** [0,09]
Этого дохода нам в принципе хватает		0,59** [0,05]	0,56** [0,05]	0,54** [0,05]
Жить на такой доход довольно трудно		0,30** [0,05]	0,28** [0,05]	0,28** [0,05]
Высшее образование (бакалавриат, магистратура)		0,15** [0,04]	0,12** [0,04]	0,12** [0,04]
<i>Тип населенного пункта (эталонная категория – деревня / село, ферма или отдельный дом в сельской местности / хутор)</i>				
Большой город			0,25** [0,05]	0,22** [0,05]
Пригород или окраина большого города			0,23** [0,09]	0,21* [0,09]
Небольшой город или поселок городского типа			0,16** [0,05]	0,12** [0,05]
Согласие с высказыванием «Для него важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни» (варианты ответа 1–2 в шкале 1–6, а именно «очень похож на меня», «в значительной степени похож на меня»)				–0,64** [0,05]
Псевдо-R-квадрат по Нагелькерке	0,056	0,080	0,082	0,108

Примечание. Расчеты представлены на данных всех волн России. Характеристики контрольной группы: данные восьмой волны опроса за 2016 г., женский пол, возраст «60 лет и старше», отсутствие детей (проживающих совместно), выбравшие вариант ответа «жить на такой доход очень трудно», образование ниже законченного высшего, место жительства «деревня / село, ферма или отдельный дом в сельской местности / хутор», низкая выраженность ценности равенства («немного похож на меня», «совсем чуть-чуть похож на меня», «не похож на меня», «совсем не похож на меня»). *, ** – значимость на 5 и 1%-ном уровне, в скобках приведены стандартные ошибки.

Источник: расчеты автора на данных ESS.

(референтная группа – нет детей, проживающих совместно), самооценка уровня дохода (референтная группа – «жить на такой доход очень трудно»), уровень образования (референтная группа – образование ниже законченного высшего), тип населенного пункта, в котором проживает респондент (референтная группа – деревня / село, ферма или отдельный дом в сельской местности / хутор). Модель № 4 содержит расширенный список показателей: включает ценность равенства.

Таблица 5

Коэффициенты порядковой логистической регрессии с зависимой переменной «Правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми» (модель 2–2)

Фактор	Модель 2–2
<i>Год проведения опроса (эталонная категория – волна 8 за 2016 г.)</i>	
Волна 3 (2006)	–0,57** [0,14]
Волна 4 (2008)	–0,36* [0,16]
Волна 5 (2010)	–0,51** [0,15]
Волна 6 (2012)	–0,51** [0,15]
Волна 7 (2014)	
Мужской	–0,11 [0,10]
<i>Возраст респондента (эталонная категория – 60 лет и старше)</i>	
15–29 лет	1,30** [0,14]
30–39 лет	0,99** [0,17]
40–49 лет	0,52** [0,16]
50–59 лет	0,20 [0,14]
Наличие детей (проживающих совместно)	0,15 [0,10]
<i>Самооценка уровня дохода (эталонная категория – «жить на такой доход очень трудно»)</i>	
Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений	0,10 [0,25]
Этого дохода нам в принципе хватает	0,41** [0,14]
Жить на такой доход довольно трудно	0,14 [0,14]
Высшее образование (бакалавриат, магистратура)	–0,01 [0,11]
Безработный	0,27 [0,32]
Хронически болен или нетрудоспособен	–0,11 [0,18]
Псевдо-R-квадрат по Нагелькерке	0,106

Примечание. Расчеты представлены на данных всех волн России. Характеристики контрольной группы: данные восьмой волны опроса за 2016 г., женский пол, возраст «60 лет и старше», отсутствие детей (проживающих совместно), выбравшие вариант ответа «жить на такой доход очень трудно», образование ниже законченного высшего, не являющиеся на момент опроса безработными и «хронически больными или нетрудоспособными». *, ** – значимость на 5 и 1%-ном уровне, в скобках приведены стандартные ошибки.

Источник: расчеты автора на данных ESS.

Из индивидуальных характеристик было рассмотрено также влияние основного занятия, а именно статуса «безработный» и «хронически болен или нетрудоспособен». Согласно результатам, данные характеристики не влияют статистически значимо на запрос на сокращение неравенства при контроле уровня дохода и возраста (см. табл. 5).

Влияние пола респондентов статистически значимо в модели № 1 и становится незначимым при контроле дохода и уровня образования (табл. 4). Различия социальных запросов на сокращение неравенства у мужчин и женщин статистически значимо, но довольно слабо. У женщин социальные запросы на сокращение неравенства немного выше, чем у мужчин. В частности, в 2016 г. считали необходимым сокращение неравенства 69,8% женщин и 66,1% мужчин. В то же время такие различия, хотя и небольшие, довольно устойчивы. У женщин запросы на сокращение неравенства выше также по данным предыдущих волн опроса (2006 г., 2008 г., 2010 г., 2012 г., 2014 г.).

Запросы на сокращение неравенства статистически значимо не различаются у имеющих и не имеющих детей (проживающих совместно). Уровень образования статистически значимо влияет на социальные запросы на сокращение неравенства, но это влияние менее слабо по сравнению с доходом и возрастом россиян. Так, среди россиян считают необходимым сокращение неравенства 64,4% лиц с высшим образованием и 70,1% лиц с образованием ниже высшего. У лиц с образованием ниже высшего запросы выше, чем у лиц с высшим образованием. Статистически значим тип поселения: в небольших городах по сравнению с большими запросы на сокращение неравенства немного выше.

В расширенной модели регрессии, включающей, помимо индивидуальных социально-демографических характеристик и индикаторов социального статуса, также ценности населения, иерархия факторов, ранжированных по силе их влияния, немного меняется.

На первом месте по-прежнему – уровень дохода и возраст. На втором месте – ценность равенства (измеряемая вопросом «Насколько такой человек похож или не похож на вас: для него важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни»). Ценность равенства оказывает сильное влияние на запрос на сокращение неравенства и более сильное, чем различия между городским и сельским местом жительства. Запросы на сокращение неравенства более высоки у тех россиян, кому присуща ценность равенства и равных возможностей. Таким образом, на первом месте по силе влияния – доход и возраст. На втором месте – ценность равенства. Все остальные рассмотренные факторы хотя и влияют статистически значимо, но их влияние менее выражено.

Заключение. По результатам проведенного анализа выявлено, что за десятилетие с 2006 г. по 2016 г. запросы россиян на сокращение неравенства статистически значимо снизились. При этом среди рассмотренных нами европейских стран – сильнее всего. Таким образом, россияне по отношению к неравенству отличаются от жителей большинства европейских стран. С учетом объективной глубины неравенства в стране можно предполагать, что россияне более терпимы к неравенству, чем население большинства европейских стран. Данная особенность не только добавляет научную новизну, но и делает изучение взглядов на сокращение неравенства особенно интересным.

Результаты регрессионного анализа показали, что данное снижение статистически значимо при контроле социально-демографических характеристик и показателей уровня дохода, образования и других индивидуальных признаков. За этот период доля сторонников снижения неравенства в России сократилась с 78 до 68% (10 п.п.).

Сокращение воспринимаемого неравенства кажется вполне объяснимым на фоне стабильного или снижающегося показателя коэффициента Джини за этот период. По данным Росстата, с 2006 по 2016 г. этот показатель изменился с 0,415 до 0,414. Но существующие исследования ставят под сомнение линейную значимую связь между объективным фактическим неравенством и его субъективным восприятием. Поэтому данное наблюдение представляет исследовательский интерес. Особенно тот факт, что запросы на сокращение неравенства россиян снижались сильнее, чем в других рассмотренных европейских странах.

В поисках возможных предикторов субъективного восприятия неравенства мы рассмотрели ряд индивидуальных характеристик населения и ценность равенства. Дифференциация взглядов россиян в зависимости от данных факторов была проанализирована

за период с 2006 по 2016 г. Регрессионный анализ показал, что отношение россиян к неравенству в большей мере дифференцировано в зависимости от дохода, возраста, а также, хотя и в меньшей степени, от образования и места жительства. Более высокие запросы на сокращение неравенства у сельских жителей и лиц без высшего образования. В большей мере ждут от государства сокращения неравенства малообеспеченные россияне, а также лица более старших возрастных когорт. Менее уравнительно настроены материально обеспеченные россияне и лица молодых возрастов (независимо от уровня их дохода). Статистически значимое влияние на запросы на сокращение неравенства оказывает также уровень образования и место жительства. Более низкие запросы на сокращение неравенства у лиц с высшим образованием и у проживающих в больших городах.

Фактор возраста может отражать не только естественное изменение ценностей и взглядов людей по мере взросления, но и различия поколений людей (когорт), выросших в разных культурно-исторических и экономических условиях. И данный фактор, безусловно, в меньшей мере зависит от текущей социально-экономической политики. Из рассмотренных нами факторов наиболее подвержен влиянию со стороны государства доход населения. Результаты расчетов дают основания предполагать, что по мере роста благосостояния населения их взгляды на неравенство будут меняться, а именно – люди будут всё менее ждать от государства мер по сокращению неравенства.

Пол респондентов статистически значимо влияет на запрос на сокращение неравенства, но становится статистически незначимым при добавлении в регрессионную модель уровня дохода и образования. Среди женщин немного выше доля сторонников сокращения неравенства, чем среди мужчин. Иначе говоря, женщины более уравнительно настроены, чем мужчины. Но при более тщательном анализе выясняется, что эти различия стираются (статистически незначимы) при учете уровня дохода и образования. То есть они обусловлены гендерными различиями в уровне дохода и образования россиян.

Присущие людям базовые ценности, в частности ценность равенства всех и равных возможностей, оказывают статистически значимое и довольно сильное влияние на запрос к государству на сокращение неравенства. Статистически значимое влияние данной ценности устойчиво при контроле уровня дохода, возраста и наличия высшего образования. В данном случае равенство – это некая базовая ценность, которая определяется культурными и историческими условиями, особенностями социализации и воспитания. Поэтому данный фактор важно учитывать наравне с прочими при анализе особенностей отношения населения разных стран к неравенству.

Результаты данного исследования в очередной раз обращают внимание на важность учета субъективного восприятия неравенства – отношения к неравенству и запроса населения на его сокращение. Регулярный учет и мониторинг данного индикатора позволит получать более полную картину общественных настроений населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горшков М.К., Тихонова Н.Е. и др. Социальные неравенства и социальная политика в современной России. М.: Наука, 2008.
- Капелюшников Р.И. Экономическое неравенство – вселенское зло? // Вопросы экономики. 2019. № 4. С. 91–106.
- Капелюшников Р.И. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. 2017. № 4. С. 117–139.
- Мареева С.В. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 3. С. 101–120. DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.527.
- Мареева С.В., Тихонова Н.Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 37–67.

- Монусова Г.А. Отношение к перераспределению доходов и социальная мобильность // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 5. С. 14–39.
- Монусова Г.А. Чем определяется восприятие неравенства в доходах // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 53–67.
- Салмина А.А. Запрос россиян на сокращение неравенства и факторы его формирования в сравнении с другими европейскими странами // Власть. 2017. № 2. С. 27–37.
- Салмина А.А. Отношение населения к социальному неравенству: Россия в сравнении с другими европейскими странами // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 3. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 87–95.
- Тихонова Н.Е. Оптимальная модель социальной политики в массовых представлениях // Социологические исследования. 2006. № 12. С. 9–15.
- Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009.
- Bussolo M. et al. Toward a new social contract: Taking on distributional tensions in Europe and Central Asia. The World Bank, 2018.
- Bussolo M., Torre I., Ferrer-i-Carbonell A. I Perceive Therefore I Demand: The Formation of Inequality Perceptions and Demand for Redistribution. The World Bank, 2019.
- Cochrane J. How and why we care about inequality / Ed. by Church T., Miller C., Taylor J. Inequality and Economic Policy: Essays in Honor of Gary Becker. Hoover Press, 2015. P. 147–180.
- Engelhardt C., Wagener A. Biased Perceptions of Income Inequality and Redistribution // CESifo Working Paper Series. 2014. No. 4838. P. 1–21.
- Gimpelson V., Monusova G. Perception of inequality and social mobility // Higher School of Economics Research Paper. No. WP BRP. 2014. Vol. 84.
- Gimpelson V., Treisman D. Misperceiving inequality // Economics & Politics. 2018. Vol. 30. No. 1. P. 27–54.
- McCloskey D.N. Measured, unmeasured, mismeasured, and unjustified pessimism: a review essay of Thomas Piketty's Capital in the twenty-first century // Erasmus Journal for Philosophy and Economics. 2014. Vol. 7. No. 2. P. 73–115.

Статья поступила: 09.01.23. Финальная версия: 10.05.23. Принята к публикации: 16.05.23.

DIFFERENTIATION IN RUSSIANS' PERCEPTION OF INEQUALITY AND THEIR DYNAMICS

SALMINA A.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Russia

Alla A. SALMINA, Cand. Sci. (Sociol.), Institute for Social Analysis and Forecasting, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia (salmina-aa@ranepa.ru).

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Abstract. A number of recent inequality studies emphasize the importance of considering not only its objective characteristics, but also its subjective perception. This makes it especially relevant to study feasible determinants of attitudes towards inequality. In addition, the variability of attitudes towards inequality over time is of research interest. To what extent has the attitude towards inequality in Russia changed in recent years? And how different is the attitude of Russians towards inequality from the population of other countries? Accounting for the subjective aspects of inequality will make it possible to better understand social processes taking place in Russian society. In this paper, on the basis of the European Social Survey 2006–2016 data, the features of the subjective perception of inequality by Russians in various population groups and their dynamics were studied. Special attention is paid to the differentiation of views depending on the socio-demographic, income and other characteristics of the population.

Keywords: inequality, attitudes to inequality, population, differentiation.

REFERENCES

- Bussolo M. et al. (2018) *Toward a new social contract: Taking on distributional tensions in Europe and Central Asia*. The World Bank.
- Bussolo M., Torre I., Ferrer-i-Carbonell A. (2019) *I Perceive Therefore I Demand: The Formation of Inequality Perceptions and Demand for Redistribution*. The World Bank.
- Cochrane J. (2015) How and why we care about inequality. In: *Inequality and Economic Policy: Essays in Honor of Gary Becker*. Ed. by Church T., Miller C., Taylor J. Hoover Press: 147–180.
- Engelhardt C., Wagener A. (2014) Biased Perceptions of Income Inequality and Redistribution. *CESifo Working Paper Series*. No. 4838: 1–21.
- Gimpelson V., Monusova G. (2014) Perception of inequality and social mobility. *Higher School of Economics Research Paper*. No. WP BRP. Vol. 84.
- Gimpelson V., Treisman D. (2018) Misperceiving inequality. *Economics & Politics*. Vol. 30. No. 1: 27–54.
- Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. et al. (2008) *Social inequalities and social policy in modern Russia*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. (2017) Inequality: how not to primitivize the problem. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 4: 117–139. (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. (2019) Economic inequality – universal evil? *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics]. No. 4: 91–106. (In Russ.)
- Mareeva S.V. (2018) Social inequalities and the social structure of modern Russia in the perception of the population. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. Vol. 9. No. 3: 101–120. DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.527. (In Russ.)
- Mareeva S.V., Tikhonova N.E. (2016) Poverty and social inequalities in Russia in the public mind. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 25. No. 2: 37–67. (In Russ.)
- McCloskey D.N. (2014) Measured, unmeasured, mismeasured, and unjustified pessimism: a review essay of Thomas Piketty's Capital in the twenty-first century. *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*. Vol. 7. No. 2: 73–115.
- Monusova G.A. (2016) What determines the perception of inequality in incomes. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. Vol. 60. No. 1: 53–67. (In Russ.)
- Monusova G.A. (2017) Attitude to the redistribution of income and social mobility. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economic sociology]. Vol. 18. No. 5: 14–39. (In Russ.)
- Salmina A.A. (2012) Attitude of the population to social inequality: Russia in comparison with other European countries. In: *XIII International scientific conference on the problems of economic and social development*. In 4 books. Book 3. Moscow: NIU VSHE: 87–95. (In Russ.)
- Salmina A.A. (2017) Russians' request for inequality reduction and factors of its formation in comparison with other European countries. *Vlast'* [Power]. No. 2: 27–37. (In Russ.)
- Shkaratan O.I. (2009) *Socio-economic inequality and its reproduction in modern Russia*. Moscow: OLMA Media Group. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2006) Optimal model of social policy in mass representations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 9–15. (In Russ.)

Received: 09.01.23. Final version: 10.05.23. Accepted: 16.05.23.

А.М. АЛМАКАЕВА, Е.А. НАСТИНА

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО УЧАСТИЯ В РОССИИ

АЛМАКАЕВА Анна Михайловна – кандидат социологических наук, заместитель заведующего, научный редактор Департамента издательских программ ВЦИОМ (aalmakaeva@hse.ru); НАСТИНА Екатерина Александровна – младший научный сотрудник (enastina@hse.ru). Обе – Лаборатория сравнительных социальных исследований им. Р. Инглхарта (ЛССИ) Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Изложены результаты исследования роли ценностей в детерминации различных типов внеассоциативного социального участия на основе онлайн-выборки респондентов ($N = 3711$). Рассматриваются два вида практик – утилитарные, направленные на достижение целей локальных сообществ и специфических групп, и социотропические, ориентированные на реализацию интересов широкого круга лиц. Создана типология социального участия, включающая три класса («пассивный», «преимущественно утилитарный», «универсальный»), которая затем использовалась в качестве зависимой переменной в мультиномиальных регрессиях. Результаты анализа показали, что ценности, измеренные по методике Ш. Шварца, оказывают значимое влияние на участие в инициативах на благо общества в целом или его отдельных групп, а их эффект чаще всего превышает эффекты других факторов, включая доверие, идентичность, удовлетворенность жизнью, религиозность и социально-демографические характеристики. При этом активисты с преимущественно утилитарной позицией отличаются большей выраженностью ценностей «Самовыражения», а у представителей смешанного универсального типа, чья активность не ограничивается помощью узкому кругу лиц, в приоритете ценности из группы «Забота о людях и природе».

Ключевые слова: ценности • социальная активность • гражданское участие • альтруизм • мультиномиальное регрессионное моделирование • анализ латентных классов

DOI: 10.31857/S013216250024228-3

Постановка исследовательской задачи. Вовлеченность в коллективные практики является одним из инструментов консолидации и солидаризации общества [Putnam, 2000]. В противовес установке лишь на личный успех, ориентация на общие цели, готовность тратить время и средства для их достижения, в долгосрочной перспективе приносит гораздо больше выгод и гражданам, и государству. Более того, в ситуации ограниченных институциональных ресурсов участие в низовых общественных инициативах может служить компенсаторным механизмом для решения актуальных социальных проблем.

Исследования показывают, что в России наблюдается постепенный рост различных форм активности, связанной с коллективной солидарностью. Согласно опросам ВЦИОМ, доля собиравших вещи для попавших в трудные жизненные обстоятельства выросла с 9% в 2004 г. до 20% в 2021 г., а количество членов общественных организаций – с 2 до 4%¹. Россия долгое время практически замыкала Мировой рейтинг благотворительности, включающий такие индикаторы гражданского участия, как волонтерство, пожертвования

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

¹ Социальная и политическая активность россиян: мониторинг // ВЦИОМ. 2 августа 2021 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 12.01.2023).

и помощь незнакомым людям, но в последние два года ситуация стала улучшаться. В 2021 г. страна поднялась на 67-ю позицию из 114-ти, а в 2022 г. – на 30-ю².

Причин этих изменений много, однако можно предположить, что особую роль здесь сыграла происходящая в обществе трансформация. В последние годы приоритеты россиян, в особенности молодых когорт, плавно смещались с материалистических ценностей в сторону ценностей самовыражения [Алмакаева, Мавлетова, 2018], что, как ранее показали Р. Инглхарт и К. Вельцель [Inglehart, Welzel, 2005], может отражаться на общественной активности населения.

Несмотря на очевидный мотивационный потенциал ценностей, понимаемых как желаемые цели людей [Schwartz, 1992], они не так часто фигурируют в механизмах детерминации социального участия, предлагаемых отечественными исследователями. Немногочисленные работы, изучающие данную связь, в большинстве случаев фокусируются на практиках молодёжи [Шамионов и др., 2022], а также других специфических социальных категорий (интернет-активисты [Ефремова, Бульцева, 2020] или предприниматели [Титов, Лепшкова, 2020]). Эта ситуация не позволяет составить комплексное представление о ценностном портрете индивидов, вовлеченных в общественно полезную деятельность. Между тем в ситуациях кризисов, с которыми наша страна и мир сталкиваются в последние годы, особенно важно понимать, какие факторы способствуют солидаризации общества и активизации его потенциала.

Используя материалы опроса онлайн-панели ОМІ и методику Ш. Шварца, мы ставим задачу ответить на вопрос, как и в какой степени базовые ценности связаны с паттернами социального участия. Оговоримся, что в связи с нерепрезентативностью выборки результаты настоящего исследования не следует рассматривать как окончательные. Они представляют собой первый – поисковый – этап и призваны послужить приглашением к более активной дискуссии в этом предметном поле.

Определение и типы социального участия. Подходы к определению социального участия и его конкретных видов многообразны. В зарубежной и отечественной литературе насчитывается более трех десятков различных форм активности, которые описываются терминами «гражданское» или «общественное» участие. Далее будет использоваться подход И. Скалабан, которая под участием понимает «коллективную деятельность людей, горизонтальную активность, осуществляемую ими в рамках повседневной жизни и направленную на удовлетворение общественного интереса» [Скалабан, 2011: 137]. Социальное участие, интерпретируемое таким образом, не включает политическое (голосование на выборах, членство в политических партиях, участие в политических акциях и т.д.), хотя работа на общественно полезные цели, безусловно, может включать взаимодействие с политиками и политическими институтами.

Группировать формы участия можно по множеству оснований [там же], но для целей данной работы целесообразно провести деление между следующими типами: 1) по критерию «форма участия» – а) ассоциативное, предполагающее официальное членство в НКО; б) внеассоциативное, не требующее институционального закрепления; 2) по критерию «цель участия» – а) социотропическое [Welzel et al., 2005], направленное на реализацию интересов широкого круга людей; б) утилитарное, то есть ориентированное на решение проблем конкретной группы, членом которой является актер.

В настоящей работе мы сконцентрируемся на внеассоциативном участии, поскольку в современном модернизирующемся социуме все большее значение приобретают гибкие неиерархичные формы активности, не привязанные к формальным структурам [Inglehart, Welzel, 2005]. В исследовании ценностной детерминации будет использоваться деление видов активности на утилитарные и социотропические. Выбор такой типологии обусловлен как практическими, так и теоретическими предпосылками. Социотропические

² Россия поднялась на 30-е место в Мировом индексе благотворительности // Филантроп. 23 сентября 2022 г. URL: <https://philanthropy.ru/news/2022/09/23/120567/> (дата обращения: 12.01.2023).

формы ориентированы на производство так называемого «коллективного блага» для максимально широкой аудитории (в идеале – общества в целом) и в этом смысле наиболее привлекательны для стимулирования, поэтому важно знать механизмы детерминации таких видов активности. В то же время исключать из анализа утилитарное участие нецелесообразно. Хотя такие формы еще не преодолели границы локальных территорий и узконаправленных интересов специфических групп, они генерируют так называемые «слабые связи», которые, как показали работы М. Грановеттера [1973] и его последователей, пусть и опосредованно, но тоже приносят пользу обществу в целом. Логично предположить, что, имея иную мотивационную природу, эти формы участия детерминируются другими ценностями.

Теория базовых ценностей Ш. Шварца. Согласно теории Ш. Шварца, ценности – «желаемые кросс-ситуативные цели, различающиеся по важности и служащие руководящими принципами в жизни человека» [Магун и др., 2015; Schwartz, 1992], – должны оказывать значимое влияние на вовлеченность в общественно полезные практики. Шварц выделяет 10 базовых ценностей, универсальных для всех культур, и организует их в ценностно-мотивационный континуум. На рис. 1 ценности, расположенные рядом, обладают конгруэнтными мотивационными целями и могут быть объединены в более крупные кластеры, а те, что представлены друг напротив друга, находятся в конфликте. Так, кластер «Забота о людях и природе» противоположен кластеру «Самоутверждение», отражая оппозицию приоритета значимости социального равенства, благополучия других людей и бережного отношения к окружающей среде над личным успехом, властью и богатством. «Открытость изменениям», в свою очередь, противостоит «Сохранению», противопоставляя индивидуализм и инновационность приоритету поддержания общественного порядка.

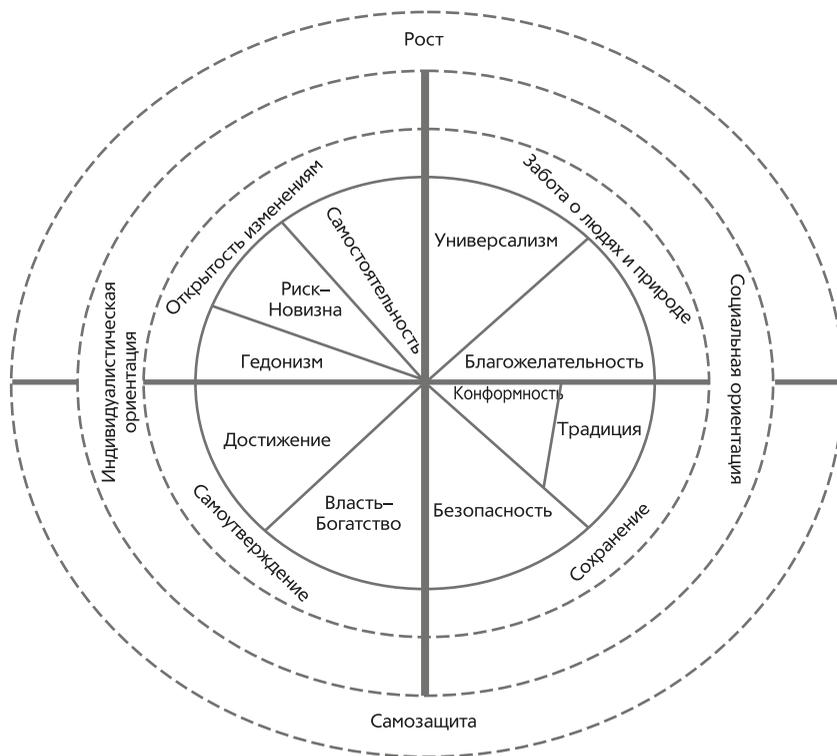

Рис. 1. Ценностный круг Ш. Шварца, отражающий взаимосвязи между ценностями [Магун и др., 2015: 77]

Ценности как фактор социального участия. Ценности побуждают людей преследовать важные для них цели, увеличивают вероятность будущего действия за счет планирования, направляют внимание человека и оказывают влияние на восприятие и интерпретацию конкретной ситуации [Schwartz, 2016]. Зарубежными авторами накоплены убедительные свидетельства в пользу важности индивидуальных ценностей в прямой детерминации социальной активности разного рода. Например, «Универсализм» и «Самостоятельность» положительно коррелируют с подписанием петиций и членством в НКО [Schwartz, 2010], а «Благожелательность» часто фигурирует как импульс социотропической деятельности, включая помощь незнакомым людям, пожертвования, участие в благотворительных акциях [Arieli et al., 2014]. Однако не все ценности обладают положительным эффектом. Так, анализируя результаты исследований в разных странах мира, Шварц [Schwartz, 2016] отмечает, что люди с приоритетом ценности «Власть» менее склонны включаться в экологический активизм или волонтерскую деятельность. Негативное влияние на волонтерство также оказывают ценности «Конформность» и «Безопасность». Таким образом, эмпирические данные согласуются с теорией: мотивационное содержание ценностей группы «Забота о людях и природе», объединяющей «Универсализм» и «Благожелательность», а также «Самостоятельность» из группы «Открытость изменениям», наиболее тесно связано с общественно полезной активностью, а «Власть» и консервативные ценности находятся в противоречии с ними.

Отечественные исследователи только начинают включать ценности в исследования практик социального участия, тестируя их эффекты в отношении различных форм активности. Так, М. Бульцева и М. Ефремова [2020] на выборке в 187 человек обнаружили, что обобщенная ценность «Забота о людях и природе» позитивно сказывается на просоциальных практиках как в онлайн (например, размещение информации о нуждающихся), так и в офлайне (например, помощь заблудившемуся человеку). Р. Шамионов и его коллеги [2022], опросив 500 молодых людей из разных регионов РФ, выявили положительное влияние на гражданскую активность в целом ценностей «Универсализм» и «Благожелательность», а также негативный эффект ценности «Безопасность».

Такие результаты не противоречат теории и данным зарубежных авторов, однако в российских работах обнаруживаются и довольно неожиданные выводы. В том же исследовании Р. Шамионова и его коллег [2022] ценность «Традиция» положительно, а не отрицательно коррелировала с гражданской активностью, которая в их случае включала религиозную и политическую компоненты. Онлайн-активистам оказалась более свойственной сильная выраженность ценностей, связанных с личными достижениями [Ефремова, Бульцева, 2020]. Важность группы «Самоутверждение» в детерминации благотворительного поведения была продемонстрирована и для предпринимателей [Титов, Лепшокова, 2020]. Обозначенные результаты можно объяснить особенностями российского социального и политического контекста, однако целесообразно указать и на узкоспецифичный характер выборок. Не последнюю роль играет и гетерогенность исследуемых практик.

Для преодоления указанных ограничений мы используем обширную выборку, включающую в себя различные социально-демографические группы населения России и вопросы об опыте участия в двух типах внеассоциативной социальной активности: социотропической, направленной на интересы широкого круга людей, и утилитарной, ориентированной на решение узких проблем силами локального сообщества. Исходя из мотивационного содержания содержания индивидуальных ценностей Шварца, логично предположить, что ценностный портрет участников, предпочитающих один из этих типов социальных практик другому, будет различным. Основной отличительной характеристикой социотропической активности является примат общественного блага, поэтому она должна быть наиболее распространена среди тех, кто считает своим приоритетом ценности группы «Забота о других». Для активистов, вовлеченных преимущественно в утилитарно ориентированные практики, направленные на удовлетворение интересов небольшого коллектива, будет гипотетически свойствен больший фокус на ценности группы «Самоутверждение». В то же время результаты предыдущих российских исследований показывают,

что другие ценности также могут оказывать влияние на вовлеченность в общественно полезную деятельность и подчас в весьма неожиданном направлении. В связи с этим мы решили использовать разведывательный подход в своем анализе и включить в него все переменные ценностного спектра.

Другие факторы социального участия. Прежде чем приступить к выявлению роли ценностей, нужно упомянуть и другие возможные факторы, которые могут оказаться более значимыми и которые необходимо принять во внимание.

Начнем с социально-демографических особенностей. Позитивное влияние образования и материального положения было обнаружено во многих работах (см., например: [Мерсиянова, Корнеева, 2015; Седова, 2014; Christoforou, 2011; van Oorschot et al., 2006; Welzel et al., 2005]). Такой результат не удивителен, поскольку эти характеристики отражают ресурсы, имеющиеся в распоряжении индивида. Высокий доход, как правило, приводит к большей вовлеченности, так как обеспеченные люди имеют больше финансовых и временных возможностей для инвестирования их в общественно полезную деятельность [Christoforou, 2011; Welzel et al., 2005]. Образование, в свою очередь, не только трансформируется в экономический капитал, но и формирует необходимые установки и навыки кооперации [Putnam, 2000]. В продолжение идеи важности личных ресурсов стоит отметить позитивную роль сетей поддержки и социального благополучия (социального самочувствия) [Омельченко и др., 2016; Седова, 2014; Демирель, Садыкова, 2018].

Довольно большое значение в рамках исследований различных форм социального участия придается доверию. Р. Патнем [2000] выдвинул идею, что ассоциации – в особенности горизонтальные и неиерархические, объединяющие людей, принадлежащих к различным социальным группам, – можно считать своеобразными «школами доверия». Действительно, ряд исследований, в том числе межстрановых, показывает стабильную корреляцию между разными формами социальной активности и доверием [van Oorschot et al., 2006; Welzel et al., 2005].

Идентичность индивида также играет не последнюю роль. Люди более склонны оказывать добровольную помощь представителям общества, с которым они себя отождествляют [Oishi et al., 2007]. А идентификация с человечеством в целом как наиболее широкая форма идентичности оказывает положительное влияние на те формы активности, где адресатом являются «дальние другие» [McFarland et al., 2012].

Высокую степень религиозности индивида тоже связывают с вовлеченностью в общественно полезную жизнь, так как важным элементом в большинстве религий является призыв к верующим не быть эгоистичными и действовать на благо окружающих [Knack, Keefer, 1997]. Кроме того, религия предоставляет организационную базу для развития норм и социальных взаимоотношений, необходимых для кооперации между индивидами [Putnam et al., 1994].

Методология анализа. Эмпирическая часть исследования опирается на данные онлайн-опроса 2019 г. респондентов крупнейшей российской потребительской панели компании «Online Market Intelligence» (OMI. URL: <https://www.omirussia.ru>), в котором участвовали 3711 человек в возрасте 19–78 лет. Утилитарные практики, направленные на решение проблем конкретной узкой группы, были представлены участием в 1) субботнике, благоустройстве района или города, а также в 2) собрании жильцов дома или жителей района, города. Социотропические практики, ориентированные на интересы широкого круга, – это 3) работа волонтером или 4) осуществление материальных пожертвований на благотворительные акции.

Основными независимыми переменными являются ценности высшего уровня в методике Шварца: это – «Забота о людях и природе», «Сохранение», «Самоутверждение» и «Открытость изменениям». Для их измерения использовалась русскоязычная версия Портретного опросника ценностей Шварца, состоящая из 21-го утверждения [Магун и др., 2015], где каждой из базовых ценностей соответствуют два-три суждения, описывающих человека. Выбор ценностей высшего порядка обусловлен тем, что при использовании данного инструмента, представляющего собой сокращенную версию изначальной

шкалы, они показывают более высокую внутреннюю согласованность в сравнении с десятками ценностями уровнем ниже [Davidov, 2010]. Респондентам предлагалось оценить, в какой степени описанные люди похожи на них, по шкале от 1 («очень похож на меня») до 6 («совсем не похож на меня»). Степень выраженности каждой ценности высшего порядка рассчитывалась как среднее для входящих в ее блок ценностей. Для анализа использовались нецентрированные ценности³.

Альтернативные детерминанты социальной активности, описанные выше, были представлены рядом переменных. Самооценка материального положения измерялась по шкале от 1 («не всегда достаточно средств даже на питание») до 6 («при необходимости можем купить квартиру или дом»). Удовлетворенность жизнью в целом измерялась по шкале от 0 («совершенно не удовлетворен») до 10 («полностью удовлетворен»). Схожим образом респонденты отмечали степень своей религиозности от 1 («совершенно не религиозен») до 10 («очень религиозен»). Кроме того, в анализе представлены два типа самоидентификации: ощущает ли человек себя жителем своего города (1 – да, 0 – нет) и гражданином мира (1 – да, 0 – нет).

Доверие близким (специфическое) и незнакомым людям (обобщенное) измерялось по шкале от 1 («Полностью доверяю») до 4 («Совсем не доверяю»), но для удобства интерпретации шкалы были развернуты и приведены к бинарному виду, чтобы 1 обозначало доверие к близким или незнакомым людям соответственно. Наличие высшего образования, работы и детей также представлены в моделях в виде бинарных переменных, как и пол (1 – женский) и брачный статус (1 – женат/ замужем). Контрольные переменные также включали возраст и размер населенного пункта, измеренные по 4-балльной шкале. В регрессионном моделировании все переменные перекодированы от 0 до 1 для обеспечения сравнимости коэффициентов.

На первом этапе с помощью анализа латентных классов (АЛК) были выделены типы участников в зависимости от их вовлеченности в социальные практики, а на втором принадлежности к этим типам использовалась в качестве зависимой переменной в мультиномиальной регрессии. Все расчеты осуществлялись в программной среде R с использованием пакетов *poLCA* [Linzer, Lewis, 2011] и *nnet* [Venables, Ripley, 2002].

Характеристики выборки. Как и в большинстве онлайн-исследований, наша выборка оказалась смещенной. На вопросы анкеты ответили 66% женщин, 64% людей с высшим образованием, средний возраст составил 37 лет. Наиболее популярным среди респондентов стало участие в субботнике или благоустройстве района (его отметили 50%), определенное нами как утилитарная активность. Собрания жителей дома, района или города посещали 33%. Что касается социотропических практик, то благотворительные пожертвования осуществляли 43%, волонтерской деятельностью за последние три года занимались примерно 14%. Доля неактивных респондентов составила 29%.

Для сравнения сошлемся на общероссийское репрезентативное исследование группы «ЦИРКОН» в 2018 г.⁴, где использовался схожий вопрос о гражданской вовлеченности за последние 2–3 года. Согласно данным этого проекта, доля пассивных респондентов равнялась 35%, в субботниках участвовали 26% опрошенных, в собраниях жильцов дома – 19%, работали волонтерами лишь 2%. Используемая нами онлайн-выборка

³ Вот примеры утверждений и показатели внутренней согласованности альфа Кронбаха:

«Забота о людях и природе» – для него очень важно помогать окружающим людям. Ему хочется заботиться об их благополучии (из ценности «Благожелательность», $\alpha = 0,68$);

«Сохранение» – для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности (из ценности «Безопасность», $\alpha = 0,59$);

«Самоутверждение» – для него важно показать свои способности. Он хочет, чтобы люди восхищались тем, что он делает (из ценности «Достижение», $\alpha = 0,76$);

«Открытость изменениям» – ему нравятся неожиданности, он всегда старается найти для себя новые занятия. Он считает, что для него в жизни важно попробовать много разного (из ценности «Риск-Новизна», $\alpha = 0,65$).

⁴ Ценностная солидаризация и доверие в российском обществе. 2018. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws>

дает, таким образом, завышенные показатели, а расхождение составляет 12–25 п.п. в зависимости от вида активности. Подобная ситуация не удивительна: лучше образованные люди более склонны вовлекаться в различные практики участия, а в нашей выборке доля людей с высшим образованием значительно (более чем вдвое) выше. В упомянутом исследовании ЦИРКОНа их было только 29%, а по данным переписи 2010 г. – 24% в населении России. Учитывая это, мы не стремимся оценить уровень гражданской (социальной) активности в РФ, наша цель – *разведывательный* анализ влияния ценностей. Если на такой смещенной выборке удастся обнаружить значимые ассоциации, то логично ожидать подтверждения обнаруженных закономерностей и при использовании репрезентативных данных.

Классификация респондентов на основе их социальной активности. Для создания многомерной эмпирической классификации использован анализ латентных классов (АЛК), позволяющий выявить группы респондентов на основании их сходства по нескольким наблюдаемым категориальным признакам [Hagenaars, McCutcheon, 2002], в нашем случае – по четырем индикаторам участия. В отличие от классического кластерного анализа, АЛК использует модель, параметры которой рассчитываются с использованием итеративной процедуры, основанной на методе максимального правдоподобия. Это дает возможность не только рассчитать вероятность принадлежности индивида к той или иной группе, но и с помощью критериев соответствия (например, BIC и AIC⁵) выбрать оптимальное число классов. В нашем случае лучшим решением стала модель с тремя классами – «пассивный» (49%), «преимущественно утилитарный» (14%) и «универсальный» (37%) (рис. 2).

В группе «пассивных» респондентов вероятность включения в какие-либо практики значительно ниже, чем в других. «Универсалисты» отличаются сочетанием всех возможных видов активности, при этом наибольшая вероятность попадания в эту группу у опрошенных, участвующих в субботниках, благотворительности и волонтерстве. «Преимущественно утилитаристов» тоже характеризует комбинация практик, но доминируют здесь собрания жильцов, а волонтерство не представлено совсем.

Таким образом, АЛК показывает отсутствие чистых утилитарных и социотропических типов. Такая ситуация складывается в основном из-за практик благотворительности и участия в субботниках, представленных во всех группах. Однако для волонтерства и собраний ситуация иная, поскольку они более четко дифференцируют респондентов.

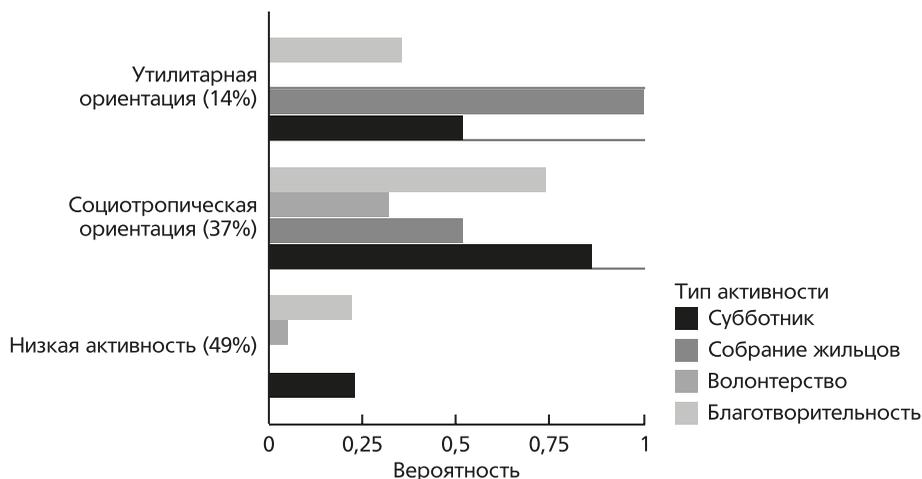

Рис. 2. Вероятность связи конкретных практик социального участия с принадлежностью к группе

⁵ BIC – Bayesian information criterion, AIC – Akaike information criterion.

Объяснить такие результаты можно исходя из требующихся для этих видов деятельности ресурсов. Так, волонтерская активность требует больших затрат времени, чем благотворительность и субботники, а в собраниях чаще всего заинтересованы собственники квартир и люди, активно вовлеченные в процесс ведения домашнего хозяйства.

Рассмотрим, в какой степени принадлежность к каждому из этих типов зависит от ценностного профиля респондента. Для этого мы применили метод мультиномиальной логистической регрессии, предназначенный для номинальных шкал: одна группа выбирается в качестве базовой, а регрессионные коэффициенты отражают изменения логарифма отношения шансов (*log odds*) в зависимости от значений предиктора. Отношение шансов (*odds ratio*), в свою очередь, показывает, во сколько раз изменяется вероятность принадлежности к выбранной категории (например, «универсалистам») относительно вероятности принадлежности к базовой категории (например, «пассивным») при изменении независимой переменной на единицу.

Результаты анализа показывают (табл.), что ценность «Самоутверждение» оказалась более характерна для «преимущественно утилитарного» типа участников, а ценность

Таблица

Результаты регрессионного анализа зависимости типов социальной активности от базовых ценностей

Предиктор	Утилитаристы			Универсалисты		
	Категория сравнения: пассивные					
	<i>Log odds</i>	<i>Odds ratio</i>	<i>p</i>	<i>Log odds</i>	<i>Odds ratio</i>	<i>p</i>
Константа	-3,40	0,03	< 0,001	-4,15	0,02	< 0,001
Ценности						
<i>Сохранение</i>	0,14	1,15	0,744	-0,01	0,99	0,987
<i>Открытость</i>	0,74	2,11	0,073	0,53	1,69	0,111
<i>Самоутверждение</i>	0,74	2,10	0,026	-0,05	0,95	0,850
<i>Забота о людях</i>	0,20	1,22	0,647	2,49	12,01	< 0,001
Доверие знакомым	0,16	1,17	0,328	0,45	1,56	0,001
Доверие незнакомым	0,06	1,06	0,660	0,24	1,27	0,024
Гражданин мира	-0,23	0,80	0,076	-0,01	0,99	0,910
Городская идентичность	0,23	1,26	0,030	0,10	1,10	0,261
Религиозность	-0,03	0,97	0,873	0,36	1,43	0,026
Удовлетворенность жизнью	0,45	1,56	0,100	0,94	2,55	< 0,001
Покупательская способность	0,33	1,38	0,293	0,11	1,11	0,672
Наличие детей	-0,13	0,88	0,335	-0,23	0,80	0,039
Размер населенного пункта	-0,28	0,75	0,048	-0,11	0,90	0,357
Высшее образование	0,45	1,57	< 0,001	0,56	1,76	< 0,001
Возраст	1,40	4,07	< 0,001	-0,97	0,38	0,001
Женский пол	-0,10	0,91	0,376	0,62	1,85	< 0,001
Трудоустроен(а)	-0,07	0,93	0,594	0,09	1,43	0,385
Женат / замужем	0,07	1,07	0,579	-0,12	0,89	0,251
Количество наблюдений	3121					
Псевдо-R² (Tjur)	0,134					

Примечание. Предварительное приведение переменных к шкале от 0 до 1 обеспечивает сравнимость нестандартизированных оценок коэффициентов логистических регрессий (*log odds*). Полу жирным выделены значения $p < 0,05$, что является конвенциональным порогом значимости коэффициента.

«Заботы о людях и природе» – для «универсального». В первом случае шансы принадлежности к группе с таким паттерном активности при изменении выраженности ценности с минимальной до максимальной повышаются в 2 раза, а во втором – в 12 раз.

Некоторые контрольные переменные, включенные в модель, также оказывают значимое влияние на типы социального участия. Так, ощущение себя гражданином своего города и проживание в более маленьком населенном пункте положительно связаны с утилитаристской ориентацией. Обе разновидности доверия, религиозность, удовлетворенность жизнью и женский пол повышают вероятность вовлеченности в активности, не ограниченные решением локальных проблем. Высшее образование оказывает положительный эффект на вероятность обоих типов социального участия. Однако эффект ценностей не только не исчезает при контроле этих и других характеристик, но и превосходит их по размеру. Единственный фактор, который в случае «преимущественно утилитарного» типа обладает большим влиянием, – это возраст. Такой результат неудивителен. Выше отмечалось, что дифференцирующими респондентов практиками являются волонтерство и участие в собраниях, требующие различных ресурсов. Включенность в бытовые вопросы домохозяйства и наличие права собственности на недвижимое имущество более характерно для старших возрастных групп. Для них же характерно и меньшее количество свободного времени, которое можно инвестировать в другие формы участия.

Выводы и ограничения исследования. Подведем итоги нашего исследования влияния базовых ценностей на социальное участие. Для решения этой задачи использовались данные онлайн-опроса о вовлеченности в два вида идеально-типических практик – социотропических, ориентированных на решение интересов широкого круга лиц, и утилитарных, направленных на реализацию интересов местных сообществ и специфических групп.

Как показали результаты анализа, респонденты не делятся на чистых «социотропов» и «утилитаристов». Тех, кто включен в социотропические практики, также интересуют и локальные проблемы, что делает их позицию универсальной. В то же время «локальным» активистам не чужда социотропическая деятельность, хоть и в меньшей степени.

В целом определенные ценности, выделенные согласно подходу Ш. Шварца, действительно повышают вероятность участия в различных инициативах. Их влияние чаще всего превышает эффекты других возможных факторов, однако оно варьируется в зависимости от типа участия. Респонденты с преимущественно утилитарной направленностью отличаются выраженностью ценностей «Самовыражения», подчеркивающих важность личного успеха, а универсалисты придают большее значение «Заботе о людях и природе». В то же время наш анализ не выявил значимого влияния ценностей «Сохранение» и «Открытость изменениям» на рассматриваемые практики.

Основным ограничением исследования является нерепрезентативный характер выборки. Несмотря на значительную гетерогенность, в ней преобладают высокообразованные респонденты, которые оказались более социально активны, чем россияне в среднем. Поэтому результаты данного исследования надо рассматривать как предварительные, для дальнейшей верификации роли ценностей в детерминации социального участия необходимы репрезентативные данные. Кроме того, целесообразно расширить список практик и дополнить их конкретизирующими вопросами, позволяющими более точно идентифицировать целевую группу благополучателей, каналы и способы участия, а также оценить степень вовлеченности респондентов. Также имеет смысл более детально проанализировать роль отдельных ценностей с использованием уточненной теории базовых ценностей и скорректированной на её основе методики измерения [Шварц и др., 2012], или же обратиться к другим ценностным моделям, обладающим потенциалом в объяснении вариации в практиках участия среди россиян [Кузнецов, 2017]. Наконец, для исследований в данном направлении было бы особенно ценным привлечение объективных данных о социальной активности, что позволит снизить ошибку измерения, связанную с возможной социальной желательностью ответов о социальном участии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алмакаева А.М., Мавлетова А.М. Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6 (148). С. 91–112.
- Демирель Я., Садыкова Г.Ф. Влияние социальной поддержки на гражданское поведение // Социологические исследования. 2018. Т. 7. № 7. С. 81–86.
- Ефремова М., Бульцева М. Взаимосвязь индивидуальных ценностей и просоциального поведения в онлайн- и офлайн-контекстах // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 107–126.
- Кузнецов И.М. Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 47–55.
- Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 3–4 (121). С. 74–93.
- Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. «Городское молчание» в Москве: предпосылки и вовлеченность населения в практики гражданского общества // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6 (130). С. 48–65.
- Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е. и др. Социальный капитал, доверие и гражданское участие современной российской молодежи // Политика и общество. 2016. № 8. С. 1124–1135.
- Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.
- Скалабан И.А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 1 (13). С. 130–139.
- Титов А.С., Лепшокова З.Х. Индивидуальные ценности предпринимателей как предикторы их планируемого благотворительного поведения // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 3. С. 140–163.
- Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В. Роль ценностей в приверженности молодежи различным видам социальной активности // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 124–141.
- Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
- Arieli S., Grant A.M., Sagiv L. Convincing yourself to care about others: An intervention for enhancing benevolence values // Journal of Personality. 2014. Vol. 82. No. 1. P. 15–24.
- Christoforou A. Social Capital Across European Countries: Individual and Aggregate Determinants of Group Membership: Social Capital Across European Countries // American Journal of Economics and Sociology. 2011. Vol. 70. No. 3. P. 699–728.
- Davidov E. Testing for comparability of human values across countries and time with the third round of the European Social Survey // International Journal of Comparative Sociology. 2010. Vol. 51. No. 3. P. 171–191.
- Granovetter M.S. The Strength of Weak Ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360–1380.
- Hagenaars J.A., McCutcheon A.L. Applied Latent Class Analysis. Cambridge University Press, 2002.
- Inglehart R., Welzel C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. Cambridge University Press, 2005.
- Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // The Quarterly Journal of Economics. 1997. Vol. 112. No. 4. P. 1251–1288.
- Linzer D., Lewis J. polCA: An R Package for Polytomous Variable Latent Class Analysis // Journal of Statistical Software. 2011. Vol. 42. No. 10. P. 1–29.
- McFarland S., Webb M., Brown D. All humanity is my ingroup: a measure and studies of identification with all humanity // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 103. No. 5. P. 830–853.
- Oishi S., Rothman A.J., Snyder M. et al. The socioecological model of procommunity action: the benefits of residential stability // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. Vol. 93. No. 5. P. 831–844.
- van Oorschot W., Arts W., Gelissen J. Social Capital in Europe: Measurement and Social and Regional Distribution of a Multifaceted Phenomenon // Acta Sociologica. 2006. Vol. 49. No. 2. P. 149–167.
- Putnam R.D. Bowling alone: The collapse and revival of American community. Simon & Schuster, 2000.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton university press, 1992.

- Schwartz S.H. Basic individual values: Sources and consequences // Handbook of value: Perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology / Ed. by Brosch T., Sander D. New York: Oxford University Press, 2012. P. 63–84.
- Schwartz S.H. Basic values: How they motivate and inhibit prosocial behavior // Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature / Ed. by Mikulincer M., Shaver P.R. Washington: American Psychological Association, 2010. P. 221–241.
- Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. No. 1. P. 1–65.
- Venables W., Ripley B. Modern Applied Statistics with S. 4th ed. N.Y.: Springer, 2002.
- Welzel C., Inglehart R., Deutsch F. Social capital, voluntary associations and collective action: which aspects of social capital have the greatest 'civic' payoff? // Journal of Civil Society. 2005. Vol. 1. No. 2. P. 121–146.

Статья поступила: 15.04.23. Финальная версия: 07.05.23. Принята к публикации: 07.05.23.

BASIC HUMAN VALUES AND PRACTICES OF SOCIAL PARTICIPATION IN RUSSIA

ALMAKAEVA A.M.* **, NASTINA E.A*

* University HSE, Russia; **VCIOM, Russia

Anna M. ALMAKAEVA, Cand. Sci. (Sociol.), Deputy Head, Scientific Editor, Department of Publishing Programs, VCIOM, Moscow, Russia (aalkaeva@hse.ru); Ekaterina A. NASTINA, Junior Researcher (enastina@hse.ru). Both – Ronald F. Inglehart Laboratory for Comparative Social Research (LCSR), National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Abstract. This study aims to explore to what extent values determine informal social engagement in comparison to the effects of other factors. A heterogeneous sample of respondents from an online panel ($N = 3711$) is used for our analyses. Self-report in terms of two types of activity, utilitarian and sociotropic, respondents engaged in the last three years were used to create a typology of social participants using latent class analysis. The results of multinomial regression modeling using the obtained classes allow us to conclude that values have a significant impact on the likelihood of more active participation in initiatives for the benefit of society as a whole or its specific groups, and their effect often exceeds the effects of other predictors, including trust, identity, life satisfaction, religiosity, and socio-demographic characteristics. At the same time, activists who approach social participation from a predominantly utilitarian perspective prioritize "Self-enhancement", while the participants whose social activity is not limited by the interests of narrow circle, put more value on "Self-transcendence". Other values did not have a significant impact on the engagement pattern. The paper concludes with a discussion of the limitations of the study and directions for future work.

Keywords: values, social engagement, civic participation, altruism, multinomial regression, latent class analysis.

REFERENCES

- Almakaeva A.M., Mavletova A.M. (2018) Modernization process in Russia: Can we expect the shift to emancipative values? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 6 (148): 91–112. (In Russ.)
- Arieli S., Grant A.M., Sagiv L. (2014) Convincing yourself to care about others: An intervention for enhancing benevolence values. *Journal of Personality*. No. 82 (1): 15–24.
- Christoforou A. (2011) Social Capital Across European Countries: Individual and Aggregate Determinants of Group Membership: Social Capital Across European Countries. *American Journal of Economics and Sociology*. No. 70 (3): 699–728.
- Davidov E. (2010) Testing for comparability of human values across countries and time with the third round of the European Social Survey. *International Journal of Comparative Sociology*. No. 51 (3): 171–191.
- Demirel Y., Sadykova G.F. (2018) The Impact of Social Support on Citizenship Behavior. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 81–86. (In Russ.)

- Efremova M., Bultseva M. (2020) The relationship between individual values and prosocial behavior in online and offline contexts. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. No. 11 (1): 107–126. (In Russ.)
- Granovetter M.S. (1973) The Strength of Weak Ties *American Journal of Sociology*. No. 78 (6): 1360–1380.
- Hagenaars J.A., McCutcheon A.L. (2002) *Applied Latent Class Analysis*. Cambridge University Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press.
- Knack S., Keefer P. (1997) Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *The Quarterly journal of economics*. No. 112 (4): 1251–1288.
- Kuznetsov I.M. Values and socio-political attitudes in contemporary Russia. (2017) *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 47–55. (In Russ.)
- Linzer D., Lewis J. (2011) polCA: An R Package for Polytomous Variable Latent Class Analysis. *Journal of Statistical Software*. 2011. No. 42 (10): 1–29.
- Magun V.S., Rudnev M.G., Schmidt P. (2015) European Value Typology and Basic Values of Russians. *Vestnik obshhestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions]. No. 121 (3–4): 74–93. (In Russ.)
- McFarland S., Webb M., Brown D. (2012) All humanity is my ingroup: a measure and studies of identification with all humanity. *Journal of personality and social psychology*. No. 103 (5): 830–853.
- Mersiyanova I., Korneeva I. (2015) "City silence" in Moscow: prerequisites and public involvement in civil society practices. *Vestnik obshhestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions]. No. 6 (130): 48–65. (In Russ.)
- Oishi S. et al. (2007) The socioecological model of procommunity action: the benefits of residential stability. *Journal of personality and social psychology*. No. 93 (5): 831.
- van Oorschot W., Arts W., Gelissen J. (2006) Social Capital in Europe: Measurement and Social and Regional Distribution of a Multifaceted Phenomenon. *Acta Sociologica*. 49 (2): 149–167.
- Omelchenko D.A., Maksimova S.G., Noyanzina O.E. et al. (2016) Social capital, trust and civil participation of modern Russian youth. *Politika i obshchestvo* [Politics and Society]. No. 8 (140): 1124–1135. (In Russ.)
- Putnam R.D. (2000). *Bowling alone: The collapse and revival of American community*. Simon & Schuster.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1992) *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton university press.
- Sedova N.N. (2014) Civic activism in modern Russia: forms, factors, and social base. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2: 48–71. (In Russ.)
- Skalaban I. (2011) Social, Public and Civic Participation: To the Problem of. Understanding Concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 1 (13): 130–139. (In Russ.)
- Shamionov R., Bocharova E., Nevsky E. (2022) The Role of Values in the Commitment of Young People to Various Types of Social Activity. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society]. No. 13 (1): 124–141. (In Russ.)
- Schwartz S.H. (2016). Basic individual values: Sources and consequences. In: Brosch T., Sander D. (eds) *Handbook of value: Perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology*. New York: Oxford University Press: 63–84.
- Schwartz S., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. (2012) A Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki* [The Psychology. Journal of Higher School of Economics]. Vol. 9. No. 2: 43–70. (In Russ.)
- Schwartz S.H. (2010) Basic values: How they motivate and inhibit prosocial behavior. In: Mikulincer M., Shaver P.R. (eds) *Prosocial motives, emotions, and behavior: The better angels of our nature*. Washington: American Psychological Association: 221–241.
- Schwartz S.H. (1992) Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*. No. 25 (1): 1–65.
- Titov A., Lepshokova Z. (2020) Individual values of entrepreneurs as predictors of their planned charitable behavior. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology]. No. 10 (3): 140–163. (In Russ.)
- Venables W., Ripley B. (2002) *Modern Applied Statistics with S*. 4th ed. New York: Springer.
- Welzel C., Inglehart R., Deutsch F. (2005) Social capital, voluntary associations and collective action: which aspects of social capital have the greatest 'civic' payoff? *Journal of civil society*. No. 1 (2): 121–146.

Received: 15.04.23. Final version: 07.05.23. Accepted: 07.05.23.

Е.Ю. ИВАНОВА

ЖЕНЫ ДИПЛОМАТОВ: КАРЬЕРНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В СИТУАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

ИВАНОВА Елена Юрьевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (ele6248@yandex.ru).

Аннотация. Представлены некоторые результаты анализа проблем самоопределения жен дипломатов в рамках профессионального семейного взаимодействия. Выделены факторы, влияющие на статус жены дипломата в условиях заграничных командировок: предписанный международным и отечественным законодательством дипломатический иммунитет, дипломатический ранг супруга, а также социальные роли, функции и задачи, возложенные на нее в рамках норм и правил дипломатической деятельности. Систематизированы ограничения для профессиональной карьеры жен дипломатов, влияющие на выбор ими той или иной траектории социального поведения. Исследование опиралось на включенное несистематическое наблюдение явлений в повседневной жизни семей дипломатов в качестве скрытого участника; качественный контент-анализ документов – материалов интернет-сайтов и интернет-форумов; вторичный анализ данных социологических и исторических исследований. Сделаны выводы о востребованности правового укрепления статуса жен дипломатов, который учитывал бы современную ситуацию и зафиксировал возможности стабильной перспективы.

Ключевые слова: дипломат • жена • социальная роль • карьера • профессиональная группа • социальная группа • статус • семья • вынужденный простой

DOI: 10.31857/S013216250022129-4

Постановка проблемы. Изучение особенностей жизненных траекторий женщин, являющихся супругами мужчин-профессионалов в различных отраслях и видах деятельности, – новая для отечественной социологии тема. Оно тесно связано с профессиональным аспектом семейных взаимоотношений, а также с проблемой самореализации и удовлетворенностью браком [Ершова, Вепрева, 2019]. Наиболее представительны исследования социально-психологических проблем жен военнослужащих (О.А. Грейг, И.С. Даниленко, Е.А. Круглова, О.А. Коротяева, Н.В. Попель, М.Е. Раскумандрина, В.А. Шавлов и др.). Социокультурную роль жен российских дипломатов начала XX в. исследовала М.Е. Сорока (1993). В основу анализа роли «дипломатической жены», представленного в монографии О.Ф. Сакуна [2007], положены результаты исследований зарубежных авторов (К. Hierman, G.H. Stuart, M.P. Child, U. Müller, Chr. Scheidemann, B. Smedley и др.). Однако специфика статусных и социальных ролей жен дипломатов в отечественной практике исследована фрагментарно. Проблема затрагивалась в учебниках (В.И. Попов, 2003; Т.В. Зонова, 2003), а также в мемуарной литературе (Б.Л. Колоколов, 1998, И.М. Майский, 1971, К.Н. Лаптева, 1995, Г.Н. Ерофеева, 1998, Е.В. Московская, 2000, В.И. Шабалин, 2008 и др.).

Жены дипломатов, находясь по месту командировки мужа, выполняют регламентированные дипломатическим функционалом и протоколом обязанности в особой форме профессионально-семейных отношений. Эта социальная группа наделена специфическими признаками: внутренняя организация обеспечивается не только правилами и нормами дипломатического статута, но и внутренней самоорганизацией, включенностью в общественные российские и международные объединения и союзы, наличием общих (групповых) ценностей и ролевых ожиданий; противопоставлением «мы – другие»; закрепившемся в общественном сознании образе и пр. Основательница Сообщества жен российских дипломатов

характеризует задачи консолидации супруг дипломатов: «Женщины самых разных возрастов, находящиеся по долгу службы своих мужей-дипломатов в самых разных частях света, продолжают объединяться в одно большое Сообщество, что позволяет разговаривать на одном языке, который понятен только нам, всегда быть на связи друг с другом, делиться опытом, задавать всевозможные вопросы, касающиеся тонкостей проживания в той или иной стране»¹.

Подход к анализу проблем самоопределения жен дипломатов определяется пониманием его формирования в рамках особой формы семейного взаимодействия. Под профессиональным семейным взаимодействием мы понимаем модели формирования и реализации консолидированной (в противовес эгоцентричной) стратегии, направленной на выполнение возложенных на одного из супругов служебных обязанностей, делегированных извне, или достижение поставленных супругами целей и задач в процессе совместной жизнедеятельности.

Информационной базой исследования стали мемуары дипломатов и жен дипломатов; интервью с дипломатами, женами дипломатов, являющимися гражданами как Российской Федерации, так и зарубежных стран, опубликованными в открытом доступе (19 интервью), интернет-ресурсы, поддерживающие дискурс по теме исследования, международное и отечественное законодательство, архивные документы семей дипломатов.

Метод и эмпирическая база. В анализе использован спектр качественных методов, основными из которых стали включенное несистематическое наблюдение явлений в повседневной жизни 10 семей дипломатов начиная с конца XX в. и до настоящего времени в качестве скрытого участника, что дало возможность зафиксировать факты, оценки и позиции, артикулированные в рамках неформального общения по теме исследования²; метод качественного контент-анализа документов, содержания интернет-сайтов и интернет-форумов, который позволил сформировать представление о проблемах жен дипломатов, связанных с возможностью профессиональной реализации в условиях статусных ограничений.

Отбор интернет-источников происходил при помощи поисковых запросов на портале «Яндекс» по следующим тега, ключевым словам: «жена дипломата», «супруга дипломата», «как выйти замуж за дипломата», «жена посла», «муж дипломат», «как стать дипломатом» и др. за период с 2007 по 2022 г. Отобраны публикации на следующих интернет-ресурсах: официальных сайтах госучреждений (МИД РФ, Российского совета по международным делам, посольств РФ за рубежом и др.); официальных сайтах медиасредств (РИА «Новости»; «Известия IZ»; журнал «Международная жизнь»; газета «Наша Смоленка»; студенческий журнал МГИМО «Международник» и др.); официальных сайтах общественных организаций (Международный женский клуб, Сообщество жен дипломатов, Клуб жен послов, Ассоциация дипломатов России); страницах блогеров, интернет-форумах (блоги на Яндекс Дзен «Жена дипломата»; на YouTube «Жизнь жены дипломата»; Интернет для женщин «Woman»; QUORA и др.).

Методом открытого кодирования идентифицированы темы, содержащиеся в текстах документов и на дискуссионных платформах: социальный статус и социальные роли жен дипломатов; карьерные перспективы, профессиональная реализация, проблемы трудоустройства; качества, необходимые женам дипломатов; особенности пребывания в заграничных командировках (психологические проблемы, конфликты в семье, адаптация к жизни за границей и по возвращении на родину, разлука с детьми и родителями), саморазвитие и образование, преимущества и недостатки пребывания в заграничных командировке и др. Проблема возможностей и путей профессиональной реализации затронута в 62% материалов и является наиболее острой. Проведение осевого кодирования (см.: [Страусс, Корбин, 2001: 82]) позволило выявить факторы, влияющих на пути, формы, траектории профессиональной реализации жен дипломатов.

¹ Яникеева И. Есть такая профессия – жена дипломата // Международная жизнь. 02.03.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25546> (дата обращения: 01.07.2022).

² Автор в течение указанного периода времени интегрирован в исследуемое поле и имеет возможность наблюдать за его трансформацией в повседневном контексте.

Анализ текстов позволил выделить четыре основных брачных стратегии, которым следовали женщины: *случайная* (выходить замуж за дипломата не планировала, так вышло); *ожидаемая* (обучалась в профильном вузе вместе с потенциальными дипломатами); *наследуемая* (повторение образа жизни родителей-дипломатов); *активная* (использование любой возможности, чтобы стать женой дипломата).

Интерпретация свойств, влияющих на принятие стратегий управления процессом профессиональной реализации, выявила решающую роль предписанного социального статуса жены дипломата, наличия опыта построения профессиональной карьеры до заграникомандировки, дипломатический ранг мужа и количество лет, проведенных в дипломатических миссиях за рубежом, возраст.

Оценки и мнения, формулируемые кадровыми дипломатами и их женами в различных интервью и коммуникативных взаимодействиях, отличаются профессиональной политкорректностью, осторожностью, недосказанностью, а формулировки проблем, фиксируемых в процессе скрытого наблюдения семей дипломатических работников и обсуждаемых анонимными участниками интернет-форумов, представляют собой свободное изложение проблем и путей их решения. Использование обоих блоков информационных источников дало возможность с высокой степенью объективности подойти к структуризации проблемного поля.

В общей сложности мы провели анализ более 40 текстов, а также около 400 оценочных суждений участников интернет-форумов. Линия истории, выстроенная нами, концептуализируется в описательном феномене профессиональной востребованности жен дипломатов. В статье представлены некоторые результаты исследования поведенческих стратегий жен дипломатов в проблемной ситуации статусных ограничений и возможностей карьерной реализации.

Профессиональное семейное взаимодействие как особая форма государственной службы в сфере дипломатии. Наделенная статусом супруги дипломата, женщина получает возможность, а чаще всего обязанность, «примерить» на себя различные социальные роли. Статусность жены дипломата зависит от статуса профессиональной группы дипломатов в профессиональной структуре общества; предписанного статуса в контексте международного и отечественного правового поля; семейного статуса дипломатической четы в условиях профессионального семейного взаимодействия, а также личного статуса.

Предписанный дипломатический статус, или дипломатические иммунитеты и привилегии в отношении государства пребывания, – важнейший фактор, обеспечивающий деятельность дипломатов. Венской конвенцией о дипломатических сношениях юридический статус мужа был распространен на жену³. Закрепление на официальном уровне складывающегося предписанного статуса жены дипломата связано с эволюцией «международного обычая, воплощающегося в сотнях конкретных казусов, и в кодифицирующем обычай современном позитивном международном праве, а сам этот статус идентичен по ряду аспектов статусу и репутации ее мужа-дипломата» [Сакун, 2007: 363]. Таким образом, предписанный статус жены дипломата признан и институционализирован на международном уровне, регулируется законодательством Российской Федерации, внутренними циркулярами, нормами и правилами дипломатической жизни. Иерархия статусов женского состава посольства, выстроенная в соответствии с рангом и должностью мужей, определяет иерархию выполняемых ими обязанностей и функций, спектр решаемых задач. На ряде официальных сайтов дипломатических миссий РФ за рубежом в разделе «Дипломатический состав» перечислены фамилии не только сотрудников в соответствии с их рангами, но и их жен, что подтверждает признаваемую статусность их положения⁴.

³ Венская конвенция о дипломатических сношениях. Принята 18 апреля 1961 года // ООН: официальный сайт. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения: 15.05.22).

⁴ Посольство России в Польше. URL: <https://poland.mid.ru/diplomaticeskij-sostav/>; Посольство Российской Федерации в США. URL: <https://washington.mid.ru/embassy/members/> (дата обращения: 10.10.2022).

По мнению британского дипломата У. Тиррела, «в мире нет карьеры, в которой работа мужчины в такой степени разделялась бы женщиной, как работа женатого дипломата его женой. Женщина <...> бесценна для государственной службы, и можно вспомнить многих послов и министров в прошлом, которые были обязаны большей частью своего личного успеха своим женам» [Woman..., 1999: 18] В современных условиях реализация женами дипломатов своих гендерных возможностей «...использования женской интуиции, нестандартного взгляда на ситуацию, умения снижать напряженность в переговорах, налаживать контакты, т.е. применение “мягкой силы”, также может способствовать эффективной дипломатической деятельности» [Воевода и др., 2014: 32]. Приведем некоторые оценки женами послов выполняемых ими функций, солидарных с дипломатической деятельностью супругов. «Дипломатическая служба – это одна из немногих профессий, где жена обязана не просто поддерживать своего мужа, а исполнять служебные обязанности жены... Жена дипломата, так же как и ее супруг, является представителем своей страны, то есть лицом сугубо официальным, и это налагает на нее определенную ответственность и отличает от других жен»⁵. «Мне кажется, супруги – послы доброй воли. Они представляют свою страну, зная ее культуру и историю. Хорошие контакты формируются через кулинарию и национальные праздники, презентации, выставки, приемы. Организация данных мероприятий – важная часть миссии супруги посла...»⁶. Контент-анализ текстов, используемых нами в качестве информационной базы, позволил оценить частоту упоминаний женами дипломатов исполнения ими определенной социальной роли: о солидарной с мужем дипломатической деятельности во благо государственных интересов упоминается в 63% текстов.

В семейных архивах нам удалось найти документ, подтверждающий предписанный статус жен дипломатов. Юбилейной грамотой за подписью министра иностранных дел А. Громыко в ознаменование 50-летия советской дипломатической службы, «за добросовестную работу в системе министерства» наравне с кадровыми дипломатами награждались и супруги. Надо отметить, что их репутационный ресурс может существенно повлиять и влиять на карьерные перспективы и восходящую социальную мобильность супруга: «...В ряде случаев кадровые службы предупреждают дипломатов, что им никогда не удастся достичь высших постов из-за поведения их жен, если они его не изменят» [Попов, 2003]. «...при подборе работников для дипломатической работы за рубежом, ... нашему Министерству иностранных дел следует интересоваться не только их собственными качествами, но также и качествами их жен» [Майский, 1971: 220].

Если признаваемая предписанная статусность жены дипломата в период заграничных командировок соответствует профессиональному статусу мужа (жена посла, жена советника, жена атташе), то в периоды пребывания на родине зависимость от статуса мужа практически нивелируется по причине выхода из замкнутой, закрытой общности колоний дипломатических консульств и посольств, адаптации к новым жизненным реалиям, создающим возможность реализации накопленного социально-культурного капитала. Предписанный статус остается в виде символического капитала и уступает место приобретенному, достигнутому личному статусу, выражающемуся прежде всего в возможности карьерной реализации.

Проблемы карьерной реализации. Семейное профессиональное взаимодействие сосуществует с поиском женами дипломатов вариантов общественно полезной трудовой деятельности во время зарубежной командировки. Выбор той или иной траектории социального поведения в сложившихся обстоятельствах связан с возможностью или невозможностью преодоления препятствий, среди которых: сложность трудоустройства в условиях конкурентного отбора и лимита рабочих мест на территории посольства или консульства;

⁵ Рамишвили С. Жена дипломата – как жена декабриста // Russia-armenia.info. Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив. 04.01.2016 // URL: <https://russia-armenia.info/node/23681> (дата обращения: 15.05.22).

⁶ Пять историй о том, как быть супругой дипломата // WE: communication agency. 26.12.2018. URL: <https://weproject.media/articles/detail/5-istoriy-o-tom-kak-byt-suprugoy-diplomata/> (дата обращения: 15.05.22).

обязательность получения разрешения на трудоустройство за пределами дипмиссий; конфликтные ситуации в семье, спровоцированные потерей женщинами карьерных перспектив на родине; положение «вынужденного простоя» и отсутствие официального трудоустройства; сложность морального выбора между построением карьеры на родине и исполнением предписанных статусных ролей в загранкомандировке, с тем чтобы не нанести вреда должностным перспективам мужа.

Обратим внимание на ряд важных аспектов анализируемых процессов. Проблема трудового стажа жены дипломата актуализируется по достижении установленного законодательством возраста, необходимого для оформления пенсионного права. Годы «вынужденного простоя» в связи с загранкомандировкой в советское время женам дипломатов не засчитывались в трудовой стаж. Включенное наблюдение позволило ознакомиться с архивными документами, получить сведения о назначении в 1991 г. пенсии жене дипломата высокого ранга, 24 года находившейся в загранкомандировках, в размере 66 рублей 67 копеек при прожиточном минимуме 200 рублей⁷. Только с 2008 г. к зачету в страховую стаж подлежат «периоды проживания за границей супругов работников, направленных в дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации, продолжительность которых не должна превышать 5 лет»⁸. Правовое регулирование пенсионных прав жен дипломатов, с одной стороны, свидетельствует о недооценке регулятором специфики «вынужденного простоя» в условиях загранкомандировок, с другой стороны, провоцирует конфликт интересов в семьях дипломатов, а также «на рынке труда» в дипломатических миссиях.

Сознательное принятие условий, предполагающих нисходящую социальную мобильность и работу, не соответствующую своему предписанному статусу и статусу мужа, свидетельствует о вынужденных причинах подобного социального поведения в условиях высокой конкуренции за рабочие места. Подтверждение этой проблемы мы находим на интернет-форумах. «Глупые, наивные девочки. В посольстве и за работу уборщицы нужно бороться» («Апјеліка», 19 декабря 2008 г.)⁹. «Даже жены послов и генконсулов работают секретарями... Здесь, “внутри”, это воспринимается абсолютно адекватно и без каких-либо насмешек» («Дипломат», 21 июля 2010 г.)¹⁰. В ходе общения с женами так называемых карьерных (включенных в прохождение профессиональной иерархии) дипломатов на вопрос: «По вашей оценке, какова доля жен дипломатов, которые находят работу в загранкомандировке?», как правило, следовала оценка в 5–10%.

Анализ материалов исследования выявил факторы, влияющие на процесс трудоустройства женщин в период работы мужей за рубежом. Среди них: **должность и дипломатический ранг мужа** («Когда муж был третьим секретарем, я работала в консульстве, а когда получил назначение на должность первого секретаря, абсолютно не стало времени, чтобы работать: семья, мероприятия почти каждый день» (жена карьерного дипломата, с 1990-х годов в отставке)).

Страна пребывания, размер посольства («Смотря в какой стране командировка. В Африке – только на территории посольства можно подработать. Некоторые жены сотрудников работали. В бывших республиках СССР – легче устроиться даже за пределами посольства. Чем больше посольство, тем легче найти работу» (жена карьерного дипломата 2010-х годов в отставке)).

⁷ Постановление Правительства РСФСР от 15.11.1991 № 5 «О порядке введения минимального размера оплаты труда в РСФСР» // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: <http://government.ru/docs/all/437/> (дата обращения: 15.05.22).

⁸ Федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» // ЭПС «Система ГАРАНТ». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 15.05.2022).

⁹ Woman.ru: Интернет для женщин. Форум «Жены дипломатов» // URL: <https://www.woman.ru/rest/medley8/thread/3867812> (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁰ Там же.

Активная жизненная позиция. В интервью газете «Международник» жена дипломата, недавно окончившая МГИМО, определяет свое кредо в отношении карьерных перспектив: «Считается, что заграникомандировка мужа – это конец карьеры для девушки, но, на мой взгляд, все зависит от ее желания. Еще перед отъездом в КНДР я устроилась на удаленную работу в PR-агентство... Например, жена нашего советника-посланника сумела сделать головокружительную карьеру на телевидении»¹¹.

Получение разрешения на работу за пределами дипмиссии. В отечественной практике случаи разрешения работать по специальности за пределами миссий единичны. Это утверждение можно подкрепить оценками участников интернет-форумов. «Нельзя работать, т.к. дип. виза не дает права на работу... Есть выход – искать официального работодателя в лице МИД или других наших министерств, которые имеют в той стране представительство, и оформить по официальному аттестату. Т.е. ехать по двум аттестатам, каждый сам по себе, но от России» («Гость», 26 октября 2018 г.)¹². В ином случае: «Вы должны очень четко понимать, что с выходом замуж за дипломата вашей серьезной карьере придет конец. Ни один посол в трезвом уме не потерпит, чтобы у дипломата, тем более молодого, жена... болталась где-то за пределами посольства, периодически навещая мужа» («Insite», 4 мая 2009 г.)¹³.

Приоритетность трудоустройства в России. Игнорирование реального вклада жен дипломатов в реализацию целей и задач дипломатических миссий, отсутствие компенсации за «вынужденный простой» в связи с потерей профессии, приводит к «самому распространенному варианту: после возвращения из первой (второй, третьей) длительной заграникомандировки вы находите очень хорошую работу, расставаться с которой категорически не хотите. В результате во вторую (третью, четвертую) командировку муж едет один. Вместе вы проводите только отпуск. Именно так живет довольно много семей старших дипломатов – первых секретарей, советников и послов»¹⁴. Заметим, что актуальную позицию МИД РФ по этому вопросу озвучил министр иностранных дел С.В. Лавров. По его мнению, когда женщина едет с мужем в командировку в страну, где ее профессиональные знания не смогут найти применения, это серьезная проблема. Муж должен уважать занятие жены, если у нее есть своя специальность. Каждая семья сама решает, отправляться ли в зарубежную командировку вместе или же просто стараться видаться почаще¹⁵.

Потеря карьерных перспектив ради семейного благополучия. В интервью журналу «Международная жизнь» на вопрос: «Смогли ли вы профессионально реализовать себя, несмотря на многочисленные переезды?» жена посла ответила: «Увы, нет. В МФИ я была в первой банковской группе на Учетном факультете... Впереди открывались потрясающие перспективы, но я уехала с мужем в командировку. В посольстве работы не так уж много, и кем я только не была: пионервожатой, казначеем профкома, заведующей клубом, счетоводом... Но я не жалею. Для меня семья всегда была на первом месте»¹⁶.

Самоорганизация как стратегия решения проблемы. («Я вот жена дипломата... он уезжает далеко. А у меня тут карьера прекрасная. Получше, надо сказать честно, чем у него...

¹¹ Пономарева Д. «Жена дипломата» – лишь одна из моих социальных ролей // Студенческий журнал МГИМО «Международник». Март 2020. URL: <https://gazeta.mgimo.ru/articles/zhena-diplomata> (дата обращения: 20.07.2022).

¹² Woman.ru: Указ. сайт // URL: <https://www.woman.ru/rest/medley8/thread/3867812/5/> (дата обращения: 20.07.2022).

¹³ Woman.ru: Указ. сайт // URL: <https://www.woman.ru/rest/medley8/thread/3867812/2/> (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁴ Маковеева С. С милым рай в шалаше, если милый – атташе? / Woman.ru: Указ. сайт. URL: <https://www.woman.ru/relations/s-milym-rai-v-shalashе-esli-milyi-attashe-id272840/> (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁵ Лавров С.В. Выступление на дне знаний в МГИМО. 1 сентября 2021 года // RUTUBE: [Видеоохостинг]: URL: <https://rutube.ru/video/34d64dcf1ef3214c3f78d1d223d282f7/> (дата обращения: 09.04.2022).

¹⁶ Архангельская С. Отечественная дипломатия в лицах: интервью с Мариной Карловой // Международная жизнь. 28.05.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26492> (дата обращения: 20.07.2022).

Вот хорошо вроде думала, когда замуж выходила, а сейчас что-то уже и не знаю, что делать... Думаю, может, пора женам дипломатов объединиться и создать профсоюз, а как иначе добиться того, чтобы мы тоже работали???» («Жена дипломата со стажем», 11 августа 2016)¹⁷.

Эти факторы определяют спектр поведенческих стратегий женщин в проблемной ситуации карьерной реализации и свидетельствует о неустойчивости их позиций и соответственно самой ситуации семейного профессионального взаимодействия в семьях дипломатов.

* * *

Формирующаяся ныне практика выбора женами дипломатов траектории жизненного пути в пользу профессиональной реализации в России сводит на нет уникальную эффективность исторически сложившейся практики профессионального семейного взаимодействия. И важнейшей причиной этого является то, что «вынужденной простой», возникающий у супруг дипломатов не по вине работодателя, а в связи с командировкой мужа, находящегося на ответственной федеральной государственной гражданской службе¹⁸, не компенсируется государством в виде пенсионных прав, что требует принятия регулятором эффективных управленческих решений.

Здесь уместно будет привести некоторые примеры решения вопроса компенсации за потерянную работу в период командировки мужа за рубежом. Так, период, проведенный супругой со своим супругом, находящимся в иностранном государстве на дипломатической службе, включается в срок ее государственного социального страхования (Армения, Украина); законодательством ряда стран предусматривается выплата супруге дипломата за утраченные профессиональные шансы и как признание важности ее работы в посольстве в размере определенной части зарплаты мужа (Германия); пособие неработающей супруге, сопровождающей дипломатического работника в загранкомандировке, в размере двойной минимальной заработной платы (Эстония) (см.: [Занко, 2013: 123–124]).

Современное законодательство Российской Федерации, регулируя надбавки и доплаты дипломатам за особые условия труда за рубежом, гарантирует финансовую поддержку женам и детям в форс-мажорных обстоятельствах, но эти выплаты не связаны с деятельностью женщин в процессе профессионального семейного взаимодействия¹⁹. Заметим, что в других сферах государственной деятельности проблема нашла решение на законодательном уровне²⁰. Сегодня востребованы усилия по правовому укреплению статуса жен дипломатов, который учитывал бы современную ситуацию и закреплял возможности стабильной перспективы.

¹⁷ Woman.ru: Указ. сайт // URL: <https://www.woman.ru/rest/medley8/thread/3867812/5/> (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁸ Обратим внимание, что при увольнении в связи с выездом за рубеж по месту работы мужа до 2001 г. делалась соответствующая запись в трудовой книжке: «Освобождена от занимаемой должности в связи с выездом в загранкомандировку по линии МИД». В настоящее время вносится следующая запись: «Трудовой договор расторгнут по инициативе работника в связи с переводом мужа на работу в другую местность, пункт 3 части 1 статьи 77 Трудового кодекса РФ».

¹⁹ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ: в ред. от 30 апр. 2021 г. «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел РФ».

²⁰ Так, «супругу сенатора Российской Федерации, супругу депутата Государственной Думы, уволенным в связи с переездом сенатора Российской Федерации, депутата Государственной Думы для осуществления ими своих полномочий в соответствующей палате Федерального Собрания Российской Федерации, перерыв в работе засчитывается в общий и непрерывный стаж работы (службы)», при сохранении всех установленных до момента переезда льгот см.: Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ ст. 25 (ред. от 21.12.2021) «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». URL: <https://fzrf.su/zakon/o-statuse-chlena-soveta-federacii-i-deputata-gosdumy-3-fz/st-25.php> (дата обращения: 01.12.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Воевода Е.В., Морозов В.М., Карпов В.В. Женщины-дипломаты в России: к вопросу о гендерном дисбалансе // Женщина в российском обществе. 2014. № 4 (89). С. 24–35. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052.
- Ершова Н.Н., Вепрева Ю.С. Связь профессиональной самореализации и удовлетворенности брачно-семейными отношениями супругов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2019. № 12 (декабрь). С. 141–148. URL: <http://e-koncept.ru/2019/192052.htm> (дата обращения: 01.07.2022).
- Занко Т.А. Правовое положение дипломатических работников: права, государственные гарантии, поощрения // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3(30). С. 121–126.
- Иванова Е.Ю. Профессия дипломата во взглядах акторов современного информационного общества: мифологизация и реальность // Теория и практика общественного развития. 2021. № 11. С. 37–50. DOI: 10.24158/tipor.2021.11.5.
- Майский И.М. Воспоминания советского дипломата (1925–1945 годы). М.: Наука, 1971.
- Попов В.И. Современная дипломатия: Теория и практика: Дипломатия – наука и искусство. М.: Международ. отношения, 2003.
- Сакун О.Ф. Дипломатическое ремесло. М.: Междунар. отношения, 2007.
- Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесл. Т.С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Woman in diplomacy. The FCO 1782–1999. L.: Historical Branch, LRD, 1999.

Статья поступила: 02.08.22. Финальная версия: 19.03.23. Принята к публикации: 12.05.23.

WIVES OF DIPLOMATS: CAREER OPPORTUNITIES IN A SITUATION OF PROFESSIONAL FAMILY INTERACTION

IVANOVA E.Yu.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Elena Yu. IVANOVA, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (ele6248@yandex.ru).

Abstract. The problems of self-determination of diplomats' wives within the framework of professional family interaction are at the center of the study. The factors influencing the status of a diplomat's wife in the conditions of a business trip abroad are highlighted: diplomatic immunity prescribed by international and domestic legislation, the diplomatic rank of the spouse, as well as the social roles, functions and tasks assigned to her within the framework of the norms and rules of diplomatic activity. The restrictions on the professional career of the wives of diplomats, influencing their choice of a particular trajectory of social behavior, are systematized. The study relied on the included unsystematic observation of phenomena in the daily lives of the families of diplomats as a covert participant; content analysis of documents – materials from Internet sites and Internet forums; secondary analysis of sociological and historical research data. Conclusions are drawn about the relevance of the legal strengthening of the status of the wives of diplomats, which would take into account the current situation and consolidate the possibilities of a stable perspective.

Keywords: wife, diplomat, social role, citizen, career, professional group, status, family, social group, forced downtime.

REFERENCES

- Ershova N.N., Vepreva Yu.S. (2019) Connection of professional self-realization and satisfaction with marital and family relations of spouses. *Concept*. No. 12: 141–148. URL: <http://e-koncept.ru/2019/192052.htm> (accessed 01.07.2022). (In Russ.)
- Ivanova E.Yu. (2021) The profession of a diplomat in the views of actors of the modern information society: mythologization and reality. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 11: 37–50. DOI: 10.24158/tipor.2021.11.5. (In Russ.)
- Mayskiy I.M. (1971) *Memoirs of a Soviet diplomat (1925–1945)*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Popov V.I. (2004) *Modern Diplomacy: Theory and Practice: Diplomacy-Science and Art: [Course of lectures]*. Moscow: Mezhdunar. Otnosheniya. (In Russ.)
- Sakun O.F. (2007) *Diplomatic craft*. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. (In Russ.)
- Strauss A., Corbyn J. (2001) *Fundamentals of Qualitative Research: Substantiated Theory, Procedures and Techniques*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
- Voevoda E.V., Morozov V.M., Karpov V.V. (2014) Women diplomats in Russia: on the issue of gender imbalance in: *Zhenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 4 (89): 24–35. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.1.7052. (In Russ.)
- Woman in diplomacy. The FCO 1782–1999* (1999). London: Historical Branch, LRD.
- Zanko T.A. (2013) Legal status of diplomatic workers: rights, state guarantees, encouragement. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. No. 3 (30): 121–126. (In Russ.)

Received: 02.08.22. Final version: 19.03.23 Accepted: 12.05.23.

© 2023 г.

С.Я. СУЩИЙ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА (2000–2020-е гг.)

СУЩИЙ Сергей Яковлевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, ФИЦ Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия (SS7707@mail.ru).

Аннотация. В 1990–2000-е гг. во внешних ориентациях украинского общества опросы фиксировали равновесие двух основных векторов с некоторым перевесом про-российского направления, а в территориальном разрезе была отчетливая поляризация (население западного макрорегиона в значительной степени ориентировалось на Евросоюз и НАТО, востока и юга – на Россию, центра – в обоих направлениях). Последовательно проевропейская ориентация украинской власти и почти всего политического класса, комплексная программа «титулизации» общественной жизни и социокультурного отстранения от России, а также социодемографический фактор (смена поколений) работали на постепенное усиление западного гецивилизационного вектора в общественном сознании населения страны. Катализатором этого процесса стал социально-политический кризис 2013–2014 гг. и последующие события. В середине 2010-х гг. дрейф внешних политико-экономических ориентаций украинского общества в направлении Евросоюза и НАТО заметно ускоряется. Начало СВО становится новым триггером этого системного транзита, фиксируемого всеми опросами 2022–2023 гг. В то же время анализ их результатов позволяет предположить, что, достоверно фиксируя динамические тренды общественного мнения, опросы не выявляли реальные масштабы сдвигов, а по ряду аспектов вообще не давали корректной информации. Опросы, в частности, не в состоянии оценить уровень потенциальной социопсихологической адаптивности региональных социумов Украины, способной проявиться при существенном изменении социальной реальности.

Ключевые слова: украинское общество • социологические опросы • гецивилизационные ориентации населения • макрорегионы Украины

DOI: 10.31857/S013216250026381-2

Постановка исследовательской задачи. Интерес российских социологов к процессам, происходящим в современном украинском обществе, по определению велик. Ведь с середины 2000-х гг. Украина, самое крупное после России по населению и социоэкономическому потенциалу государство постсоветского пространства, неуклонно выдвигалось на позицию наиболее проблемного ее соседа, а после социально-политического кризиса 2013–2014 гг. она окончательно на этой позиции закрепилась.

Это нашло отражение во многих публикациях, касающихся динамики внешних ориентаций постсоветского украинского общества. Так, в работах А.И. Миллера анализируется

Публикация подготовлена в рамках реализации Государственного задания ФИЦ Южного научного центра РАН, проект № 122020100349-6.

влияние исторической памяти на динамику идентичности и геочивилизационные ориентации населения Украины [Миллер, 2008; 2010]. В исследованиях М.В. Масаева и В.Н. Шилова изучаются геополитические предпочтения украинцев в условиях обостряющегося противостояния России и Запада [Масаев, 2011; Шилов, 2014]. Активно анализировались и доминирующие социоментальные установки ведущих национальных групп и макрорегиональных сообществ Украины [Арель, 2008; Сущий, 2015; 2020].

Тем не менее в российском экспертном сообществе и политическом классе (включая его высшие звенья) по-прежнему недостаточно отчетливо представляют доминирующие внешнеполитические ориентации украинского общества, их актуальную динамику, а также структуру в территориальном и социодемографическом разрезе. Как представляется, именно эти лакуны в знании стали одной из основных причин завышенных ожиданий в России (причем даже среди специалистов) поддержки населением Украины – по крайней мере, ее русскоязычных регионов – начавшейся в феврале 2022 г. специальной военной операции (СВО).

Дефицит знания в определенной степени связан с весьма ограниченным использованием российскими специалистами обширного источника информации о постсоветском украинском обществе. Речь об опросах населения украинскими исследовательскими структурами. В 1990-е – начале 2000-х гг. мониторинг социальных процессов осуществляли специалисты Института социологии НАН Украины. С 2000-х активизируется работа ряда других социологических групп и центров – в частности Киевского международного института социологии (далее КМИС), фонда «Демократические инициативы» (далее «ДИ»), центра Разумкова и группы «Рейтинг». Этот социологический материал позволяет не только отследить динамику внешнеполитических предпочтений населения Украины в ее корреляции с основными событиями общественно-политической жизни, но и зафиксировать сдвиги в ориентациях жителей различных макрорегионов, выявить основные причины политической инертности русскоязычного населения юго-востока Украины.

Причины осторожного отношения российских специалистов к материалам украинских социологов вполне понятны. Прежде всего, это – консолидированная с середины 2010-х гг. антироссийская позиция украинской власти и политикума в целом. Социологи не могли с ней не считаться в своей профессиональной деятельности, формируя содержательную повестку анкет и перечень предлагаемых вариантов ответа, фокусируя внимание на отдельных аспектах общественной проблематики или, наоборот, упуская их из виду. Возможности влияния интервьюера на респондента разнообразны и хорошо известны социологам [Schwarz, 1999].

Как и в других профессиональных группах творческой интеллигенции постсоветской Украины, проевропейские ориентации украинских социологов были очевидны, вызывая у российских коллег опасения в возможной исследовательской ангажированности. То, что эти опасения небезосновательны, иллюстрируют сами названия некоторых исследований¹. Наконец, само украинское общество, в условиях возраставшего антироссийского идеологического прессинга, хорошо знало социально «правильные» ответы, что со временем могло начать заметно влиять на результаты опросов.

Сказанное, однако, предполагает не отказ от использования этих «замеров» общественного мнения, но их детальную интерпретацию с учетом обозначенных обстоятельств. Анализируя результаты опросов, выступающих эмпирической базой данного исследования, мы будем далее исходить из презумпции профессионализма и научной честности украинских социологов, т.е. социодемографической и территориальной репрезентативности выборок, а также точности учета ответов респондентов.

¹ Укажем только на два опроса фонда «Демократические инициативы», отчетливо иллюстрирующие его «пронатовскую» ориентацию: «Международный экспертный опрос относительно путей и методов ведения информационно-просветительской кампании “Украина-НАТО”» (8.11.2011); «Украина накануне саммита НАТО в Чикаго: что имеем и на что надеемся!» (17.05.2012).

Период двухвекторного внешнеполитического равновесия украинского общества (середина 1990-х – начало 2010-х гг.). Несмотря на элементы этноцентризма в политике украинских властей с начала 1990-х гг., проблематизировать в общественном сознании украинцев идею системной близости Украины и России не удавалось достаточно долго. На протяжении второй половины 1990-х – первой половины 2000-х гг. опросы фиксировали устойчивую двухвекторную гецивилизационную ориентацию украинского общества – одновременно на РФ и на Европу/Запад. В масштабе всего украинского социума в зависимости от общественно-политической ситуации и динамики внешних взаимодействий мог временно усиливаться один из этих векторов, но в пределах отдельных макро-регионов их доминанта была устойчивой. В начале XXI в. население юга и востока Украины отчетливо ориентировалось на военно-политический и экономический союз с Россией, западного макрорегиона – на интеграцию в евроатлантические структуры, центра страны – в обоих направлениях (рис. 1).

При этом украинское общество демонстрировало высокий уровень гецивилизационной амбивалентности. Около 20% респондентов положительно относились к идее экономического альянса как с Европой, так и с Россией [Социологический мониторинг, 2005]. А в геостратегическом позиционировании 30–40% опрошенных считали наиболее оптимальным вариантом безблоковый статус страны (рис. 2).

Даже после первого Майдана (2004) почти 54% респондентов относились положительно к идее присоединения Украины к союзу России и Беларуси. В то же время мощный «проющенковский» фон президентской избирательной кампании 2004 г. привел к тому, что около 4% опрошенных во время экзитпола в день третьего тура (26 декабря 2004 г.) предпочло скрыть от социологов свою точку зрения². Этот случай наглядно

Рис. 1. Мнения украинцев, следует ли Украине стремиться стать членом НАТО, % респондентов (опрос «ДИ» 20.12.2002)

² Экзитпол, проведенный КМИС, обнаружил перевес В. Ющенко над В. Януковичем в 14,7% (55,3 и 40,6% голосов соответственно), экзитпол «ДИ» – 15,2% (56,5 и 41,3%) (КМИС, ДИ 25.12.2004); в то же время по данным ЦИК Украины расхождение составило только 7,7% (51,8 и 44,1% голосов).

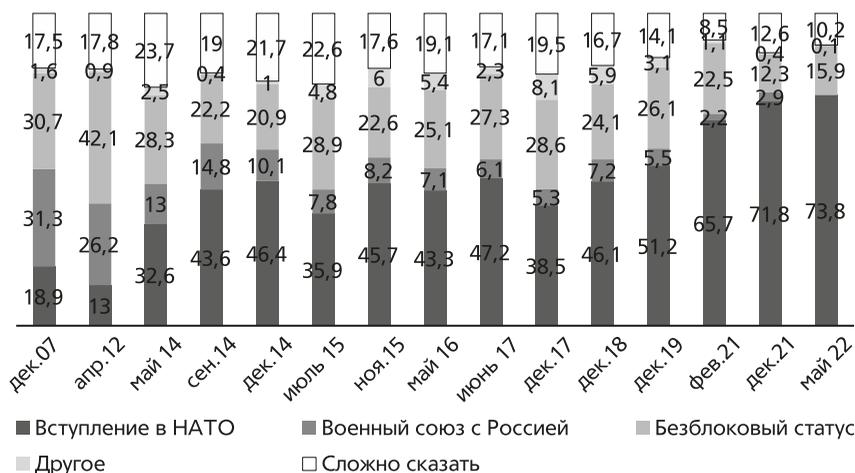

Рис. 2. Мнения украинцев, какой вариант обеспечения безопасности лучше для Украины, % респондентов (опросы «ДИ»)

иллюстрировал возможность заметного снижения репрезентативности опросов в сложной социально-политической ситуации.

Приход во власть прозападной политической команды В. Ющенко в целом почти не сказался на внешнеполитических ориентациях украинского общества. Несмотря на целенаправленную работу власти по системному разведению Украины и России (включая резкую актуализацию темы Голодомора как якобы геноцида украинского народа), опросы фиксировали некоторый перевес населения, считавшего приоритетным восточный вектор во внешней политике и социально-экономических связях. Украина оставалась очевидным гецивилизационным лимитрофом – пространством социокультурного и идеологического взаимодействия и соперничества Европы/Запада и «русского мира».

Высокий уровень поляризации коллективных представлений украинцев по-прежнему имел отчетливо выраженную пространственную специфику. Однако доминировавшее долгое время в российском экспертном сообществе представление о «двух Украинах» и определение юго-востока страны как цельного пророссийского макрорегиона серьезно упрощало реальность. Анализ, совмещающий ряд показателей (удельное соотношение русских и украинцев, русско- и украиноязычного населения, электоральные предпочтения, внешнеполитические ориентации), позволял выделить в составе юго-востока ряд субрегионов, из которых отчетливо россиецентричным был только Крым (рис. 3). Но это не отменяет вывода о сохранении на протяжении 1990–2000-х гг. почти «равновесной» гецивилизационной раздвоенности Украины.

В то же время латентная динамика украинского общества и внешнеполитическая обстановка работали на постепенное усиление западного вектора. Значимую роль в этом играл социодемографический фактор. С середины 2000-х гг. во взрослую жизнь начала массово вступать генерация, выросшая в независимой Украине, социализированная по школьной программе, культивировавшей идею ценности украинской государственности, делавшей упор на кардинальных историко-культурных различиях Украины и России. Подспудно вызревавшие в общественном сознании гецивилизационные подвиги являлись одним из результатов естественной смены поколений. В этой связи показательна возрастная структура сторонников пророссийского Таможенного союза и ЕЭС в начале 2010-х гг. (рис. 4).

Сказывалась и постепенно нарастающая эскалация геостратегической напряженности между Россией и «коллективным Западом». Если до середины 2000-х гг. российское и украинское общество, при заметных различиях в своей внешней и внутренней

Рис. 3. Этносоциополитические ориентации региональных социумов «русского» пояса Украины (2000-е – начало 2010-х гг.)

политике, в целом демонстрировали общий дрейф-вестернизацию, то к концу «нулевых» системные векторы развития двух стран становятся разнонаправленными. Украина продолжает ориентироваться на Европу, тогда как Россия, взяв курс на политическую субъектность, оказывается в более растущей конфронтации с Западом.

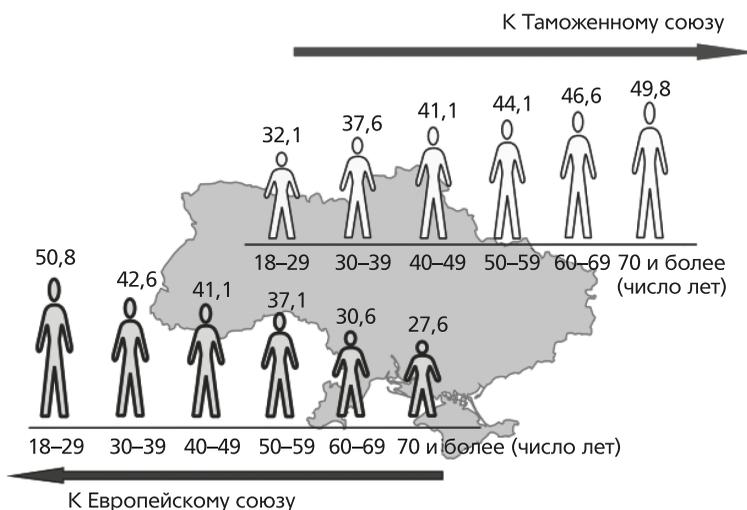
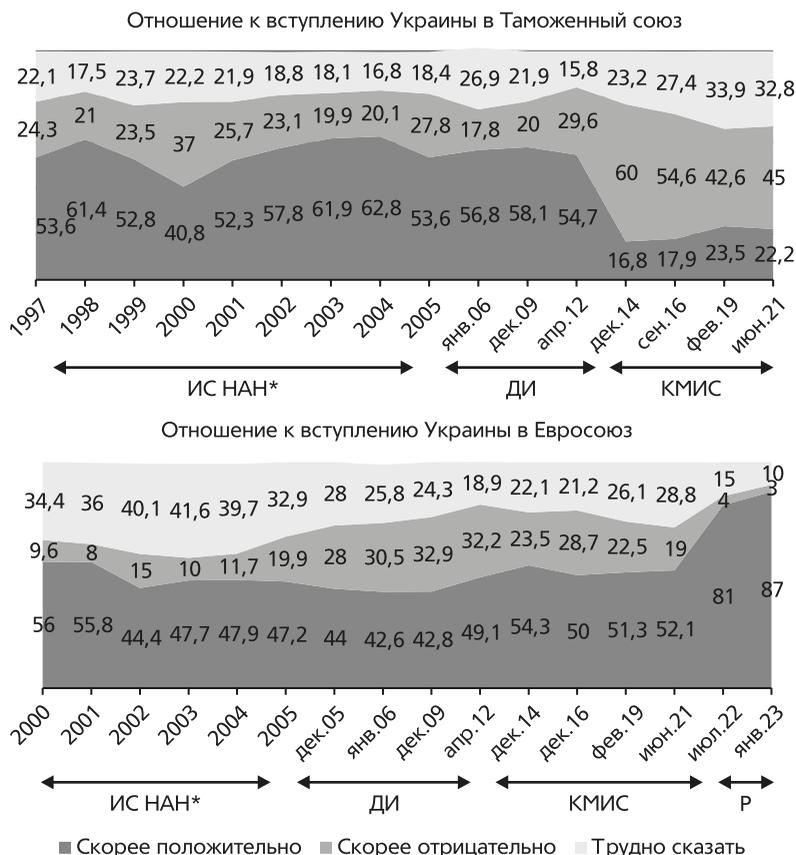

Рис. 4. Геоэкономические ориентации населения Украины разных возрастных групп, % от числа респондентов данного возраста (КМИС, 26.11.2013)

Рис. 5. Геоэкономические ориентации населения Украины, 2000–2023 гг., % респондентов

Примечания. ИС НАН – Институт социологии НАН Украины; ДИ – фонд «Демократические инициативы»; КМИС – Киевский международный институт социологии. *Для 1997–2005 гг. – присоединение к союзу России и Беларуси.

Таким образом, начало 2010-х гг. завершало длительный период равновесия двух векторов, в перспективе 5–10 лет западный дрейф украинского общества должен был стать очевидным. Данный процесс оказался ускорен социально-политическим кризисом, одним из триггеров которого стала непоследовательная политика руководства страны, более двух лет декларировавшего заключение соглашения об ассоциации с ЕЭС, а перед этим событием (Вильнюсский саммит 28 ноября 2013 г.) решившего отодвинуть соглашение на более поздний срок. Осенью 2013 г. доля сторонников евроинтеграции в украинском обществе, впервые за период опросов, превысила долю респондентов, ориентированных на Россию и ее наднациональные структуры. По мере нарастания кризисных явлений в украинском обществе этот разрыв быстро рос, поскольку обвиняемый в коррупции и неэффективный президент В. Янукович ассоциировался именно с Россией. Тем не менее он продолжал оставаться легитимным руководителем страны. Насильственное отстранение его от власти оппозицией (февраль 2014 г.) стало государственным переворотом не только с формально-правовой стороны, но трактовалось как свержение законной власти значительной частью населения юго-востока Украины. События на Майдане оценивали как «вооруженный переворот, организованный оппозицией с помощью Запада», 70,5% опрошенных

в Донецкой области, 61,3% в Луганской, 42,6% в Харьковской, 37–38,3% в Запорожской и Одесской областях [КМИС, 20.04.2014].

Этап доминирования западного вектора (2014–2021 гг.). Асимметричный ответ России (крымский референдум и включение полуострова в состав Российской Федерации) запустил комплекс разнонаправленных процессов. Потеря Крыма, мощное сепаратистское движение на Донбассе и фактический уход возникших народных республик из украинского социально-политического пространства сократили не только демографический, но и общий «россиецентричный» потенциал всей Украины и ее юго-востока. Уже к лету 2014 г. новой украинской власти удалось полностью подавить в макрорегионе (кроме территорий народных республик) протестное движение, репрессировав основную массу активистов «Русской весны».

Установить точные масштабы репрессий на юго-востоке едва ли возможно: достоверная статистика задержанных и пропавших без вести отсутствует. Даже по фрагментарным данным очевидно, что счет в каждом из крупных центров протеста весной 2014 г. шел на многие десятки³. По всему юго-востоку Украины число репрессированных за 2014 г. могло достигнуть нескольких тысяч человек – величина достаточная, чтобы полностью обезглавить пророссийское движение. Сильнейшим потрясением для русскоцентричной Украины стала гибель десятков активистов в Одессе 2 мая 2014 г. А картины разрушенного Донбасса с лета 2014 г. сами по себе являлись самым веским аргументом против любой пророссийской активности. Судьбы повстанческого региона не хотело себе ни одно другое территориальное сообщество русскоязычной Украины.

Очевидная пассивность России, фактически оставившей наиболее преданную ей социополитическую группу один на один с силовым механизмом этноцентричного киевского режима, стала отчетливым сигналом для всего населения русскоязычных регионов о безальтернативности развития их территорий в составе Украины. Набор жизненных стратегий для русскоцентричного населения теперь ограничился тремя вариантами – выездом в Россию, глубокой маскировкой и адаптацией к доминирующей национально-государственной идеологии.

С другой стороны, потеря части государственной территории и успешный сепаратизм Донбасса, за которым абсолютное большинство жителей центра и запада страны видели «руку Москвы», становятся мощным консолидирующим фактором украинского общества. Доля сторонников вхождения в Таможенный союз с февраля по май 2014 г. сократилась на Украине с 37,3% до 27,1% [КМИС, 30.05.2014] и в последующие годы колебалась в диапазоне 17–23%, тогда как население, ориентированное на Евросоюз, составляло 50–55%. Рост прозападных настроений стимулировался превращением Европы в основного торгового-экономического партнера Украины, а также переориентацией заметной части украинских трудовых мигрантов с России на Европу⁴. К концу 2010-х гг. по общему их числу Евросоюз уже заметно превосходил РФ, что не могло не сказываться на внешнеполитических предпочтениях украинского общества.

Тем не менее на востоке страны даже после более чем двукратного сокращения в 2014–2015 гг. сторонники экономического союза с Россией по-прежнему были в большинстве, тогда как в центре перевес евроцентричного населения стал многократным, а на западе Украины – подавляющим. В очевидном меньшинстве в середине и второй половине 2010-х гг. оставались в юго-восточных регионах и сторонники вступления страны в НАТО (рис. 6). Таким образом, при общем прозападном смещении геодивизионная поляризация населения различных макрорегионов оставалась значительной.

Можно предположить, что фиксируемый опросами 2014–2015 гг. резкий прозападный сдвиг украинского общества определялся не только реальной трансформацией его коллективных представлений, но и возросшим масштабом социальной мимикрии респондентов,

³ Хроника украинского кризиса. URL: <http://ukrainian-crisis.info/protest-na-yugo-vostoке/razvitie-sobytij/page/12/>

⁴ У данного процесса было много причин, в т.ч. целенаправленная работа украинских властей, все более затруднявших выезд в Россию, а также ощущаемое замедление в 2010-е гг. темпов роста российской экономики и появление в 2017 г. возможности трехмесячного безвизового пребывания в Евросоюзе.

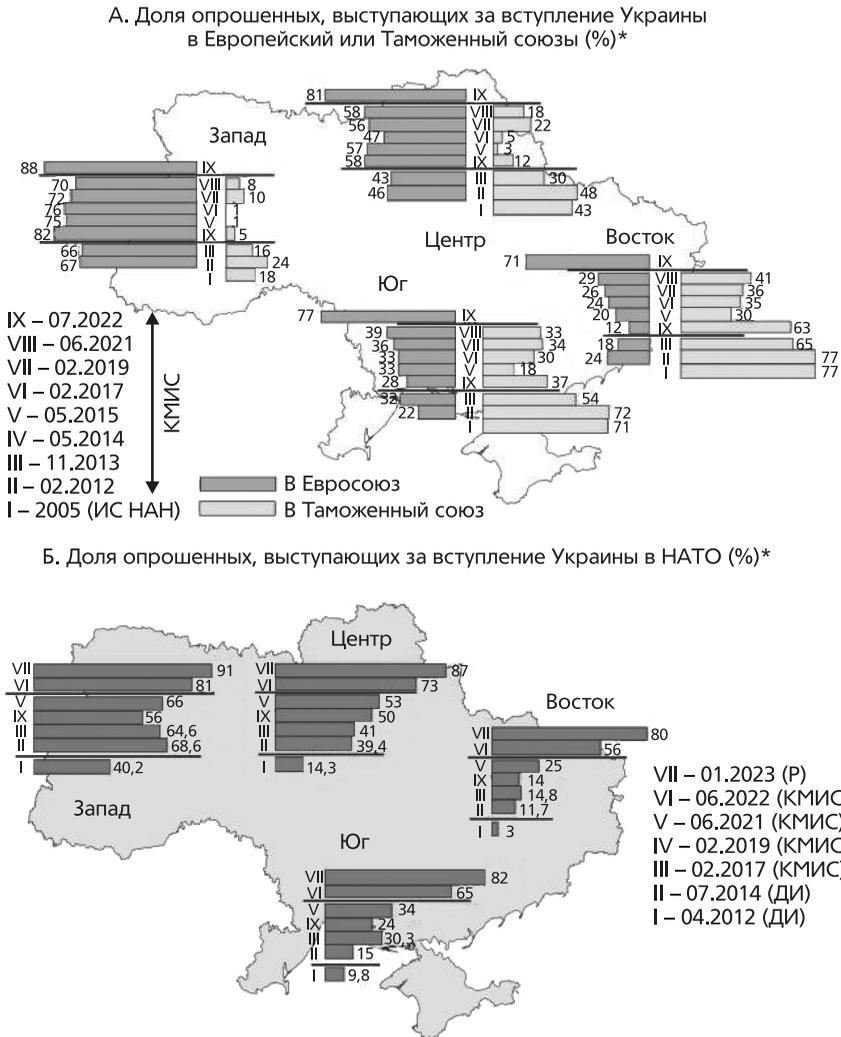

Рис. 6. Динамика внешних ориентаций украинского общества в макрорегиональном разрезе, % респондентов

Примечания. Контур Украины дан в границах на начало периода мониторинга. ИС НАН – Институт социологии НАН Украины; ДИ – фонд «Демократические инициативы»; КМИС – Киевский международный институт социологии; P – группа «Рейтинг». *Опросы по югу с 2014 г. без Крыма, с 2022 г. без северного Приазовья; по востоку с 2014 г. без народных республик Донбасса.

рост которой в социально-политических реалиях Украины того времени был неизбежен. Некоторое возвратное смещение соотношения двух геочивилизационных ориентиров в конце 2010-х гг. (начало президентского срока В. Зеленского) отчасти могло быть связано именно с «выходом из тени» ранее маскировавшихся сторонников комплексного союза с Россией⁵. Но в целом феномен социальной маскировки в данный период едва ли мог заметно отражаться на репрезентативности опросов. Другое дело, что последние были не

⁵ В то же время более значимую роль в данном процессе, вероятно, играла известная стабилизация ситуации на Донбассе и в российско-украинских отношениях в целом, а также очевидная пробуксовка евроинтеграционного проекта Украины.

всегда в состоянии фиксировать некоторые латентные составляющие коллективных представлений если не всего населения Украины, то отдельных его региональных сообществ.

Иллюстрацией могут служить опросы населения Крымской автономии в 2013 – начале 2014 г. Так, в феврале-марте 2013 г. за государственное объединение России и Украины выступало 18,3% респондентов-крымчан, к концу года их доля выросла до 35,9%, а в феврале 2014 г. – до 41,0% [КМИС, 02.2014]. Логично предположить, при наличии в анкете вопроса о возможном переходе Крыма в состав России доля респондентов, положительно оценивавших такую перспективу, была бы сопоставима с обозначенными цифрами. Между тем на референдуме, проведенном в середине марта 2014 г., за включение Крыма в состав Российской Федерации проголосовало более 90% крымчан⁶.

Нет сомнений, что доля потенциальных сторонников российского статуса полуострова среди его населения на всем протяжении развития Крыма в составе постсоветской Украины оставалась высокой. Однако значительная часть крымчан вплоть до появления «вежливых людей» подобную возможность считала утопией. Только кардинальное изменение социальной реальности выявило их коллективные ориентации. Можно предположить и то, что у большей части местного населения пророссийские ориентации до весны 2014 г. не скрывались, а просто отсутствовали. Однако неожиданно возникшая возможность масштабного социального сдвига заставила оценить его перспективы и соответствующим образом дополнить/скорректировать свои внешнеполитические приоритеты.

Сказанное имеет непосредственное отношение к ситуации на Украине после начала СВО.

СВО и динамика политических ориентаций украинского общества (2022 – начало 2023 г.). Опросы, проводимые социологами Украины после 24 февраля 2022 г., неизменно обнаруживают максимальный уровень консолидации общества вокруг идеи украинской государственности, пиковый рост антироссийских настроений, совмещенный со столь же стремительным подъемом гецивилизационных ориентаций на Европу и Запад в целом. В июне 2022 г. доля сторонников евроинтеграции составляла по всей Украине более 80% (годом ранее – лишь 52%). Показатели разных макрорегионов страны существенно сблизились, прежде всего, за счет значительного роста ориентированных на Европу респондентов на юге и востоке. Значительно выросла доля населения, выступающего за членство Украины в НАТО (в начале 2023 г. хотело бы этого 86% респондентов против 48% летом 2021 г.) (рис. 7), при незначительной вариативности этого показателя по макрорегионам.

Реальный характер данных трендов общественного сознания в условиях активного вооруженного конфликта не вызывает сомнения. Но действительные их масштабы требуют дополнительного анализа – как и некоторые другие фиксируемые опросами особенности коллективной психологии украинского общества. В частности, кажется странным крайне высокий уровень его оптимизма с первых дней проведения СВО, когда динамика конфликта была абсолютно неопределенной. В частности, с 16–17 до 28 февраля 2022 г. доля абсолютно уверенных в способности Украины успешно противостоять России в вооруженном конфликте выросла с 28% до 67% [Рейтинг..., 27.02.2022]. Значимую роль в этом росте могло играть эффективное манипулирование общественным мнением – создание государственной пропагандой картины успешных действий ВСУ, хотя федеральная группировка в это время находилась в окрестностях Киева и Харькова⁷. Можно также предположить, что подобным образом проявился известный «иррационализм» украинского общества – фиксируемая с середины 2000-х гг., но существенно выросшая с начала СВО способность заметной части населения подменять возможные в существующих условиях сценарии социальной динамики психологически комфортным (*желаемым*) вариантом развития событий, приоритет в общественном сознании эмоциональной компоненты над логико-рациональной.

⁶ Показательно, что даже принципиальные оппоненты Москвы, уличая ее в подтасовках, уверенную победу сторонников государственного транзита Крыма (65–70%) не ставили под сомнение.

⁷ Очевидным образом противоречили фиксируемой опросами абсолютной уверенности украинского общества в военной победе и масштабы паники, выразившиеся в пиковом всплеске миграционной активности (в течение первых недель после начала СВО Украину покинуло несколько миллионов человек).

Рис. 7. Динамика отношения украинцев ко вступлению Украины в НАТО, 2000–2023 гг., % респондентов

Примечания. Контур Украины дан в границах на начало периода мониторинга. ИС НАН – Институт социологии НАН Украины; ДИ – фонд «Демократические инициативы»; КМИС – Киевский международный институт социологии; Р – группа «Рейтинг».

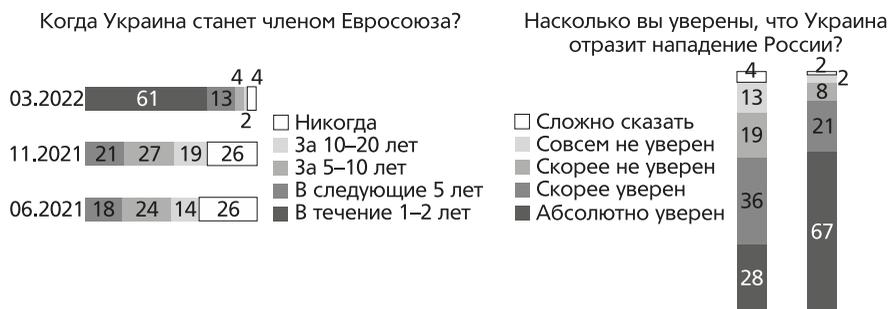
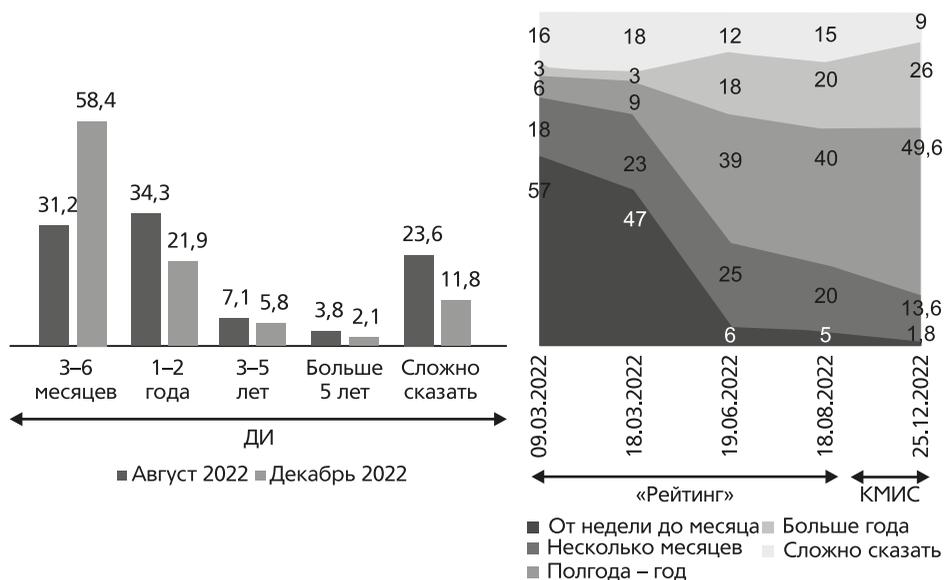

Рис. 8. Рост коллективного оптимизма украинского общества в феврале-марте 2022 г., % респондентов (опросы группы «Рейтинг»)

Максимально отчетливо данная особенность проявилась в ответе респондентов на вопрос о перспективах и возможных сроках вступления Украины в Евросоюз. Если в ноябре 2021 г. почти 50% опрошенных предполагало, что для этого потребуются 3–10 лет, а более 25% было убеждено, что этого не произойдет никогда, то в марте 2022 г. больше 60% респондентов уже было даже уверено, что вступление Украины состоится в течение 1–2 лет (рис. 8).

Алогичность общественного сознания обнаруживалась в сохраняющейся уверенности значительной доли опрошенных в краткосрочности вооруженного конфликта (рис. 9) и его абсолютно благоприятном для Украины исходе. Согласно разным опросам, 2/3–3/4 респондентов на всем протяжении конфликта считали, что страна сможет вернуться к границам 2013 г.⁸

⁸ А согласно опросу «ДИ» 22% респондентов в конце 2022 г. считало, что возможно даже добиться полного военного поражения России и последующего ее распада [ДИ, 12.2022].

Рис. 9. Мнения украинцев, сколько времени потребуется Украине для победы над Россией, % респондентов

Весомой причиной завышенного оптимизма в оценке возможных итогов конфликта, реального социально-экономического положения Украины и ее дальнейших системных перспектив, возможно, являлось и то, что значительная часть респондентов после 24 февраля 2022 г. стала воспринимать опросы как коллективное публичное действие, призванное консолидировать социум. Но если, отвечая на вопросы, респонденты считали необходимым не выдавать своих личных сомнений и страхов, а «излучать» уверенность, то возникает вопрос: насколько социальное репрезентативен такой внешний коллективный оптимизм? в какой степени он коррелирует с «внутренним» общественным мнением?

Например, в первой половине февраля 2022 г. только 25% опрошенных считало, что Украина в целом развивается в правильном направлении, а в марте – уже 76%. В последующие месяцы этот показатель сохранялся на столь же высоком уровне, превысив к концу года 80% [Рейтинг, 20–21.11.2022]. Очевидно, что данный ответ не имеет отношения к оценке обществом реальной динамики национальной экономики или социальной сферы, эффективности работы управленческой вертикали или уровне ее коррупционности, но скорее демонстрирует желание публично поддержать власть.

Нельзя забывать и о наличии «маскировочных» ответов, когда опрошенные предпочитали слиться с хорошо известным им мнением большинства. Ранее в моменты обострения социально-политической ситуации на Украине (конец 2004 г., весна-лето 2014 г.) уровень искренности ответов респондентов снижался. В 2022 г. в условиях резкой активизации украинских спецслужб доля опрошенных, опасаящихся продемонстрировать политическую нелояльность, должен был существенно возрасти. По крайней мере один из украинских центров (КМИС) в 2022 г. зафиксировал наличие данной проблемы и через косвенную деперсонализацию ответов респондентов (метод «воображаемого знакомого») однократно попытался определить их истинные взгляды, придя к выводу, что ответы были честными [КМИС, 06.2022]. Но едва ли разовый эксперимент можно считать достаточным. К тому же основная масса имевших точку зрения, отличную от большинства, могла просто отказываться от участия в опросах⁹.

⁹ В этом плане эвристически ценным было бы иметь информацию о частоте отказов – о соотношении опрошенных и «отказников» в опросах, проводившихся до и после 24 февраля 2022 года.

Существенно, что все перечисленные факторы, снижавшие репрезентативность опросов, смещали результаты в одном направлении, т.е. не компенсировали, а увеличивали возникающие погрешности. Это серьезно повышало вероятность заметного итогового расхождения между результатами и реальными коллективными представлениями общества. Не имея возможности детализированного анализа масштабов и специфики этого зазора, есть основания полагать, что после начала СВО он ощутимо вырос и в целом, и в территориальном разрезе.

Самостоятельной проблемой становится и оценка возможных латентных сдвигов общественного мнения, обусловленных масштабной трансформацией самой социальной реальности. Напомним о быстром смещении коллективных представлений населения Крыма в 2013 – начале 2014 г. Интересен в этом отношении анализ опросов 2010-х гг. в регионах северного Приазовья и их сопоставления с поведением местного населения в 2022 г.

Как отмечалось, в 2014 г. Россия позволила украинским властям репрессировать актив пророссийского движения юго-востока страны. Многолетний системный минимализм российской поддержки восточного Донбасса сумел убедить население русскоязычных регионов в безальтернативности полной социопсихологической и идеологической адаптации к реалиям антироссийской Украины. Начало СВО, а затем включение Донбасса и северного Приазовья в состав РФ эту системную альтернативу вращению в Украину вновь актуализировали, создав условия для реанимации гецивилизационной и мировоззренческой лимитрофности («сдвоенности»), отличавших население юго-востока в 1990–2000-е гг. Но к началу 2020-х гг. его пророссийский социально-политический потенциал был сведен к минимуму.

К херсонскому региональному социуму данный вывод относится в первую очередь. Согласно опросу в апреле 2014 г. (пик «Русской весны»), население Херсонской области (наряду с Николаевской и Днепропетровской) являлось наиболее украиноцентричным и проевропейски настроенным в пределах всей русскоязычной Украины. Только 3,5% опрошенных ее жителей хотели бы присоединения области к России, а отрицательно к данному сценарию отнеслось 84,6% респондентов [КМИС, 04.2014]. Жесткая зачистка активных сторонников «русского мира» должна была сократить группу россияцентричного населения области практически до нуля. В конце 2010-х гг. именно в Херсонской области фиксировались максимальные для юго-востока доли сторонников Евросоюза и респондентов, считавших Россию страной-агрессором (соответственно 40 и 54%) [Рейтинг, 12.2018]. Таким образом, согласно опросам общая база социальной поддержки российской власти в Херсонской области после ее перехода под контроль федеральной группировки должна была быть минимальной. Новым администрациям не приходилось рассчитывать на какую-либо поддержку со стороны региональных социумов, но с гораздо большей вероятностью следовало ожидать с их стороны разнообразного активного сопротивления. Однако социальная динамика области удивила крайне вялым антироссийским протестным движением, единичным числом митингов, их общей малочисленностью, хотя силовые действия в отношении протестующих не применялись. Ограниченными были и масштабы оттока регионального населения весной-летом 2022 г. на территорию Украины, подконтрольную Киеву.

Можно было бы предположить, что основная масса местных жителей оставалась на месте в ожидании прихода ВСУ. Но этому предположению противоречит массовый выезд населения из правобережных районов, оставляемых федеральной группировкой (октябрь-ноябрь 2022 г.) По официальным данным, масштабы этого движения составили 115 тыс. человек, а по оценке губернатора области В. Сальдо – до 150 тыс. Даже если ориентироваться на первую цифру, около трети населения херсонского правобережья осенью 2022 г. покинули территории, в дальнейшем занятые ВСУ. Масштабы движения, как минимум, не уступали предшествующему оттоку на Украину (напомним, речь идет о наиболее украиноцентричном регионе юго-востока).

Аналогичной в 2022 – начале 2023 г. была социальная динамика Запорожья, второго региона северного Приазовья. Должны удивлять не ограниченные масштабы последовательного пророссийского населения (после 30 лет его прямого и косвенного прессинга), а то, что

убежденные сторонники украинской государственности и западного геодивизионального курса составляли в этом региональном социуме явное меньшинство¹⁰.

Итак, социальная динамика северного Приазовья в 2022 г. указывала на готовность заметной части местного населения адаптироваться к новой реальности, включавшей кардинально иную государственную идеологию и систему геодивизиональных ориентиров. Едва ли здесь корректно говорить о стокгольмском синдроме, на который любят ссылаться украинские и западные эксперты, интерпретируя данные явления и процессы. А если же о нем говорить, то это надо делать в куда более широком системном формате, анализируя социально-политическую динамику всего юго-востока Украины и на протяжении всего постсоветского периода.

В аналитике 2000-х – начала 2010-х гг. общим местом являлась констатация отчетливого контраста – политической субъектности европоцентричного запада и центра страны и явной общественно-политической апатичности ее русскоязычного пояса. Перечислялось множество возможных причин этого явления, среди которых терялась, быть может, главная: жесткая ориентация украинского государства (при всех властных генерациях) на свои украиноцентричные регионы и проевропейские группы населения. Русскоязычное население юго-востока, глубоко укорененное в русской социокультурной традиции и массовый носитель советской надэтнической социоментальной матрицы, становится основным объектом этноцентричных конструктивистских практик украинской власти, интенсивность усилий которых возрастала с каждым десятилетием¹¹.

Данное обстоятельство (имеющее отношение к стокгольмскому синдрому никак не меньше, чем социальная реальность северного Приазовья в 2022 г.) хорошо объясняет, почему радикализм западноукраинских активистов, успешно навязывавших свою позицию всему обществу, не оборачивался открытым сопротивлением демографически и экономически мощного юго-востока страны; почему последний на протяжении постсоветского периода предпочитал не вступать в активную борьбу за свои этнополитические и социокультурные права. Безнадёжность такой борьбы (фактически против государства) была ему очевидна. Значительная часть последовательно россияцентричного населения покинула Украину уже в 1990-е годы. А протестный подъем весны 2014 г., когда все еще многочисленное пророссийское множество юго-востока поверило, что за его спиной Россия («свое государство»), закончился жесткой зачисткой этой социально-политической группы. Это существенно ускорило с середины 2010-х гг. процесс социопсихологической адаптации русскоязычного пояса к реалиям постмайданной Украины (в т.ч. к быстро нараставшей антироссийской составляющей). Население юго-востока отчасти усваивало навязываемую ему идеологию и мировоззренческую парадигму, отчасти маскировалось под сложившийся в украинском обществе идеологический мейнстрим. Поэтому во время опросов заметная его часть в последние годы могла вполне искренне отдавать предпочтение евроинтеграции Украины или даже ее вступлению в НАТО. Но в северном Приазовье это же самое население в 2022 г., после кардинального изменения социальной действительности, начало достаточно быстро и массово адаптироваться к новым социально-политическим, экономическим и социокультурным реалиям. Таким образом, затяжной интенсивный геодивизиональный конструктивизм властей не сумел превратить демографическое большинство приазовских регионов в устойчивых сторонников украинской государственности и прозападного курса страны.

---

¹⁰ Особенно после того как наиболее украиноцентричная «фракция» (порядка 10–20% местного населения) покинула территории, контролируемые Россией.

¹¹ При этом на протяжении всего постсоветского периода одно и то же протестное действие – например, в Луцке и Донецке – киевской властью трактовалось абсолютно по-разному: в Луцке – законный народный протест («власть додела»); в Донецке – мятеж, прямой повод для организации уголовного дела и жесткой остротки «бунтовщикам». Показательно, как доживавшая в феврале 2014 г. последние недели властная вертикаль «пророссийского» В. Януковича безропотно сносила массовый захват административных зданий на западе страны, при этом предельно жестко реагируя на аналогичные разовые действия населения юго-востока (они классифицировались как терроризм).

Основная причина сохранившейся мировоззренческой и социоментальной пластичности данной наиболее обширной группы местного населения (в первом приближении она может заключать 40–50% жителей северного Приазовья), очевидно, заключается в ее глубокой этнополитической индифферентности, плотной концентрации на своих жизнедеятельных практиках. Возможность полноценного удовлетворения комплекса личных и семейных потребностей у данного населения занимает центр их интересов, сдвигая на периферию проблематику, связанную с мировоззренческими установками или выбором национально-государственной идеологии. Заметим, что проведенные на рубеже 2020-х гг. группой «Рейтинг» опросы населения всех регионов Украины в обихе проблем, наиболее актуальных для респондентов, неизменно обнаруживали полное доминирование социально-экономической повестки (рост тарифов на коммунальные услуги, низкий уровень зарплат и пенсий, повышение цен на основные товары, безработица, коррупция) [Рейтинг. Портреты регионов, 2018].

Но если жители западного макрорегиона (в значительной степени и центра) увязывали успешное решение данных проблем с геодивизиационным выбором Украины и ее европейским курсом (одна из отличительных черт последовательных украинских «государственников»), то население юго-востока в гораздо меньшей степени было склонно верить в наличие смычки между внешнеполитическим выбором страны и социально-экономическим подъемом (в т.ч. ростом своего личного/семейного благосостояния). Показательно, что именно в регионах юго-востока значительная часть респондентов (30–45%) на рубеже 2010–2020-х гг. считала наиболее оптимальным вариантом развития Украины пребывание вне обоих международных экономических союзов. С учетом затруднившихся с ответом данное множество составляло 50–60% опрошенных (рис. 10). Это указывало как на сохраняющуюся геодивизиационную сдвоенность коллективного сознания населения юго-востока, так и на второстепенный характер для него навязываемой властью системной альтернативы «Европа – Россия».

Облегчала процесс системной адаптации северного Приазовья к новой социальной реальности с начала 2022 г. и повышенная доля русского и смешанного населения, характерная для всего юго-востока. В середине 2010-х гг. русские и русско-украинские биэтнофоры составляли порядка 55–57% жителей данного макрорегиона, тогда как на западе и в центре страны – только около 9% [Суций, 2020]. Иными словами, адаптация не требовала значительных усилий ни в культурно-языковом, ни в психоментальном аспектах, ни в социально-экономическом плане¹². Повторимся, речь идет не о россиецентричности этой наиболее обширной группы населения северного Приазовья, а о ее повышенной внутренней пластичности, облегченности мировоззренческой и социоментальной трансформации после перехода данной территории под контроль федеральной группировки и последующего ее включения в состав России.

Начало СВО, фактически означавшее, что Россия серьезно включилась в борьбу с Украиной за ее русскоязычный пояс, в той или иной степени могло актуализировать социопсихологическую пластичность и геодивизиационную неопределенность (лимитрофность) и во всех остальных регионах юго-востока. Есть основания полагать, что в Одесской, Николаевской и Харьковской областях доля такого же высокоадаптивного населения, потенциально способного встроиться как в современный украинский, так и российский государственный проект (несмотря на их противоположные геодивизиационные векторы), не меньше, чем в Приазовье.

Речь, однако, идет исключительно о социопсихологической *потенции*, способной проявиться только при кардинальном изменении социальной реальности, но практически не различимой при сохранении ее текущего варианта. Выявить или как-то ее измерить не в состоянии ни один внешний «замер» коллективных представлений населения. Поэтому есть серьезные основания полагать, что фиксируемый опросами 2022–2023 гг.

---

¹² После 30 лет отдельного существования по-прежнему сближенными оставались как формы организации управленческих структур Украины и России, так и особенности функционирования основных сфер социальной жизнедеятельности.

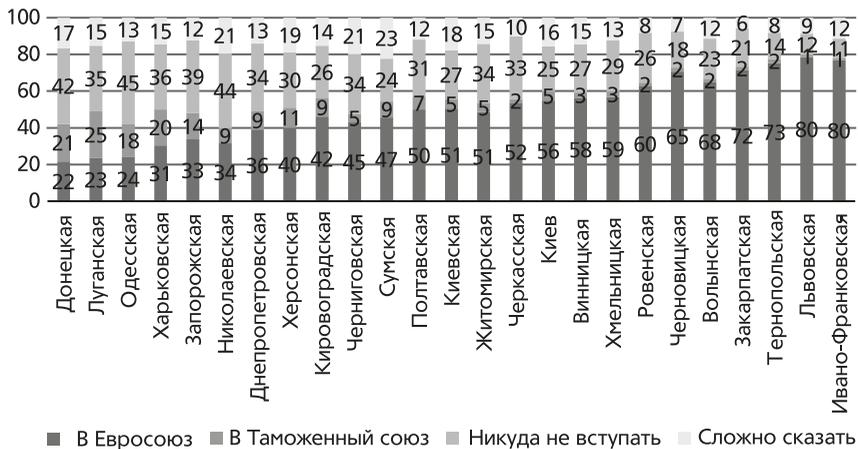

Рис. 10. Мнения, в какой союз вступить Украине, 2018 г., % респондентов

Примечание. Составлено по: [Рейтинг. Портреты регионов. 2018].

сближенный показатель гецивилизационных ориентаций жителей различных макрорегионов Украины (ставший результатом скачкообразного роста сторонников западного выбора страны среди респондентов юго-востока) не отражает серьезных внутренних различий коллективных представлений, тем более – способности русскоязычных региональных социумов к глубокой внутренней трансформации в случае изменения социальной реальности. Очевидно только, что эта потенциальная социопсихологическая пластичность населения разительно ниже в центре Украины, тем более, на ее западе, подавляющая часть жителей которого относится к последовательным сторонникам существующей национально-государственной парадигмы и европейского вектора развития страны.

Выводы. На протяжении 1990–2000-х гг. социологический мониторинг обнаруживал примерное равновесие двух гецивилизационных векторов украинского общества с общим небольшим перевесом пророссийского направления и отчетливой территориальной поляризацией (запад Украины ориентировался преимущественно на Евросоюз и НАТО, восток и юг – на Россию). Но комплекс факторов работал на постепенное усиление западного вектора: прежде всего – прозападный курс украинской власти, последовательно реализовавшей комплексную программу титулизации общественной жизни страны и ее социокультурного отстранения от России, а также появление обширного постсоветского поколения, прошедшего социализацию в условиях нарастающего системного отчуждения Украины и России.

Катализатором усиления западного тренда стали социально-политический кризис 2013–2014 гг. и его последствия. Выход из состава страны Крыма (фактически – и восточного Донбасса), значительно сократив демографический и социально-политический потенциал русскоцентричной Украины, способствовал консолидации украинского общества на антироссийской платформе. Усиливали западный вектор и торгово-экономическая переориентация Украины с РФ на Евросоюз, превращение Европы в основное направление трудовой миграции украинцев. Но на юго-востоке Украины сторонники экономического союза с Россией и противники вступления в НАТО по-прежнему были в большинстве, так что гецивилизационная поляризация макрорегионов оставалась значительной.

Начало СВО стало новым триггером западного дрейфа украинского общества. Опросы 2022–2023 гг. фиксируют масштабный подъем гражданского патриотизма и рост проевропейских настроений. Анализ результатов данных опросов позволяет предположить, что они, хотя и достоверно фиксировали тренды общественного сознания, однако не могли выявить их реальных масштабов, а по ряду значимых аспектов вообще не давали

корректной информации. Можно также констатировать, что с 2022 г. опросы, сократив свою ценность как достоверные источники информации о динамике общественного мнения украинцев, ощутимо нарастили пропагандистский функционал. Фиксируемое ими резкое сближение внешнеполитических ориентаций населения всех макрорегионов Украины может не означать аналогичного сокращения различий коллективных представлений. К тому же опросы не в состоянии выявить реальный уровень геодивизиональной пластичности и потенциальной системной адаптивности региональных сообществ юго-востока в случае кардинального изменения их социальной реальности.

Дальнейшая эволюция внешнеполитических ориентаций населения русскоязычного пояса Украины будет в определяющей степени зависеть от динамики СВО и ее итогов. Можно прогнозировать, что территориальные сообщества юго-востока, оставшиеся на Украине, власть которой сохранит преемственность с современным режимом, с большой вероятностью будут окончательно социопсихологически интегрированы в украинский социум, консолидированный на антироссийской платформе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арель Д. Украина выбирает Запад, но без Востока // Pro et Contra. 2005. Т. 9. № 1 (28). С. 39–51. «Демократические инициативы». Опросы. URL: <https://dif.org.ua/category/opinion-polls> (дата обращения: 12.02.2023).
- Киевский международный институт социологии. Пресс-релизы и отчеты. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports> (дата обращения: 11.02.2023).
- Масаев М.В. Геополитическое будущее Украины. Выбор Украины в цивилизационных координатах: «талассократия» – «теллутократия» // Ученые записки Таврического национального университета. Сер. «География». Т. 24 (63). 2011. № 2. Ч. 1. С. 99–104.
- Миллер А.И. Прошлое и историческая память как факторы формирования дуализма идентичностей в современной Украине // Политическая наука. 2008. № 1. С. 83–100.
- Миллер А.И. Политика строительства нации – государства на Украине // Политическая наука. 2010. № 1. С. 76–99.
- «Рейтинг». Исследования. URL: <https://ratinggroup.ua/ru/research/> (дата обращения: 12.03.2023).
- Социологический мониторинг. Украинское общество 1994–2005: год перелома. Киев, 2005. URL: https://socioline.ru/_seminar/library/misc/panina_vvedenie.php (дата обращения: 28.02.2023).
- Суций С.Я. Русский мир Украины. Реалии и перспективы постсоветского периода // Свободная мысль. 2020. № 5. С. 137–160.
- Суций С.Я. Украина – Россия – Мир: до и после 2014 года (некоторые аспекты взаимодействия). М.: Ленанд, 2015.
- Шилов В.Н. К вопросу о геополитической ориентации современной Украины // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. 2014. № 1. С. 184–191.
- Schwarz N. Self-reports: How the questions shape the answers. American psychologist. 1999. Vol. 54. № 2. P. 93–105.

Статья поступила: 21.03.23. Финальная версия: 27.04.23. Принята к публикации: 03.05.23.

SOCIOLOGICAL MONITORING OF THE EXTERNAL POLICY ORIENTATIONS OF UKRAINIAN SOCIETY IN THE 2000–2020s

SUSHCHIY S.Ja.

*Federal Research Centre the Southern Scientific Centre RAS, Russia**Sergey Ja. SUSHCHIY, Dr. Sci. (Phil.), Chief Researcher, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre RAS, Rostov-on-Don, Russia (SS7707@mail.ru).*

Acknowledgements. The publication was prepared as part of the State Assignment of the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences. Project 122020100349-6.

Abstract. In the 1990s–2000s, in the external orientations of Ukrainian society, polls recorded a balance of two main vectors with a certain predominance of the pro-Russian way. In the territorial viewpoint we could state a distinct polarization – the population of the western macroregion was largely oriented towards the European Union, the east and south regions – towards Russia (and the interstate structures it created), the center – in both directions. Consistent pro-European orientation of the Ukrainian government and almost the entire Ukrainian political class, a comprehensive program of “titling” of public life and socio-cultural exclusion from Russia, as well as a socio-demographic factor (change of generations) worked to gradually strengthen Western geo-civilizational vector in the public consciousness of the country’s population. The catalyst for this process was the 2013–2014 socio-political crisis and a number of subsequent events caused by it. In the mid-2010s the drift of the external political and economic orientations of Ukrainian society towards the European Union and NATO was noticeably accelerating. The beginning of the SMO becomes a new trigger for this systemic transit, recorded by all polls in 2022–2023. However, our analysis of their results suggests that while reliably recording the dynamic trends in public opinion, the polls did not reveal real extent of those shifts, they also did not provide correct information about the population’s perceptions on a number of aspects of the political and socio-economic dynamics of Ukraine at all. The radical external convergence of geo-civilizational orientations of the inhabitants of the country macro-regions does not mean an equally tangible reduction of diversities in their collective ideas. It is also significant that polls are not able to assess the level of potential socio-psychological adaptability of individual regional communities in Ukraine, which can surface only with a significant change in social reality.

Keywords: Ukrainian society, sociological surveys, geo-civilizational orientations of the population, macro-regions of Ukraine.

REFERENCES

- Arel D. (2005) Ukraine chooses the West, but without the East. *Pro et Contra*. Moscow. Vol. 9. No. 1 (28): 39–51. (In Russ.)
- “Democratic initiatives”. Surveys. URL: <https://dif.org.ua/category/opinion-polls> (accessed 12.02.2023). (In Russ.)
- Kyiv International Institute of Sociology. Press releases and reports. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports> (accessed 11.02.2023). (In Russ.)
- Masaev M.V. (2011) The geopolitical future of Ukraine. The choice of Ukraine in civilizational coordinates: “thalassocracy” – “tellurocracy”. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta* [Scientific notes of the Tauride National University]. Geography series. T. 24 (63). No. 1. Ch. 1: 99–104. (In Russ.)
- Miller A.I. (2008) The past and historical memory as factors of the formation of identity dualism in modern Ukraine. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 1: 83–100. (In Russ.)
- Miller A.I. (2010) The politics of nation – state construction in Ukraine. *Politicheskaya nauka* [Political Science]. No. 1: 76–99. (In Russ.)
- “Rating”. Researches. URL: <https://ratinggroup.ua/ru/research> (accessed 12.03.2023). (In Russ.)
- Schwartz N. (1999) Self-reports: how questions form answers. *American psychologist*. Vol. 54. No. 2. P. 93–105.
- Shilov V.N. (2014) On the question of the geopolitical orientation of modern Ukraine. *Nauchnye vedomosti* [Scientific Vedomosti. History series. Political science. Economy]. No. 1: 184–191. (In Russ.)
- Sociological monitoring. Ukrainian society 1994–2005: the year of the turning point*. (2005) Kiev. URL: https://socioline.ru/_seminar/library/misc/panina_vvedenie.php (accessed 28.02.2023). (In Russ.)
- Suschiy S.Ya. (2020) The Russian world of Ukraine. Realities and prospects of the post-Soviet period. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought]. No. 5: 137–160. (In Russ.)
- Suschiy S.Ya. (2015) *Ukraine – Russia – the World: before and after 2014 (some aspects of interaction)*. Moscow: Lenand. (In Russ.)

Received: 21.03.23. Final version: 27.04.23. Accepted: 03.05.23.

В.Д. КУРГАНСКАЯ, В.Ю. ДУНАЕВ, А. САГИКЫЗЫ

ЦЕННОСТИ И НОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ КАЗАХСТАНЦЕВ

КУРГАНСКАЯ Валентина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник (vkurganskaya@mail.ru); ДУНАЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник (vlad.dunaev2011@yandex.kz); САГИКЫЗЫ Аяжан – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник (ayazhan@list.ru). Все – Институт философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК, Алматы, Республика Казахстан.

Аннотация. На основе проведенных в 2022 г. социологических исследований (включая репрезентативный социологический опрос, $N = 3000$, и фокус-групповые обсуждения) анализируются различные аспекты политического сознания граждан Республики Казахстан. Сделан вывод о преобладании в нем элементов парохильного и подданныческого типов политической культуры. Доминирующие ценности и нормы политической культуры формируются в Казахстане под влиянием коммуникаций в референтных группах и политических установок, артикулируемых политической властью страны и продвигаемых провластными СМИ. Вместе с тем в массовом политическом сознании казахстанцев есть элементы и современной гражданской, активистски-участнической политической культуры.

Ключевые слова: Республика Казахстан • общественное мнение • политическая культура • ценности • политическая модернизация

DOI: 10.31857/S013216250024462-1

Осенью 2022 г. Казахстан вступил в новый электоральный цикл, который проходит в условиях глубокого реформирования политической системы страны. К числу важнейших преобразований относятся переход к президентской республике с влиятельным парламентом и с подотчётным народу правительством, ограничение и упразднение ряда полномочий президента, упрощение процедур регистрации партий и т.д. Востребованность новых принципов в реальной политике показали январские события 2022 г., когда мирные протесты против повышения цен на сжиженный газ переросли в массовые беспорядки с человеческими жертвами. Задача авторов – проанализировать, насколько реализация новой модели политической архитектуры общества возможна в современном казахстанском обществе со сложившимися в нем когнитивными, аффективными и нормативно-ценностными аспектами политического сознания.

Анализ политической культуры казахстанцев построен в основном на материалах социологического исследования в июне-июле 2022 г.¹, включавшего проведение массового социологического опроса населения ($N = 3000$). Выборка была маршрутная, случайная, репрезентирующая взрослое население по полу, возрасту, национальной принадлежности и месту проживания. Параллельно с массовым опросом проводились пять фокус-групп в городах Караганда, Костанай, Тараз, Атырау и Семей, в них приняли участие 50 человек. Для выявления динамических тенденций авторами использованы результаты социологических исследований 2001 и 2008 гг.²

Статья подготовлена в рамках финансирования Комитета науки МНВО РК – грант BR10965263.

¹ «Исследование культуры и ценностей общества в контексте стратегии устойчивого развития Казахстана» проводилось ОО «Научно-исследовательская ассоциация “Институт демократии”» по заказу Института философии, политологии и религиоведения КН МНВО РК.

² Социологическое исследование «Казахстанская модель межэтнической интеграции» проведено в 2001 г. Казахстанским институтом социально-экономической информации и прогнозирования (КИСЭИП) в рамках проекта Европейской комиссии (EIHDR) ($N = 2154$). Социологическое

Основные источники формирования политических взглядов казахстанцев. Как пишет известный казахстанский политолог А. Чеботарев, «...политическое пространство Казахстана сосредоточило в себе большую палитру самых разнообразных ценностей и установок: либеральных, консервативных, социал-демократических, коммунистических, “зеленых”, национально-патриотических, пантюркистских, монархических, алармистских и т.д. Другое дело, что в своем большинстве они не имеют широкой социальной базы, а также устойчивого институционального выражения в лице соответствующих партий и иных общественно-политических объединений» [Чеботарев, 2021: 448]. Авторы статьи попытались выяснить, под воздействием каких основных факторов формируются нормы и ценности политического сознания казахстанцев.

Главным фактором формирования своих политических взглядов респонденты считают политику официальных властей, так полагает около половины опрошенных (48,4%). Вторым по частоте фактором являются взгляды членов семьи (40,0%), третьим – выступления общественных деятелей и неформальных лидеров (27,0%). Если учесть влияние взглядов коллег по работе/учёбе (21,8%), выступления оппозиционных политиков (16,3%), а также произведения и выступления писателей, поэтов, деятелей культуры (16,7%), то очевидно большое влияние неформальных институтов и структур, суммарно казалось бы превосходящего влияние политических институтов государства. Правда, когда респондентам был задан вопрос об источниках информации, оказывающих влияние на их политические взгляды и представления, то чаще всего они называли «родных, близких, друзей» (54,0%), «выступления президента РК» (49,8%) и «государственные СМИ» (49,5%), в то время как любые другие источники (Интернет, соседи, общественные деятели и т.д.) называли менее 30%.

Вопрос об отношении граждан к политической оппозиции является одним из индикаторов отнесения политической культуры к тому или иному типу. В рамках подданнической политической культуры любая оппозиционная деятельность рассматривается как деятельность, направленная на дискредитацию политического режима и тем самым на политическую дестабилизацию. Партиципаторная политическая культура расценивает политическую оппозицию как структурно необходимый и конструктивный элемент политической системы, без которого она неизбежно деградирует к крайним формам авторитаризма, фундаментализма, тоталитаризма и т.д. Если судить по распределению ответов на вопрос о роли оппозиции (табл. 1), напрашивается вывод, что отношение казахстанцев к этому

Таблица 1

Оценки респондентами деятельности политической оппозиции в РК, % опрошенных

Оценки	2008	2022
Позитивные		
Она защищает интересы простых людей, стремится улучшить их жизнь	8,5	15,7
Она критикует «огрехи», «проколы» властей и тем самым помогает решить проблемы различных социальных групп	19,1	15,1
Она работает на благо страны, потому что её идеи способствуют продвижению Казахстана по пути демократических реформ	9,3	19,9
Негативные		
Её лидеры реализуют собственные политические амбиции и не думают об интересах простых людей	11,0	17,2
Её лидеры рвутся к власти и используют для этого все методы	14,7	9,2
Её лидеры по каким-то причинам «выпали» из властных структур и сейчас стремятся вернуться туда через оппозицию	13,3	6,1
Затрудняюсь ответить	24,1	16,8

исследование 2008 г. проводилось сотрудниками Института философии и политологии МОН РК в рамках проекта «Имидж политического лидера» (N = 2008). В обоих исследованиях выборка была многоступенчатой, квотной по полу, поселенческому признаку, этническому составу и месту проживания. Отбор респондентов осуществлялся с использованием маршрутной выборки.

институту во многом отвечает нормам гражданской политической культуры, хотя оппозиционные партии имеют в Казахстане очень короткую историю. Отношение к оппозиции в стране постепенно меняется: если в 2008 г. позитивные оценки ей давала треть респондентов, через 15 лет – половина. Количество негативно относящихся к оппозиции респондентов несколько снизилось. В целом представители оппозиции начинают оказывать всё большее влияние на формирование политической культуры основной массы населения Казахстана, хотя оно не столь значительно, как влияние государственных институтов.

Если воспользоваться классической типологией политической культуры Г. Алмонда и С. Вербы, напрашивается вывод о преобладании в политическом сознании граждан Казахстана парохильного и подданныческого типов политико-культурных установок. Об этом свидетельствуют ответы респондентов. Согласно им, на формирование политических взглядов и представлений наибольшее влияние оказывают 1) круг непосредственного общения в референтных группах (что типично для парохильной политической культуры) и 2) политические установки, диктуемые политической властью в лице главы государства и разъясняемые провластными СМИ (этот тип восприятия и усвоения политической информации характерен для подданныческого политического сознания). Вместе с тем в информационно-коммуникативной базе политической социализации казахстанского социума существенно представлены, как отмечено выше, выступления общественных деятелей, блогеров, независимых аналитиков и экспертов. Это свидетельствует о наличии в массовом политическом сознании казахстанцев элементов критически-рефлексивных способов отношения к политической реальности, – показатель гражданской, активистски-участнической политической культуры (Г. Алмонд), или культуры «квалифицированной активной гражданственности» [Соловьёв, 1991: 421].

Ценности и нормы политической культуры казахстанцев. Казахстан, судя по ответам респондентов, имеет высокий потенциал для ценностно-мировоззренческой консолидации общества как важнейшего условия социально-политической стабильности при проведении политических реформ. Отвечая на вопрос «*Какие факторы могут сплотить казахстанцев?*», респонденты чаще всего называли пять – «Единство всех народов Казахстана» (83,4%), «Патриотизм» (78,4%), «Мир и согласие, дружба, бесконфликтность в общественных взаимоотношениях» (77,9%), «Повышение уровня жизни всех граждан» (77,8%), «Общечеловеческие ценности» (76,3%) и «Искоренение коррупции» (75,2%). Несколько иначе о потенциале ценностно-мировоззренческой консолидации казахстанского общества говорят ответы респондентов на уточняющий вопрос «*С кем вы в большей степени ощущаете совпадения своих жизненных взглядов и ценностей?*». Чаще всего говорят о консолидации со своей семьёй (59,6%), заметно реже – с «людьми моей национальности» (36,8%) и с казахстанцами (36,3%).

28,6% признают совпадение основных ценностных ориентаций казахстанцев. Почти $\frac{2}{3}$ респондентов (63,2%) считают, что современный Казахстан представляет собой ценностно фрагментированное, расколотое общество. Из ответов считающих, что общество РК находится в состоянии ценностного раскола, следует, что основные линии раскола проходят между малоимущими и обеспеченными гражданами (так считают 65%), а также между чиновниками и народом (62,4%). Для сравнения укажем, что 20 лет назад 27,2% респондентов отмечали наличие раскола между малоимущими и обеспеченными, 25,7% – между чиновниками и народом. В настоящее время эти два вида противоречий обострились, достигнув пика в январе 2022 г., когда раскол между народом и элитой стал генератором социально-политических катаклизмов.

Утверждение приоритета консолидированных общенациональных интересов над узкокорпоративными и специфически групповыми интересами невозможно без институционализации диалога между социальными группами – без вовлечения масс в активную политическую деятельность. Либерализация и демократизация политического режима означают имплантацию в политический процесс и в массовую политическую культуру комплекса демократических ценностей, которые актуальны для граждан РК. Действительно,

по мнению респондентов, самыми востребованными для казахстанцев демократическими ценностями являются уважение человеческого достоинства и соблюдение прав человека (68,1%), свобода выбора (63,2%), отсутствие дискриминации (44,6%) и толерантность (43,1%). В то же время с важностью соблюдения прав меньшинств (например, ЛГБТ) согласны только 10,5%, с важностью мультикультурности – 19,1%, идеологической свободы и многопартийности – 22,9%.

Казахстанское общество в оценке значимости социально-политических прав и свобод остаётся консервативным. Из всех политических прав и свобод наиболее значимы для респондентов на протяжении 15 лет равенство всех граждан перед законом, право использовать родной язык, соблюдать национальные традиции, а также гарантированное право на труд, на охрану здоровья и на социальное обеспечение (табл. 2).

Таблица 2

Оценки значимости социально-политических прав и свобод, по пятибалльной шкале
(1 балл – практически не значимы, 5 баллов – очень значимы)

Права и свободы	2008	2022
Свобода слова, печати, собраний	4	3,8
Право на участие в политической жизни (право избирать и быть избранным в органы политической власти)	3,7	3,8
Свобода вероисповеданий	4	3,9
Свобода частного предпринимательства	3,9	4
Право на свободу передвижения и выбора места жительства	4	4,2
Неприкосновенность собственности, личности и жилища	4,3	4,2
Гарантированное право на труд, на охрану здоровья, на социальное обеспечение	4,2	4,3
Право использовать родной язык, соблюдать национальные традиции	4,2	4,3
Равенство всех граждан перед законом	4,3	4,3

Как видим, наиболее значимыми социально-политическими правами и свободами для граждан Казахстана остаются права и свободы, связанные с условиями их повседневной жизнедеятельности. Низшую ступень значимости среди всех видов социально-политических прав и свобод устойчиво занимает право избирать и быть избранным в органы политической власти. Это объясняется традиционным недоверием к политике, поскольку граждане страны свыклись с неотделимой от подданнической политической культуры мыслью, что от их участия в электоральных процессах ничего в реальной жизни не меняется. Как было отмечено почти десятилетие назад, постсоветское «население Казахстана, независимо от того, в каком разрезе мы его рассматриваем – в стратном, этническом, региональном или ином, – разделяет в целом общую постсоветскую, патриархально-подданническую политическую культуру с характерными для неё аполитичностью и низкой политической компетентностью населения»³. Поэтому формальный характер приобрело в Казахстане и политическое участие через членство в политических партиях. Для подданнической культуры политического участия в РК характерны такие, например, заявления участников фокус-группового обсуждения: «Нас никто не спрашивал. Сказали: вся организация должна вступить и всё. Мы даже не знали, что члены партии, только тогда узнали, когда взносы надо было платить. Когда хотели выйти оттуда, нам не разрешили. В другую партию вступить не разрешали» (казашка, 30 лет, домохозяйка); «Я был членом партии, но активность проявляю вне партий, так как не верю в их работу и в результаты их деятельности» (русский, 71 год, пенсионер).

³ Карабекова Ж. Развитие политической культуры Казахстана. 2014. С. 6. URL: <https://ehistory.kz/media/upload/1466/2014/06/26/848a69457f36d2ae1b74769a2011a855.pdf> (дата обращения: 15.04.2023).

Соблюдение социально-политических прав и свобод, методы их защиты. Часто в СМИ правозащитники пишут о нарушениях прав и свобод человека в Казахстане. В связи с этим респондентам было предложено оценить значимость и степень соблюдения в стране основополагающих для современного демократического общественного устройства социально-политических прав и свобод.

В 2008 г. (табл. 3) респонденты отметили самый низкий уровень соблюдения двух наиболее значимых для них прав – гарантированного права на труд, на охрану здоровья и на социальное обеспечение, а также равенства всех граждан перед законом.

В 2022 г., через 15 лет, наибольшая неудовлетворённость населения соблюдением их социально-политических прав и свобод касалась тех же аспектов (табл. 4).

Около 2/3 респондентов в обыденной жизни не сталкивались с нарушениями своих прав и свобод: ни по одному из вариантов не выбрали ответы «сталкиваемся постоянно» или «в отдельных случаях» 61,6% участников опроса. Январь 2022 г. показал, что достаточно локального очага, чтобы протесты обрели взрывную динамику и приняли национальный масштаб. После этих событий прошло немало времени, поэтому было уместно задать респондентам вопрос об их причинах. Участники фокус-групп подчёркивали множественность и разноплановость причин январских событий, вот пара типичных отзывов о них: «Январские события произошли не по одной причине, а по многим причинам, в том числе по причине накопившейся у народа злости. Самая первая причина – дороговизна, а затем уже гнев накопившийся. Вначале был мирный митинг, а дальше уже вмешались провокаторы и мародёры» (казашка, 23 года, студентка); «Причинами послужили

Таблица 3

Оценки соблюдения социально-политических прав и свобод, 2008 г., по пятибалльной шкале
(1 балл – практически не соблюдаются, 5 баллов – в основном соблюдаются)

Права и свободы	Оценки
Гарантированное право на труд, на охрану здоровья, на социальное обеспечение	3,1
Равенство всех граждан перед законом	3,3
Свобода слова, печати, собраний	3,7
Свобода вероисповеданий	3,7
Неприкосновенность собственности, личности и жилища	3,8
Свобода частного предпринимательства	4
Право на участие в политической жизни (право избирать и быть избранным в органы политической власти)	4,1
Право использовать родной язык, соблюдать национальные традиции	4,2
Право на свободу передвижения и выбора места жительства	4,4

Таблица 4

Оценки частоты нарушения социально-политических прав и свобод, 2022 г., % отметивших «сталкиваемся постоянно/в отдельных случаях»

Права и свободы	Оценки
Гарантированное право на труд, на охрану здоровья, на социальное обеспечение	15,4
Равенство всех граждан перед законом	13,2
Свобода слова, печати, собраний	13,1
Свобода вероисповеданий	11,9
Право использовать родной язык, соблюдать национальные традиции	11,4
Неприкосновенность собственности, личности и жилища	11,2
Право на свободу передвижения и выбора места жительства	11
Свобода частного предпринимательства	10,9
Право на участие в политической жизни (право избирать и быть избранным в органы политической власти)	10

системные ошибки в молодёжной политике, ошибки в социальной политике, в политической системе, которую нужно было переформатировать, но видимо за эти 30 лет настолько всё устоялось, что менять не очень хотелось» (русский, 39 лет, работник бюджетной сферы). Мнения респондентов в массовом опросе о причинах январских событий разделились примерно поровну: двумя основными причинами были названы борьба народа за свои права и активные действия деструктивных сил.

Перспективы развития страны. Респондентам был предложен ряд лозунгов, отражающих различные политико-идеологические аспекты программы строительства Нового Казахстана, с просьбой определить, какой из них лучше отвечает целям системной модернизации страны (табл. 5).

Таблица 5

**Подходящие лозунги строительства Нового Казахстана, 2022 г.,
% отметивших «обязательно»**

Права и свободы	Оценки
Достойная оплата труда и социальная защита – достойное качество жизни	76,3
Свобода, справедливость, равные стартовые возможности	70,1
Власть – для народа, законы – для всех	65,4
Новый Казахстан – родина для всех этносов	58,6

Как видим, казахстанцы сочли наиболее актуальным социально-экономический лозунг «Достойная оплата труда и социальная защита – достойное качество жизни». В качестве основных для населения страны в первую очередь в настоящее время (впрочем, как и раньше) выступают ценности не политического, а социально-экономического плана.

Респондентам было предложено выбрать наиболее необходимые, по их мнению, политические изменения. Чаще всего (60%) они выбирали «разработку действенных законов борьбы с коррупцией», несколько реже (46%) – «аттестацию («чистку», люстрацию) руководства и аппаратных работников министерств и ведомств». Реже всего – «усилить роль парламента, ограничить власть исполнительных органов (президента и правительства)» (22,1%), а также «создать реальную многопартийность, в том числе в виде сильной оппозиции» (26,3%). Ответы показывают, что массовое политическое сознание тяготеет к привычным силовым, административно-приказным методам управленческих воздействий, а не к либерально-демократическим механизмам и переговорным социальным технологиям, на которых строится гражданская политическая культура. Между тем глобальной социально-политической перспективой является переход от элитарной демократии к демократии социальной. В Казахстане (и в других странах догоняющего развития) серьёзным препятствием для такого перехода являются механизмы традиционной политической культуры, которые «воспроизводят практику неформальных отношений, приводят к фактической институализации клановости и распространению коррупционных отношений» [Дорожкин, Игбаев, 2009: 136].

Наиболее точно роль гражданской политической культуры в решении задач построения Нового Казахстана сформулировал один из участников фокус-группы в г. Костанай: «В нашей стране власть сначала что-то формирует, а потом спускает вниз, и все остальные это выполняют. Задача Нового Казахстана – как раз таки сформировать такое гражданское общество, когда инициатива будет идти не сверху вниз, а снизу вверх, когда люди будут сами выдвигать политические решения, а власть уже будет их институционализировать и поддерживать» (русский, 39 лет, работник бюджетной сферы).

Основные выводы. Изучение общественного сознания позволяет сделать вывод о преобладании в политическом сознании граждан Казахстана парохильного и подданнического типов политической культуры. Курс на демократизацию в РК будет наталкиваться на существенные объективные препятствия, поскольку далеко не все демократические нормы и ценности для казахстанцев актуальны. В этом плане нельзя недооценивать в функционировании и развитии политической культуры Казахстана роль традиций, влияние кровнородственных, земляческих и региональных групп и кланов.

Вместе с тем в массовом политическом сознании казахстанцев имеют место элементы современной культуры «квалифицированной активной гражданственности» (Э.Ю. Соловьёв). Формирование данного типа политической культуры, при котором власть оборачивается сотрудничеством и при распределении ресурсов, и при согласовании специализированных политических функций, – оптимальный путь продвижения страны к справедливому Казахстану. Он сможет опереться на расширение реального участия масс в выработке и принятии управленческих решений, а также на социально-политическое воспитание и просвещение, направленные на развитие критического мышления, «способности политического суждения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры (I) // Полития. 2010. № 2 (57). С. 122–144. [Almond G.A., Verba S. (2010). Civil culture. An approach to the study of political culture (I). *Politiya*. No. 2 (57): 122–144. (In Russ.)]
- Дорожкин Ю., Игбаев Р. Роль политических традиций в современном политическом режиме Республики Казахстан // Власть. 2009. № 10. С. 133–137. [Dorozhkin Yu., Igbayev R. (2009). The role of political traditions in the modern political regime of the Republic of Kazakhstan. *Vlast'* [Power]. No. 10: 133–137. (In Russ.)]
- Соловьёв Э.Ю. Личность и право // Соловьёв Э.Ю. Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С. 403–431. [Solovyov E. Yu. (1991) Personality and law. In: Solovyov E.Yu. *The past interprets us: (Essays on the history of philosophy and culture)*. Moscow: Politizdat: 403–431. (In Russ.)]
- Чеботарёв А.Е. Политическая мысль суверенного Казахстана: истоки, эволюция, современность. Нур-Султан: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2021. [Chebotarev A.E. (2021) *Political Thought of sovereign Kazakhstan: origins, evolution, modernity*. Nursultan: Kazakhstanskij institut strategicheskikh issledovanij pri Prezidente Respubliki Kazakhstan. (In Russ.)]

Статья поступила: 14.02.23. Финальная версия: 27.04.23. Принята к публикации: 12.05.23.

VALUES AND NORMS OF POLITICAL CULTURE IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF KAZAKHSTAN SOCIETY

KURGANSKAYA V.D.*, DUNAEV V.Yu.*, SAGIKYZY A.*

*Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MSHE RK, Kazakhstan

Valentina D. KURGANSKAYA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher (vkurganskaya@mail.ru); Vladimir Yu. DUNAEV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher, Institute for Philosophy (vlad.dunaev2011@yandex.kz); Ayazhan SAGIKYZY, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher (ayazhan@list.ru). All – Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the CS MSHE RK, Almaty, Kazakhstan.

Acknowledgements. The article was prepared as part of the financing of the Committee of Science of the CS MSHE RK – grant BR10965263.

Abstract. The article discusses the basic values and norms of the political culture of the Republic of Kazakhstan population on the basis of a sociological survey in the summer, 2022. The purpose of our study is to determine the values and norms in the political culture of the republic population at the present stage of the country's political modernization. The authors analyze the qualitative and quantitative characteristics of the political consciousness of the citizens of the country. Based on the survey results, a conclusion is made about the predominance of parochial and subordinate types of political culture in the mentality of the population of Kazakhstan. The trend of development of participatory political culture elements, despite attempts to implement a program of modernization of public consciousness, is not visible. The main sources of the formation of values and norms of political culture are communicative practices in reference groups, as well as official media.

Keywords: public opinion, political culture, typological features, values, political modernization.

Received: 14.02.23. Final version: 27.04.23. Accepted: 12.05.23.

© 2023 г.

К.С. МОКИН, Н.А. БАРЫШНАЯ

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СТРУКТУРА, ГРАНИЦЫ, ВОСПРОИЗВОДСТВО

МОКИН Константин Сергеевич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (mokin_konstantin@list.ru); БАРЫШНАЯ Наталия Александровна – доктор социологических наук, кандидат политических наук, профессор кафедры социологии, этнографии и социометрии Российского государственного социального университета (socis64@gmail.com). Оба – Москва, Россия.

Аннотация. Основываясь на данных социологических исследований в Саратовской области, Кабардино-Балкарской Республике и Республике Южная Осетия, авторы анализируют феномен территориальной идентичности. Рассматриваются ее структура, формы и механизмы воспроизводства внешних и внутренних социальных границ ее ареала, роль социальных сетей как инструмента ее сохранения, формирования и трансформации. Делается вывод, что территориальная идентичность занимает одно из ведущих мест в структуре самоидентификации индивида и может быть мощным групповым консолидирующим фактором.

Ключевые слова: территориальная идентичность • этничность • социальные границы • социальная мобилизация • социальные сети • Саратовская область • Республика Кабардино-Балкария • Республика Южная Осетия

DOI: 10.31857/S013216250024235-1

Постановка исследовательской задачи и обзор методологических подходов. Исследования территориальной идентичности в последние десятилетия обрели особую значимость в контексте консолидации локальных сообществ [Тишков, 2021; Дробижина, 2002; 2003; Малахов, 2014]. В современных геополитических условиях происходит дрейф доминирования от наднациональных и общегражданских идентичностей в сторону региональных (например, Каталония). В основе этого тренда – стремление к (вос)производству и культивированию «собственных» национальных (местных) культур, ориентация на суверенитет в определении социально-политических и экономических векторов развития территории [Мельвиль и др., 2007: 161–202]. Анализ взаимосвязи структур этнотерриториальной и гражданской идентичности, их маркеров позволяет вскрыть основные тренды формирования, факторы и механизмы воздействия на содержание территориальной идентичности, дать оценку уровня мобилизационного потенциала [Михайлов, Рунге, 2019].

Феномен территориальной идентичности необходимо рассматривать как междисциплинарный. В рамках социальной психологии он в основном ограничивается анализом когнитивного уровня, отвечающего за самокатегоризацию на основе характеристик, релевантных социальной группе, к которой индивид стремится «присоединиться» [Татарко, Лебедева, 2011]. В зарубежной психологии также выделяют place-identity (идентичность с местом), не с точки зрения социальной идентичности личности, а в контексте адаптации и биологического приспособления к окружающей среде [Twigger-Ross, Uzzell, 1996]. В социальной географии территориальная идентичность исследуется в контексте

вернакулярных районов [Казакова, 2017] и территориальных границ, в контексте мобильности и укорененности населения территории, истории места и коллективной памяти, сложившихся ценностей и норм. Кроме того, географические образы исследуются как часть национальной и этнической идентичности [Крылов, 2010]. В политологии территориальная идентичность определяется как «укорененность в системе самоидентификаций человека, особенностей и смыслов, на которых строится осознание своей принадлежности к территории» [Семененко, 2017]. Территориальная идентичность как «политическая идентичность региона» исследуется в контексте «воображаемых сообществ» [Андерсон, 2016], символического капитала и как интегрированная часть более крупной территории и собственно идентичности, как правило национальной, а также в контексте роли политических элит в формировании территориальной идентичности [Гельман, Попова, 2003].

В современных условиях в социальных науках идентичность стала рассматриваться преимущественно как продукт доминирующих дискурсов, связанных с социальными механизмами, инструментами и социальными практиками, а не в фокусе членства в группах [Козырев, Козырева, 1995; Трушева, 2014; Брубейкер, Купер, 2002; Брубейкер, 2012]. В социологических исследованиях территориальную идентичность представляют как переживаемые и/или осознаваемые смыслы системы территориальных общностей, формирующие «практическое чувство» и/или сознание территориальной принадлежности индивида [Качанов, Шматко, 1998].

Фокус нашего исследования – сам феномен территориальной идентичности и социальные границы ее ареала, способы и механизмы ее воспроизводства в различных элементах социальной структуры (семья, образование, власть, массмедиа, социальные сети и т.д.).

В контексте данной работы будем понимать, что территориальная идентичность – это вид аскриптивной привязанности, основанной на регулярной интеллектуальной, психологической и эмоциональной практике соотношения и последующей самоидентификации индивидом себя с определенной территорией, локальным сообществом, регионом, который характеризуется территориальной, историко-культурной, социальной нормативно-правовой и лингвистической особостью. Территориальная идентичность в социальной и политической практике остается ключевым коллектором таких видов идентичности, как этническая, гражданская, конфессиональная и др., часто «растворяя» их в себе, но при этом придавая им «особые» оттенки, маркируя ее носителей.

Эмпирическая база. Эмпирические материалы¹ включают в себя качественные (фокус-группы) и количественные данные массовых опросов, проведенных в 2021 г. в Саратовской области (СО), Кабардино-Балкарской Республике (КБР), Республике Южная Осетия (РЮО). Выборка квотная, репрезентативная по полу, возрасту, территориальному распределению (город – село)² в РФ: $N = 600$ в СО, $N = 600$ в КБР и $N = 400$ в РЮО. Фокус-групповые исследования были направлены на проведение семантического анализа восприятия иерархии идентичностей. В субъектах РФ проведено по четыре фокус-группы в каждом регионе и три в РЮО.

Методологический дизайн исследования построен на использовании полипарадигмального подхода к изучению феномена территориальной идентичности в сравнительном контексте. В сравнительном контексте исследованы территории, отличающиеся по конституционному статусу. СО – административно-территориальная единица и один из самых «типичных» регионов России по социально-экономическому и социально-демографическому показателям. Это позволяет принять регион как исходную точку сравнительного анализа. КБР является национально-территориальной единицей, имеющей статус «республика»; проводит очень активную социальную и образовательную политику по сохранению

¹ Исследование проведено при поддержке РФФИ (проект № 20-511-07004).

² Для расчета квот по полу и возрасту использованы данные Всероссийской переписи населения РФ 2010 г. и текущие данные Управления статистики в регионах РФ для каждого обследуемого субъекта РФ отдельно (на момент расчетов и проведения полевых исследований), данные Всеобщей переписи населения Республики Южная Осетия 2015 г. и текущие данные Управления статистики Республики.

и редуцированию традиционных норм культуры, языка, форм межэтнического взаимодействия. В сравнении исследуется идентичность жителей РЮО, получившей в 2008 г. статус частично признанного и независимого государства; после войны с Грузией («война 08.08.08») чрезвычайно актуализировано самовосприятие населения через призму территориальной идентичности, восстановления родовых связей с Северной Осетией.

Структуру территориальной идентичности можно представить состоящей из двух взаимосвязанных частей. Первая включает в себя элементы *внешнего позиционирования* локального сообщества в отношениях с внешними группами, государством, отдельными социальными сообществами – (само)название, лингвистические, культурные (одежда, манеры поведения, внешние элементы паттернов отношений между индивидами и т.д.) особенности. Как правило, это маркеры внешней социальной границы сообщества, объединенного общей территориальной идентичностью. Ко второй можно отнести элементы *внутреннего, содержательного характера*: повседневного быта, взаимодействия в семье между младшим и старшим поколениями, гендерные отношения. Здесь происходит постоянное воспроизводство повседневных норм и практик, присущих конкретной территориальной идентичности.

Одним из наиболее значимых маркеров, определяющих территориальную идентичность, выступает самоназвание социальной группы, которое может выражаться в эндоэтнонимах (этническое самоназвание) и в катойконимах (идентификации себя с местом жительства вне зависимости от этнической принадлежности). Часто встречается и микшированный вариант самоназвания. Например, до недавнего времени в осетинском сообществе не было термина для обозначения «осетин в целом»; носители языка идентифицировали себя со своими особыми местными обществами или более крупными племенами [Волкова, 1973].

«...У нас самоназвание осетин – ирон; территория проживания – Ирыстон. Термин “Ир” может использоваться и как краткий вариант названия территории, и как краткий вариант самоназвания. Среди нас, осетин, есть субэтническая группа, называющая себя “дигор”, территория проживания – Дигория; Наконец, бытуют самоназвания – указатели проживания по населенным пунктам, город Цхинвал – цхинвайлаг. ...Так что, резюмируя себя, я имею право называть ирон по принадлежности к народу, туал по месту проживания (отец – туалец) и по городу – цхинвайлаг...» (РЮО, М., 62 г.)

Подобную сложную конструкцию самоназваний можно отметить и в КБР благодаря возрастающему поступательному воспроизводству историко-территориальных идентичностей. Кабардинцы, как и другие адыги, при Переписи 2010 года указали свой экзоэтноним – «черкес» – 2475 чел.³, а в Переписи 2020 г. – уже 26544 чел.⁴ [Адыги..., 2022].

Отдельным аспектом в отношении КБР можно отметить период активного воспроизводства «особой» территориальной идентичности в начале 2000-х гг. в связи с созданием кабардино-балкарского джмаата как формы альтернативного сообщества, в котором переплетены исторические, территориальные, этнокультурные и конфессиональные особенности [Ярлыкапов, 2016].

Язык локального сообщества, его специфика – диалекты, акценты, является одним из важнейших маркеров территориальной идентичности. В национальных республиках официально действуют несколько государственных языков. В РЮО – осетинский и русский⁵, в КБР – кабардинский (кабардино-черкесский), балкарский (карачаево-балкарский) и русский языки⁶.

³ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 14.04.2023).

⁴ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 г. Т. 5. Национальный состав населения / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 14.04.2023).

⁵ Конституционный закон Республики Южная Осетия «О государственных языках Республики Южная Осетия». URL: <https://parliamentroso.org/node/49> (дата обращения: 14.04.2023).

⁶ Закон Кабардино-Балкарской Республики № 1-ПЗ «О языках народов Кабардино-Балкарской Республики». URL: <https://base.garant.ru/30500301/> (дата обращения: 14.04.2023).

В СО использование экзоэтнонимов менее выражено, поскольку доминирующей этнической группой являются русские, а единственным государственным языком – русский, то и самоидентификация в большинстве случаев происходит по топонимическим критериям – волжане, саратовцы, балаковцы, вольчане, хвалынцы и т.д. Отдельные этнические группы, проживающие в регионе, также в основном имеют территориальную маркировку, например поволжские немцы.

Важно отметить, что топоним – более мягкая форма маркирования социальной границы территориальной идентичности, поскольку автоматически включает в себя новых членов сообщества по факту проживания, часто отсекая «чисто» этнические и лингвистические критерии кодификации.

Территориальная идентичность предполагает соотнесение индивидом себя с определенной территорией, что естественно предопределяет (субъективную и/или объективную) верификацию ее границ.

Объективная верификация чаще всего происходит посредством административно-территориального маркирования границ и проявляется в репрезентациях посредством знаков на дорогах, отдельных указателей, условных линий границ в аэропортах при регистрации и т.д. В современных условиях часто факт пересечения определенной территориально-административной границы – это смена тарифных планов в системе сотовой связи, переход на роуминг.

Однако важнейшим фактором ощущения нахождения внутри ареала (субъективная верификация) является психологическое восприятие той или иной территории как «своей», узнаваемой по физическим аспектам – «мои горы...», «моя Волга...», «здесь все, как дома...» – ощущения человеком физического и социально-психологического комфорта. «...почувствовал...когда вышел из самолета, вдохнул воздух...это наш, мой!... не тот, что во Владивостоке, где я был в командировке, и не в Москве! И я увидел горы в снегу, запах зелени, услышал знакомые слова и фразы... Тогда и понял – я дома!» (М., 43 г., КБР). Эмоциональная составляющая самоидентификации, осознание себя частью локальной социальной группы является мощнейшим мобилизационным фактором, стимулятором воспроизводства и последовательного развития элементов территориальной идентичности. Количественные оценки, полученные в процессе опросов, демонстрируют данные, приведенные в табл. 1.

В данном контексте концепт «я – житель этого региона» объединяет комплекс территориально-патриотических диспозиций, основанных на ассоциациях с прошлым региона, с его достижениями и заслугами перед страной в целом, а также в ощущении принадлежности «себя» к этому. Это чувство испытывает более 63% жителей КБР, 58% жителей РЮО и лишь 42% жителей СО. Не испытывают этого чувства немногим больше 44% жителей СО, против 21% жителей в РЮО и 17% жителей КБР. На этом фоне вполне объяснимо, что не менее 77% в каждом из обследуемых регионов в РФ и 62% в РЮО не испытывают ярко выраженных негативных проявлений «чувства обиды или унижения». Это связано, с одной

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Какие чувства вызывает у вас, что вы – житель... (Республики Кабардино-Балкария, Саратовской области, Республики Южная Осетия)?», в %

Варианты ответа	Да			Нет			Затрудняюсь ответить		
	КБР	СО	РЮО	КБР	СО	РЮО	КБР	СО	РЮО
Чувство гордости, достоинства	63	42	58	17	44	21	20	14	21
Чувство сопричастности	66	57	71	18	30	14	16	13	15
Чувство отчуждения, безразличия	8	13	10	77	71	78	15	16	12
Чувство обиды, унижения	4	11	21	77	77	62	19	12	17

стороны, с высоким уровнем существующего государственно-территориального патернализма, с другой – со значительным уровнем оседлости, принятия исторически сложившегося уклада. Однако в РЮО тех, кто испытывает чувство обиды, в два раза больше, чем в СО, и в пять раз, чем в КБР, что может быть связано с непризнанностью республики многими странами.

«Местные и соплеменники» – внутренние и внешние социальные границы. Для анализа социальных границ территориальной идентичности была использована концепция социального пространства А. Лефевра [2015], где он выделяет «пространственную триаду»: а) репрезентации пространства (conceived) – используемые властью и идеологией; б) пространственную репрезентацию – пространство жителей территории (lived space) – повседневный опыт пространства, которое «скорее чувствуют, нежели мыслят», то, что формирует «пространственные привязанности», делающие жизнь более устойчивой и ценностно значимой; в) пространственные практики – способы и инструменты воспроизводства практик, структурирующих социальное пространство (perceived). Особую роль для нашего анализа имеют «пространственные практики» и «пространственная репрезентация».

Для описания структуры территориальной идентичности необходимо рассмотреть вопрос самоидентификации и внешней (приписываемой) идентификации по критерию «местные – не местные». Важно отметить, что даже интуитивное ощущение внутренней этнотерриториальной и культурной аффилированности человека с регионом позволяет, даже в незнакомых местах и условиях, практически сразу выделять в общей массе присутствующих «своих», провести некую связь «свой-чужой», выстроить привычную структуру коммуникации и взаимодействия. *«Да, духовная, культурная близость. То есть ты разговариваешь с человеком и видишь, что это мой человек, наш человек. Это житель Кабардино-Балкарии. И место рождения, естественно...»* (М., 25 л., КБР).

В отношении анализа социальных границ территориальной идентичности, способов и инструментов (механизмов) их формирования ключевую роль играет фактор «прозрачности» этих границ, способность «включиться» от имени своего сообщества в «новое» территориальное общество. Причем анализ «прозрачности социальных границ» распространяется как на оценку поведения и реакции реальных людей, так и на «новые» социально-культурные нормы и практики, привносимые существующим доминирующим дискурсом, которые, в итоге, непрерывно видоизменяют саму конфигурацию территориальной идентичности.

По мнению информантов, можно с определенной степенью (но не полностью) называть «местным» человека: *«...который выбрал себе нашу культуру, быт, традиции, чит, уважает, соблюдает все это... Возможно языком владеет. У меня русский одноклассник был, который на кабардинском лучше нас всех вместе взятых разговаривает. Он с детства здесь уже живет. То есть его можно назвать [местным], хотя, казалось бы, он не родился здесь»* (Ж., 29 л., КБР).

При этом интуитивно вводятся темпоральные характеристики, такие как срок нахождения на территории, возраст прибытия на конкретную территорию: *«...Это все-таки человек, который проживает длительное время, уже знает все традиции, в какой-то степени язык, языком владеет. Мне кажется, даже повадки наши перенимаются. То есть он с уважением относится к тому, где ты или я всю жизнь жил, воспитывался. Он включен также. Он очень легко в этом может раствориться...»* (Ж., 24 г., КБР).

Однако специфически выглядит и сама градация на «местных и соотечественников», особенно в национальных республиках. Так, по мнению информантов, приоритетом маркирования человека, «как своего/как местного», является примордиальная привязка человека с его рождения к территории и доминирующей культуре. *«Местным можно называться по рождению, а соотечественник – это любой человек, который проживает на данной территории. Право земли – местным называться. А соотечественник – это чуть другое – любой житель, придерживающийся таких же культурных ценностей – он соотечественник... И вообще главное, я думаю, местный – это тот, который живет на земле своих предков, где жили его старшие...»* (М., 29 л., КБР).

Несмотря на подвижность и достаточно высокую степень прозрачности социальных границ сообщества, существуют негласные, иногда достаточно жесткие, ограничения по инклюзии новых членов. Основным критерием, по которому «включают» в сетевую структуру локального территориального сообщества, является социально-культурная близость, как правило, выраженная в терминах этничности.

Естественно, стоит предположить, что данными каналами не могут воспользоваться «не-свои», то есть не получившие маркер принадлежности к данному сообществу. Для «новых» членов единственным легитимным способом «вхождения» является брак. Однако исследования показали, что, несмотря на потенциальную возможность использования информационно-коммуникативных ресурсов у членов смешанных семей, они практически лишены этого. Члены смешанных семей образуют некую буферную зону между ядром того или иного сообщества («большой семьи») и внешним окружением и воспринимаются как «свои» не всеми членами общины. Так, на одной из фокус-групп о возможности инклюзии был задан вопрос (В.): «Ваш сын уехал в Москву, учился, женился на русской, которая никогда не была здесь. Потом они приехали с семьей сюда. Сколько потребуются времени, чтобы она стала местной?» И.: «Она никогда не станет местной!» В.: «Почему?» И.: «Очень трудно! Это будет зависеть от многих факторов. В первую очередь, их отношения. Что-то она не воспримет, ей будет непонятно, будет тяжело. Что-то нам, как родителям, мне и супруге, будет непонятно в ее действиях. И лучше пусть не приезжает! Мне, естественно, будет лучше, что они рядом. Но вот ради сохранения... Чтобы вот не было конфликтов между нами и ими. Потому что в любом случае он, наверное, будет на ее стороне... Пускай живут там, в Москве, или где там...». В.: «В любом случае получается, что взрослый человек, даже уже будучи членом вашей семьи, приехав сюда, не станет местным?» И.: «Нет! Он не сможет стать местным» (М., 35 л., КБР).

Подобных взглядов придерживались участники других фокус-групп, причем практически все артикулировали недостаточность простого знания языка, культурных и социальных норм для того, чтобы взрослый человек был принят в сообщество, получил «социальное гражданство», социальную «прописку»: «У меня есть пример. Я видела, как парень местный женился на украинке. И она стала придерживаться традиций. Она за год язык выучила, познакомилась со всеми, общается. Но она все равно не совсем наша, местная. Все равно видно же, кто свой...» (Ж., 22 г., КБР).

Более сложная и отчасти драматичная ситуация с выстраиванием и маркированием социальных границ между «своими и соплеменниками» обстоит в РЮО. В частности, в стратегии выстраивания социальных границ между осетинами и этническими грузинами, которые остались жить в РЮО после событий «08.08.08». С одной стороны, жители РЮО – осетины, которые являются доминирующей этнической группой в Республике, а с другой стороны, жители РЮО – этнические грузины, в основном компактно проживающие в Ленингорском районе. Они смогли найти достаточно компромиссную модель межличностных и межгрупповых взаимоотношений. Но при этом историческая травма оказала серьезное влияние на конфигурацию структуры территориальной идентичности в самой РЮО. Выстроенные десятилетиями в период СССР прозрачные и относительно адекватные социальные границы между группами стали минимально прозрачными, оставив лишь возможность структурно-функционального взаимодействия (в основном в системе территориально-государственного управления Республикой), практически нивелировав этнокультурное присутствие грузин в органах власти, силовых структурах, медиа, системе руководства дошкольного и школьного образования.

Однако память о прошлом позитивном взаимодействии на межличностном уровне («Мои соседи, одноклассники, сотрудники...») часто возникает в виде нарративов и очень редко в текущей реальной повседневной практике. «Когда попал снаряд [грузинский] в наш дом, и он загорелся, первыми прибежали наши соседи – они грузины ... сказали – давайте к нам... Мы сидели у них в подвале, ели вместе хлеб... Они и мы очень боялись. На третий день пришел их старший сын, одетый в грузинскую [военную] форму, выгнал нас

на улицу, забрал наш автомобиль, убил собаку ... Нет, они [семья] потом уехали ... Но, все равно – они же первыми прибежали на помощь, спрятали нас!.. но руки [протянуть, поздороваться, при встрече] из-за их сына я им уже не дам...» (М., осетин, 56 л., РЮО).

Таким образом, радикальные внешние геополитические изменения в регионе редуцируются на уровень межличностных взаимодействий, трансформируя не только саму структуру территориальной идентичности, но и комплекс межэтнических, социально-экономических, политических взаимоотношений между жителями. Это формирует новые паттерны, зоны и «точки» политического, социально-экономического влияния и доминирования, изменяя направление, значимость и знак векторов внутритерриториальных (внутри- и межгрупповых) социальных отношений. «...после войны я уже мало кому верю... нас сделали заложниками. Уехать не могу – здесь моя родная земля, дом, кладбище, где наши предки лежат. Но и жить-то как? Живу... как-нибудь выживем. Мы здесь [семья] жили больше двести лет. Работали. Никого не обижали... теперь мы и дети – и не те, и не другие...» (М., грузин, 67 л., РЮО).

Чувство ущемленности, обиды от факта «выталкивания» на периферию социальной и экономической жизни локальной территории вынуждает часть жителей ранее доминирующей группы изменять восприятие своей диспозиции.

Социальные сети как инструмент сохранения, формирования и трансформации территориальной идентичности. Одним из основных компонентов, влияющих на сохранение/воспроизводство и трансформацию территориальной идентичности, являются социальные сети: от неформальных, дворовых, соседских до территориально-актуализированных интернет-сетей. Современные социальные сети воспроизводства территориальной идентичности – это квазиперсонифицированные, «почти живые» технологии: от отдельных интернет-форумов, страниц до создания/ретрансляции пабликов в наиболее распространенных электронных мессенджерах. Участие в них предопределяет ту или иную степень включенности в воспроизводство структуры (тела) конкретной территориальной идентичности. Это позволяет ее участникам публично оперировать терминологией, сленгом, отдельными терминами, «понятными» как в среде исходной территориальной идентичности, так и в надежде на понимание, как минимум – «соплеменников», и/или тех, кто с ними аффилирован (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Состоите ли вы в местных социальных интернет-сообществах, где обсуждаются события и проблемы вашей территории?», в %

Варианты	КБР	СО	РЮО
Да	32	16	38
Нет	60	79	57
Затрудняюсь ответить	8	5	5

Социальные интернет-сети стали современным полем воспроизводства и реконфигурирования территориальной идентичности, наполнения ее новыми нарративными смыслами, визуализации исторического и современного социально-политического контекста. Важно отметить, что в условиях современных социальных сетей (мессенджеров) наличие систем «интуитивного управления», степень включенности в них нивелируют возрастные особенности. Практически в равной степени ими пользуются и молодежь, и старшее поколение⁷.

В СО показатель активного участия в интернет-сетях в два раза ниже (16%), чем в других обследуемых регионах, что является одним из показателей индифферентности к происходящим процессам в локальных сообществах, высоком уровне государственного и регионального патернализма («все равно мы ничего не сделаем, за нас все решили...»). Исключением являются активно обсуждаемые отдельные, особые события, которые

⁷ Как люди третьего возраста пользуются соцсетями. URL: <https://iom.anketolog.ru/2019/08/20/tretiy-vozrast-i-internet> (дата обращения: 15.04.2023).

в дальнейшем становятся общеизвестной историей-легендой, так или иначе – ассоциированной с территорией, с которой респондент себя соотносит («А, вот еще что...да, это было у нас [в городе], я тогда еще это в это время ...вот!»). Это, как правило, происходит на интернет-площадках (форумах), имеющих контекстуальность «Типичный...(город)», где жители высказывают свое мнение по проблемам территории, афишируют частные мероприятия, обмениваются социальными знаниями и опытом⁸.

Несмотря на растущую значимость современных социальных интернет-сетей, в регионах, особенно в национальных республиках, продолжают доминировать «привычные» социальные сети, основанные на близком знакомстве, кровно-родственных связях. Межличностное общение позволяет конвертировать личный социальный капитал в иные виды – от финансовой поддержки, поддержки, при необходимости, в органах власти (лоббирование) до поддержки на выборах. Главное отличие этой формы социальных сетей – личное, персонифицированное знакомство, что обеспечивает значительно более высокий уровень доверия между акторами взаимодействия, комплиментарности, транспарентности отношений, знания (представления) об имеющемся у контрагента социальной сети то или ином капитале (связи «через-через-через...»).

Плотность межличностных отношений, ограниченная численностью жителей территории, высокая сплоченность между микросообществами (фамильными кланами), отдельными лидерами сообщества способны при этом создать существенный барьер в отправлении общегосударственных функций, в частности, системе судебного производства. Ярким примером может являться судебный процесс в КБР «По делу о нападении боевиков на Нальчик в октябре 2005 года». Судебная система региона так и не смогла создать независимый суд присяжных. Оказалось, что все участники процесса знают (прямо либо косвенно, через близких и родственников) друг друга. Поэтому вопрос о непредвзятости был снят с повестки дня, а суд был проведен в другом регионе РФ⁹.

Таким образом, можно констатировать, что, с одной стороны, социальные сети, при всем многообразии форм, – это необходимое условие современного системного воспроизводства территориальной идентичности, а с другой – инструмент социальной, политической, экономической мобилизации жителей локальной территории, способов репрезентации.

* * *

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что территориальная идентичность как социальный феномен обладает свойством синергетичности, способностью включить в себя практически все виды индивидуальных и групповых идентификационных стратегий (гражданской, этнической, конфессиональной и т.д.). При этом территориальная идентичность обладает высокими качествами (вос)производства, гибкости (адаптивности) благодаря институтам государства, семьи, образования, современным средствам коммуникации, которые очерчивают внутренние и внешние социальные границы ее ареала.

Несмотря на свою латентность, территориальная идентичность продолжает играть важную роль в формировании паттернов и выстраивания стратегий межгруппового взаимодействия, которые позволяют проводить эффективную политику современного национал-патриотического движения России с учетом исторических, социокультурных особенностей каждого региона.

---

⁸ Примерами могут являться «Типичный Балаково». URL: https://vk.com/typical_balakovo (дата обращения: 15.04.2023); «Типичный Саратов». URL: https://vk.com/novosti_saratov1 (дата обращения: 15.04.2023).

⁹ Суд КБР огласит итоги отводов присяжных по делу о нападении на Нальчик. Цитата: «После заявленных ранее самоотводов на процессе рассматриваются кандидатуры только 25 кандидатов в присяжные. Из них суду предстоит отобрать 24 запасных присяжных, так как на предыдущих заседаниях из 1200 человек было отобрано только 13 присяжных». URL: <https://ria.ru/20081209/156793168.html> (дата обращения: 15.04.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / отв. ред. А.Х. Абазов, Ю.Д. Анчабадзе, А.В. Куш-хабиев, М.М. Паштова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Кабардино-Балкарский научный центр РАН; Адыгейский республиканский ин-т гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. М.: Наука, 2022.
- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*, 2002. № 3. С. 61–115. DOI: 10.1353/impr.2002.0025.
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.
- Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: Наука, 1973.
- Гельман В., Попова Е. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России / Под ред. В. Гельмана, Т. Холфа. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2003. С. 187–254.
- Дробижева Л.М. (ред.) Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia, 2002.
- Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.
- Семенов И.С. (ред.) Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир, 2017.
- Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98.
- Казакова Г.М. «Вернакулярный район» как условие интенсификации социальных процессов // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 57–65. DOI: 10.7868/50132162517090070.
- Козырев Ю.Н., Козырева П.М. Дискурсивность социальных идентичностей // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 23–43.
- Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010.
- Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
- Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Михайлов В., Рунге Й. Идентификация человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 52–62. DOI: 10.31857/5013216250003747-4.
- Мякшев А.П. Национальный состав Саратовской области в начале XXI века: этапы складывания и перспективы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 541–548. DOI: 10.18500/1819-4907-2021-21-4-541-548.
- Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Полунин Ю.А. и др. Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. М.: МГИМО–Университет, 2007.
- Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии: учебное пособие. М.: ВШЭ, 2011.
- Тишков В.А. Национальная идея России. М.: АСТ, 2021.
- Ярлыкапов А.А. Исламская мозаика на Северном Кавказе: вызовы для государственно-конфессиональных отношений // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Т. 1 / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 27–33.
- Twigger-Ross C.L., Uzzell D. Place and identity processes // *Journal of Environmental Psychology*. 1996. Vol. 16. P. 205–220.

Статья поступила: 23.01.23. Финальная версия: 24.04.23. Принята к публикации: 12.05.23.

TERRITORIAL IDENTITY: STRUCTURE, BOUNDARIES, REPRODUCTION

MOKIN K.S.*, BARYSHNAYA N.A.**

* *Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia*

** *Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University, Russia*

Konstantin S. MOKIN, Dr. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Institute of Sociology of FCTAS RAS (mokin_konstantin@list.ru); Natalia A. BARYSHNAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Professor at the Department of Sociology, Ethnography and Sociometry, Russian State Social University (socis64@gmail.com). Both – Moscow, Russia.

Acknowledgements. This work was supported by RFBR “Territorial identity: factors, mechanisms and instruments of formation (comparative analysis of the constituent entities of the Russian Federation and the Republic of South Ossetia)”, grant № 20-511-07004.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the phenomenon of territorial identity as a reflection of modern transformation processes and a relevant indicator of the potential for social mobilization of residents in local territories. The research objectives were to analyze the structure of territorial identity, the forms and mechanisms of reproduction of the external and internal social boundaries of the territorial identity area, and the role of social networks in its reduction. The analysis of the data is based on sociological studies conducted in the Saratov region, the Kabardino-Balkar Republic, and the Republic of South Ossetia. It describes the structural characteristics of territorial identity, the processes of formation of its social boundaries, and evaluates social networks as tools for its preservation, formation, and transformation. The authors conclude that territorial identity occupies a leading place in the structure of an individual self-identification and can be a powerful group consolidating factor.

Keywords: territorial identity; ethnicity; social boundaries; social mobilization; social networks; Saratov region; Republic of Kabardino-Balkaria; Republic of South Ossetia.

REFERENCES

- Anchabadze D., Kushkhabiev A., Pashtova M. et al. (eds) (2022) *Adygs: Adygeans. Kabardins. Circassians. Shapsugi*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Anderson B. (2016) *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, Moscow: Kuchkovo Pole. (In Russ.)
- Brubaker R., Cooper F. (2002) Beyond Identity. *Ab Imperio*. No. 3: 61–115. DOI: 10.1353/imp.2002.0025. (In Russ.)
- Brubaker R. (2012) *Ethnicity without groups*. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (ed.) (2002) *Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality*, Moscow: Academia. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2003) *Social Problems of the Interethnic Relations in Post-Soviet Russia*. Moscow: Tsentr Obshchelovecheskich Zennostei. (In Russ.)
- Gelman V., Popova E. (2003) Regional Political Elites and Strategies of Regional Identity in Modern Russia. In: Gelman V., Hopf T. (eds) *Center and Regional Identities in Russia*. Saint-Petersburg: EUSP Press: 187–254. (In Russ.)
- Kachanov Y.L., Shmatko N.A. (1998) Territorial identity as a subject of sociological research. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 4: 94–98. (In Russ.)
- Kazakova G.M. (2017) “The Vernacular Area” as Condition for the Intensification of Social Processes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 9: 57–65.
- Kozyrev Y.N., Kozyreva P.M. (1995) Discursiveness of Social Identities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 2: 23–43. (In Russ.)
- Krylov M.P. (2010) *Regional Identity in the European Russia*. Moscow: Novyj khronograf. (In Russ.)
- Lefebvre A. (2015) *The Production of Space*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
- Malakhov V. (2014) *Cultural Differences and Political Boundaries in the Age of Global Migration*, Moscow: NLO. (In Russ.)
- Mikhajlov V., Runge J. (2019) Identification of Individual. Territorial Communities and Social Space: An Attempt of Conceptualisation. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. No. 1: 52–62. DOI: 10.31857/S013216250003747-4. (In Russ.)

- Myakshev A.P. (2021) The national composition of the Saratov region at the beginning of the XXI century: The stages of folding and prospects. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. Vol. 21. Iss. 4: 541–548. DOI: 10.18500/1819-4907-2021-21-4-541-548. (In Russ.)
- Melville A.Yu., Ilyin M.V., Polunin Yu.A. et al. (2007) *The Political Atlas of Modernity: Experience in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States*. Moscow: "MGIMO University" Publishing House. (In Russ.)
- Semenenko I. (ed.) (2017) *Identity: the individual, society, and politics*. An encyclopedia. Moscow: VES MIR. (In Russ.)
- Tatarko A.N., Lebedeva N.M. (2011) *Methods of ethnic and cross-cultural psychology: textbook*, Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)
- Tishkov V.A. (2021) *The National Idea of Russia*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Twigger-Ross C.L., Uzzell D. (1996) Place and identity processes. *Journal of Environmental Psychology*. Vol. 16: 205–220.
- Volkova N.G. (1973) *Ethnonyms and tribal names of the North Caucasus*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Yarlykapov A.A. (2016) The Islamic Mosaic in the North Caucasus: Challenges for State-Confessional Relations. In: Tishkov V.A., Stepanov V.V. (eds) *Ethnopolitical Situation in Russia and Neighboring Countries in 2014*. Vol. 1. Moscow: IEA RAN Publ.: 27–33. (In Russ.)

Received: 23.01.23. Final version: 24.04.23. Accepted: 12.05.23.

© 2023 г.

А.В. АТАНЕСЯН

«РУССКИЕ РЕЛОКАНТЫ» В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЕЖИ АРМЕНИИ

АТАНЕСЯН Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Ереванского государственного университета, Ереван, Армения (atanesyan@yandex.ru).

Аннотация. Анализируются особенности восприятия армянской молодежью «релокантов», переезжающих в Армению в условиях военных действий на Украине. Основной метод исследования – фокус-групповые обсуждения с представителями армянской молодежи столицы и всех регионов Армении в октябре – ноябре 2022 г. (24 фокус-группы, N = 198). Говоря о переехавших в Армению жителях России, Украины и Беларуси, большинство участников фокус-групповых обсуждений называют их собирательно «русскими», отчасти исходя из стереотипных представлений о них как «представителях одной нации», отчасти – из собственного опыта наблюдения и общения с переехавшими, среди которых россиян большинство. Широко распространено восприятие приезжих как «айтишников». Приезд «русских релокантов» воспринимается позитивно в плане их влияния на экономику страны, но негативно из-за вызванного наплывом приезжих роста цен на недвижимость. Поведенческая культура приезжих, их активный интерес к местной культуре, достопримечательностям, бережное отношение к экологии и т.д. служат примером для подражания. Критику вызывает ненормативная лексика многих приезжих, а также безразличие и отчужденность тех, кто, вероятно, планирует скорый отъезд и не пытается адаптироваться.

Ключевые слова: «русские» • «релоканты» • восприятие мигрантов • адаптация • молодежь Армении

DOI: 10.31857/S013216250026383-4

Армения как направление «релокации». После начала военных действий на Украине с территорий России, Украины и Беларуси выехало большое количество граждан этих стран, существенно превосходящее привычные масштабы сезонного туризма. Статистика количества «переехавших» в разные страны за этот период меняется (а по выехавшим из Беларуси практически отсутствует), однако, по оценкам, в течение 2022 г. из РФ переехало по меньшей мере 700 тыс., из Украины – примерно 8–12 млн человек¹. При этом

Статья подготовлена на материале исследования, проведенного сотрудниками факультета социологии Ереванского государственного университета в сотрудничестве с Фондом Конрада Аденауэра в Армении и экспертным центром «Социес», а также при финансовой поддержке Ереванского государственного университета в рамках проекта «Механизмы создания и распространения фейковых новостей в социальных сетях» (2022–2024).

¹ См., напр.: НБУ существенно ухудшил прогноз количества украинских беженцев за границей // РБК-Украина. 28 октября 2022. URL: <https://www.rbc.ua/ukr/news/nbu-suttevo-pogirshiv-prognoz-shchodo-kilkosti-1666948690.html> (дата обращения: 26.12.2022); Страна убытия // Новая газета. 23 декабря 2022. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/12/27/strana-ubytiia> (дата обращения: 27.12.2022).

выезды/переезды россиян в другие страны в период военных действий можно поделить на два этапа: первая волна – после начала военных действий 24 февраля 2022 г., вторая – после начала частичной мобилизации в армию 21 сентября 2022 г.

Покидая свои страны в спешном порядке, многие граждане не успели заранее подготовиться к отъезду. С начала военных действий для граждан Украины были организованы упрощенные процедуры приема и адаптации в странах ЕС, США, Канаде и т.д., тогда как гражданам РФ и Беларуси, наоборот, либо перестали выдавать въездные визы, либо усложнили данный процесс. Кроме того, в странах Запада стало активно тиражироваться негативное отношение к гражданам России, к русскоязычным приезжим в целом². Россияне оказались ограничены в направлениях отъезда (отменено большинство авиарейсов между РФ и странами Запада), в технических возможностях бронирования и оплаты жилья на новом месте (по причине отмены действия финансовой системы Visa и Master для россиян), в материальных средствах, а также в необходимой для переезда информации. Для подобной подготовки, особенно у выехавших первой волной, не было ни времени, ни достаточной информации, тогда как для выезжавших второй волной в принимающих странах уже была правовая и информационная поддержка, в том числе государственными и гражданскими активистами, а также прибывшими первой волной. В частности, на создававшихся для этого информационных платформах (блогах, форумах и т.д.) выехавшие первой волной делились опытом адаптации, адресами доступного жилья, особенностями местной культуры и т.д.³

Спешный выезд был связан также с проблемой выбора страны, законодательство которой предполагало бы возможность получения необходимого вида на жительство и гражданства в сравнительно несложном порядке. Поэтому для «переехавших», особенно для россиян, основными транзитными либо конечными направлениями переезда стали отдельные бывшие советские республики со знакомой культурно-языковой средой и безвизовым либо упрощенным визовым режимом – Армения, Казахстан, Грузия и др. Существенно увеличившийся наплыв россиян был также связан с желанием/необходимостью вернуться в систему карт Visa/Master – открыть банковский счет с такой картой («карточные туры») в стране ближнего/доступного зарубежья [Пылин, 2022: 135].

Среди переехавших быстро распространилось самоназвание – «релоканты». Этот термин, несмотря на недостаточную разработанность в миграционной теории [Croitoru, Vlase, 2021], активно используется в IT- и бизнес-корпорациях, которые позволяют своим дистанционным работникам при определенных условиях провести «релокейт» – переехать в другую страну с сохранением рабочего места⁴. «Релоканты» одновременно и трудовые мигранты, и IT-мигранты («цифровые номады»), и беженцы, и политические эмигранты, и даже туристы, но одновременно ни те, ни другие, ни третьи в полном смысле слова⁵. Большое количество переехавших на временное или постоянное место жительства сохраняют прежние источники доходов, работая на расстоянии. Выбор страны переезда для релокантов был отчасти предопределен предпочтениями международных компаний, на которые работали переехавшие и которые сами переводили за границу России свои российские филиалы (включая сотрудников)⁶. Вместе с тем, называя себя

² См., например: Бытовое давление. Русских в Европе и США преследуют и унижают из-за событий на Украине. Как они стали врагами общества? // Lenta.ru. 2 июня 2022. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/06/02/russophobia/> (дата обращения: 23.10.2022).

³ См., например: Гайд по релокации. 2022. URL: <https://relocation.guide/> (дата обращения: 12.10.2022); Move2Armenia (блог). URL: <https://move2armenia.am/blog/> (дата обращения: 18.03.2023).

⁴ Белорусы за границей – релоканты или беженцы? 2020. 15 декабря 2020. URL: <https://web.archive.org/web/20220519022128/https://pramen.io/ru/2020/12/belarusy-za-granitsey-relokanty-ili-bezhentsy/> (дата обращения: 15.03.2022).

⁵ Абашин С. Релоканты // Фонд Либеральная миссия. 2022. 31 марта 2022. URL: <https://liberal.ru/authors-projects/relokanty> (дата обращения: 16.03.2023).

⁶ «Русские здесь почти свои»: как временно переехавшим красноярцам сейчас живется в Армении // Newslab.ru. 2023. 15 февраля 2023. URL: <https://newslab.ru/article/1155153> (дата обращения: 16.02.2023).

«релокантами», многие уехавшие, вероятно, тем самым пытаются избежать возможных обидных клише, связанных с возможным негативным к себе отношением как к эмигрировавшим в сложное для своей страны время. Релоканты на такие обвинения могли бы возразить, что они не убежали и не переехали, а «просто» работают из другого места.

В принимающих обществах складывался стереотипный образ релокантов как в основном представителей сферы информационных технологий – «айтишников»; такой стереотип обусловлен занятостью многих релокантов в аутсорсинге международных IT-компаний. Среди переехавших действительно было большое количество представителей сферы информационных технологий, что позволило говорить об их массовом «исходе»⁷. Обобщенному восприятию приезжих как «айтишников» в принимающих обществах также способствовал в основном молодой возраст переселенцев, работающих в сфере информационных технологий, а также тех, кто переехал, чтобы избежать призыва в армию.

Однозначная и полноценная статистика по количеству въехавших в Армению и осевших граждан РФ, Украины и Беларуси на момент проведения данного исследования отсутствовала. Согласно данным министра экономики Армении Ваана Кербояна, к концу 2022 г. в Армению переехало около 110 тыс. человек, в основном из РФ, а также из Украины и Беларуси, из них 60 тыс. – люди с армянскими фамилиями. По словам министра, «это мобильные, активные и талантливые люди, которые вносят важный вклад в развитие общества...»⁸. По некоторым альтернативным данным, к концу 2022 г. в Армении за вычетом уехавших осело не менее 40 тыс. россиян⁹. В Армении зарегистрировалось порядка 850 компаний с российскими корнями и 350 индивидуальных предпринимателей; примерно 40 тыс. физических и юридических лиц открыли около 100 тыс. счетов в армянских банках¹⁰. В этой связи банковская сфера Армении в короткие сроки обеспечила равноправное с международными аналогами хождение на территории страны банковских карт МИР, информационное сопровождение услуг на русском языке, а Комитет государственных доходов Армении инициировал переподготовку сотрудников налоговой и таможенной служб страны по русскому языку¹¹, чтобы обеспечить работу с обращающимися к ним русскоязычными гражданами других государств.

Несмотря на моноэтничность населения Армении, одним из факторов, способствующих привычному позитивному восприятию иностранцев (в данном случае – релокантов) в армянском обществе, являются традиционное гостеприимство и такая же традиционная трудовая миграция жителей Армении. Основным направлением сезонной трудовой миграции жителей Армении была и остается РФ¹². Кроме того, Армения испытала два недавних больших миграционных наплыва – сирийских армян (примерно 22 тыс. человек)

⁷ См., напр.: *Полтаржицкий С.* Направления релокации белорусских и российских айтишников не совпадают // Thinktanks.by. 09 июня 2022. URL: <https://thinktanks.by/project/2022/06/09/napravleniya-relokatsii-belorusskih-i-rossiyskih-aytishnikov-ne-sovpadayut.html> (дата обращения: 11.01.2023).

⁸ Министр экономики назвал число приехавших в Армению релокантов // Агентство международной информации. 24 декабря 2022. URL: <https://newsarmenia.am/news/armenia/ministr-ekonomiki-nazval-chislo-priekhavshikh-v-armeniyu-relokantov/> (дата обращения: 08.01.2023).

⁹ Каждый сотый житель Армении – российский беженец. Как интегрируются новоприбывшие и что о них думают армяне // Настоящее время. 4 марта 2023 (признан на территории России иностранным агентом). URL: <https://www.currenttime.tv/a/immigrants-from-russia-to-armenia/32296311.html> (дата обращения: 21.04.2023).

¹⁰ Гердо В. Армения приняла свыше 50 тысяч IT-специалистов из России // RTVI. 5 сентября 2022. URL: <https://rtvi.com/news/armeniya-prinyala-svyshe-50-tysyach-it-spezialistov-iz-rossii/> (дата обращения: 08.10.2022).

¹¹ «Россотрудничество» начало курсы русского языка для сотрудников КГД Армении // Sputnik Armenia. 06 февраля 2023. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/20230206/rossotrudnichestvo-nachalo-kursy-uluchsheniya-russkogo-yazyka-dlya-sotrudnikov-kgd-armenii-54943365.html> (дата обращения: 06.02.2023).

¹² См., например: Migration Profile of The Republic of Armenia, 2019 // International Organization for Migration and Statistical Committee of the Republic of Armenia. Yerevan, 2021. URL: https://armstat.am/file/article/migrationprofile_2019_eng.pdf (дата обращения: 19.04.2023).

во время гражданской войны в Сирии¹³ и армян-беженцев во время и после карабахской войны 2020 г. (примерно 90 тыс., из них около 40 тыс. остались в Армении)¹⁴. Наконец, Армения – популярное туристическое направление. Вместе с тем подобного широкомасштабного переезда русскоязычного (в частности, славянского) населения в Армению не было за всю ее постсоветскую историю [Brownbridge, Canagarajah, 2020].

Появление релокантов в определенной степени разнообразило привычную социальную среду. Приезжие/переехавшие/релоканты стали соседями по дому и двору, коллегами, посетителями и сотрудниками (в том числе в сфере обслуживания), темой повседневного и профессионального дискурсов. Отмечается активное освоение приезжими местного физического, социального, культурно-языкового пространства, включая жизнь столиц и регионов [Евстратов, 2022]. Так, в Ереване усилиями переехавших открылось кафе «Релокант», в котором периодически проводятся тематические встречи и дискуссии. Инициативная группа «релокантов» на площадке Telegram-канала *Green Green* мобилизует переехавших и местных жителей на уборку улиц и парков Еревана.

Такие вопросы, как восприятие местными жителями приезжих в рамках либо вне рамок их национальности, культуры (прежде всего бытовой), опыт межкультурного общения и взаимодействия, восприятие возможных изменений в жизни общества на бытовом, экономическом и других уровнях, необходимо изучать и решать через конкретные социологические исследования. Актуальность решения подобных задач связана не только с необходимостью фиксации, описания и объяснения значимых текущих социальных фактов и событий, но и с возможностью прогнозирования развития ситуации, в том числе с точки зрения социальной адаптации, культурной дистанции, межкультурной коммуникации и интеракции.

Методика исследования. Учитывая вероятность наличия различных восприятий образа приезжего/переехавшего/релоканта в принимающих обществах, основанных на стереотипных восприятиях, личных наблюдениях, опыте коммуникации и интеракции с приезжими, мы поставили задачу выяснения характеристик и особенностей подобных восприятий в армянском обществе, в частности у армянской молодежи. Преимуществами молодежи в данном случае являются её коммуникабельность и интерактивность, а также наименьшая по сравнению с другими возрастными группами (не считая детей) отягощенность межэтническими стереотипами и предыдущим опытом, возникшими до появления в армянском обществе в связи с военными действиями на Украине существенного числа переехавших. Возможно, для более взрослого населения, имеющего длительный и функциональный опыт русскоязычного общения и взаимодействия в связи с общесоветским прошлым, появление в армянском обществе большого русскоязычного сегмента является делом привычным, тогда как для армянской молодежи – новшеством¹⁵. В то же время молодежь может воспринимать негативные с точки зрения местной культуры и быта поведенческие проявления приезжих менее остро, нежели более консервативное взрослое население.

Мы попытались выявить свежий опыт, восприятие и оценочные суждения молодежи Армении по поводу возможных изменений в жизни армянского общества, связанных с массовым переездом в Армению граждан России, Украины и Беларуси, а также охарактеризовать собирательный образ «релоканта» в восприятиях армянской молодежи. В качестве основного

¹³ Hayrapetyan A. UNHCR helps displaced Syrian-Armenians facing hardship amid pandemic // UNHCR. 28 May 2020. URL: <https://www.unhcr.org/news/stories/unhcr-helps-displaced-syrian-armenians-facing-hardship-amid-pandemic#:~:text=Around%2022%2C000%20Syrians%20have%20fled,the%20cultural%20and%20historical%20connection> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁴ Migration and displacement in Armenia: Three stories of loss and perseverance // UNSDP. 19 October 2021. URL: <https://unsdg.un.org/latest/stories/migration-and-displacement-armenia-three-stories-loss-and-perseverance> (дата обращения: 19.04.2023).

¹⁵ Забегая вперед, хотим отметить, что недостаточного уровня владения русским языком, а также нежелания общаться на русском среди армянской молодежи мы не обнаружили, по крайней мере в высказываниях и самооценках самих участников исследования.

метода исследования были выбраны фокус-групповые обсуждения. Полевая часть исследования осуществлена на базе факультета социологии Ереванского государственного университета в период 22 октября – 22 ноября 2022 г. В рамках исследования проведены 24 фокус-групповых интервью с представителями молодежи Армении по всей стране, включая 6 фокус-групп в Ереване (45 участников) и 18 фокус-групп в остальных 10-ти регионах Армении (153 участника); в целом в обсуждениях участвовало 198 молодых людей. Выборка осуществлялась по двум возрастным когортам молодежи – 18–25 и 26–35 лет, а также по принципу проведения обсуждений в мужских, женских и смешанных группах¹⁶.

Толерантность в восприятии «русских релокантов». Прежде всего, следует отметить, что, говоря о приезжих, участники всех фокус-групповых обсуждений называли их собирательным термином «русские». В обсуждениях существенно реже звучало «русские и украинцы»; ни разу, говоря о приезжих, не упоминались белорусы. Восприятие всех приезжих как «русских» может означать, во-первых, отсутствие связанных с военными действиями на Украине политически обусловленных ксенофобий, во-вторых, стереотипность восприятия образов россиян, украинцев и белорусов как представителей единой восточнославянской общности и, в-третьих, их внешнюю схожесть (по крайней мере, в восприятиях жителей Армении). Подобные восприятия подтвердились преимущественно позитивными высказываниями участников групповых обсуждений о приезжих «русских» в целом (за исключением отдельных критических наблюдений за их бытовым поведением). Ни в одном обсуждении не было отмечено положительных или отрицательных особенностей приезжих как представителей именно конкретной национальности (этнуса) или конкретного государства. Напротив, во время обсуждений молодые люди нередко высказывали сожаление по поводу военных действий между «представителями единой нации»: *«Вы посмотрите на российско-украинскую войну: украинцы ведь – те же русские, а история России начинается с Киевской Руси, т.е. Россия началась с Киева, откуда пошел русский народ, а теперь что там происходит!»* (м., группа 18–25 лет, с. Геташен).

Во время обсуждений участниками нередко проводились параллели между российско-украинским и армяно-азербайджанским конфликтами. В частности, проводя сравнение между конфликтами на Украине и в Карабахе, участники обсуждений считали конфликт между армянами и азербайджанцами (представителями различных национальностей и культур) более понятным, в то время как конфликт между Россией и Украиной – противоестественным.

Одним из характерных элементов образа приезжих является их восприятие армянской молодежью как «айтишников», что отчасти соответствует саморепрезентации самих приезжих. Согласно таким восприятиям, приезжие – это преимущественно молодые люди (в основном – молодые пары либо с ребенком/детьми, либо без), работающие в сфере информационных технологий и потому в основном интеллигентные, активные, продвинутые, финансово обеспеченные, вежливые. По мнению участников групповых обсуждений, такие «позитивные» люди – не самый распространенный тип (в российском и в армянском обществах), поэтому *«нам повезло, что среди приезжих много таких людей»*. Вместе с тем, называя и нередко считая приезжих «айтишниками», ни в одном обсуждении их не называли «релокантами»; данный термин среди армянской молодежи (пока) не прижился.

Приезжие на рынке труда и недвижимости. Кроме занятости на рынке международных компаний, в частности, в сфере информационных технологий, армянская аудитория замечает активную занятость молодых русскоязычных приезжих в сфере обслуживания. Как заметила одна из ереванок: *«Русских стало больше в службах доставки, в кафе и ресторанах, и работают они очень хорошо»* (ж., группа 18–25 лет, г. Ереван).

¹⁶ В регионах Армении фокус-групповые обсуждения проводились преимущественно в смешанных группах с участием жителей райцентров и сел. В Ереване было проведено по одной мужской, женской и смешанной фокус-группе в каждой возрастной когорте, в регионах – 10 женских, 4 мужские и 4 смешанные фокус-группы, в том числе 7 групповых обсуждений с сугубо сельскими жителями и 11 обсуждений с участием либо жителей райцентров, либо молодежи из райцентра и близлежащих сел.

С точки зрения экономических интересов страны молодые участники фокус-групп наплыв приезжих оценивают в целом позитивно: «Лично я отношусь к приезду большого количества людей абсолютно позитивно: чем больше приедет людей, тем лучше, если это не будет угрожать суверенитету нашей страны. Пусть приезжают, живут, на это нельзя плохо смотреть, люди привозят свой бизнес, и даже если просто становятся рабочими, это все равно развивает экономику страны, это человеческий ресурс» (м., группа 26–35 лет, с. Джрвеж). Некоторые приводили примеры из собственного опыта: «Гражданин России приехал в Армению больше, чем из Украины. Открыли много новых организаций, платят налоги, столько тратят. Работая в гостинице, вижу, как за год увеличились наши доходы, а ведь год назад гостиница почти пустовала, теперь же нет дня, чтобы у нас пустовали комнаты» (м., группа 18–25 лет, г. Ереван).

В то же время появление на рынке труда конкуренции в лице приезжих у части местной молодежи вызывает опасения, связанные с ограниченностью рабочих мест и рисками потерять работу. По словам одной из участниц фокус-групп, живущей в одном из крупных городов, «с кем бы из друзей ни разговаривала, многие жалуются, что в ресторанах стали активно принимать на работу русскоязычных сотрудников, которые лучше обслуживают приезжих русскоязычных посетителей. Получается, что армянских сотрудников, уступающих русскоязычным в плане владения русским языком, увольняют, исходя из интересов своего бизнеса» (ж., группа 26–35 лет, г. Ванадзор). С другой стороны, многие молодые участники групповых обсуждений, наоборот, высказались в пользу приезжих русскоязычных сотрудников, которые, по мнению молодежи, способствуют развитию рынка труда, особенно в столице Армении: «Приезд в Армению русских оцениваю позитивно, они очень продуктивные, в частности, способствуют развитию сектора IT в Армении» (ж., группа 18–25 лет, г. Ереван); «В Ереване бываю нечасто, езжу туда редко, но знаю от знакомых, что на работу в сфере обслуживания местная молодежь не очень стремится, тогда как приезжие с удовольствием устраиваются» (м., группа 18–25 лет, г. Вайк).

От приезда «релокантов», по мнению молодых армян, есть, конечно, и минусы. Резкий скачок цен на недвижимость – основной негативный аспект, озвученный во всех групповых дискуссиях. Рост цен на покупку и особенно аренду квартир в связи с резким увеличением спроса и ограниченностью предложения ударил по карману, прежде всего, молодых семей и студентов, особенно тех, кто приезжает на учебу из регионов Армении в столичные вузы, не имея особых средств. Резкий скачок цен на аренду в Ереване даже самых дешевых квартир поставил студентов в трудное положение: «С их приездом выросли цены на недвижимость. Это касается и аренды жилья, цены на аренду выросли в несколько раз. Если сейчас вам понадобится снять внаем квартиру, то за двухкомнатную вам придется заплатить как минимум 700 долл. в месяц, когда как раньше можно было снять ту же квартиру за 200–300 долл.» (ж., группа 18–25 лет, г. Ереван); «Студенты, приезжающие из деревни в Ереван учиться, раньше снимали квартиру за 50–70 тыс. драм (примерно 120–150 долл., прим. автора), а сейчас вынуждены платить 200 тыс. (примерно 400 долл.) и более. Приезжие могут себе это позволить, а нашему студенту где такие деньги взять?» (м., группа 18–25 лет, с. Геташен).

Впрочем, в большинстве обсуждений молодые участники были склонны винить в росте цен на недвижимость не приезжих, а соотечественников, которые воспользовались возникшей возможностью и отчасти искусственно взвинтили цены: «Как только те приехали, проявилась негативная черта наших: они были готовы выкинуть на улицу местных, которые жили у них внаем, чтобы отдать квартиру приезжим лишь потому, что те готовы больше заплатить. А ведь совсем недавно был наплыв беженцев из Карабаха, которым тоже приходилось снимать квартиру, но тогда ради них никто квартиры не освобождал» (ж., группа 26–35 лет, г. Ереван).

При этом отмечалось, что корыстный выбор в пользу приезжих (рыночное мышление) нарушает типичную для Армении национальную консолидацию: «К сожалению, есть люди, которые даже из сложившейся ситуации пытаются извлечь для себя пользу – готовы

выгнать армян из дому и отдать квартиру подороже русским. Но ведь мы должны прежде всего заботиться о самосохранении, а русские здесь всего лишь временно, даже если приехали на десять лет, то как только у них снова все нормализуется, то оставят и уедут» (ж., группа 18–25 лет, г. Гюмри).

Образ приезжих: стереотипы и реалии. Напомним, что, говоря о приезжих/переехавших в Армению в период военных действий на Украине, молодые люди в основном называли их собирательно «русскими»; отдельно о русских, украинцах и белорусах практически никто не говорил. Тем не менее мы попытались выяснить, насколько образы приезжих из России и Украины в восприятии участников фокус-групп различны и схожи.

Наша исходная информация о восприятии армянской молодежью русских и украинцев как «представителей одной нации», либо как людей с одинаковыми/схожими характеристиками, полностью подтвердилась. Часть ответов звучала так: украинцы – «те же русские, только язык немного другой», «русские, стремящиеся в Европу».

Стереотипные наборы собирательных качеств и характеристик одинаково приписывались как русским, так и украинцам, причем как позитивные, так и негативные. Среди позитивных качеств, приписываемых россиянам и украинцам, называли то, что они искренние, красивые, опрятно выглядят, вежливые, законопослушные, свободолюбивые. Но было много и одинаково приписываемых россиянам и украинцам негативных (с точки зрения участников фокус-групповых обсуждений) качеств: матриархат («у них женщины работают, мужчины ничего не делают», «вся ответственность на женщинах»); живут одним днем («у них там война, а они тут сидят на Каскаде¹⁷, как ни в чем не бывало»; «во время войны позволяют себе много удовольствий, не думая, что у них в стране происходит»; «пока с ними что-нибудь не случится, не пошевелятся»); безразличные друг к другу («сосед соседа не знает», «мимо лежащего пройдут, руки не протянут»); нереализованный потенциал («народ с огромным потенциалом, который никак не могут реализовать», «до сих пор не могут создать нормальный автомобиль»).

Участники групповых обсуждений приводили ассоциативный ряд явлений и терминов, связанных как с сугубо русскими/россиянами (Путин, Кремль, Сталин, Советский Союз, алкоголь, конфеты «Алёнка», газ, коррупция, спецназ и др.), так и с сугубо украинцами (Киев, Одесса, котлета, красивые девушки, землелашцы, волевые люди, стриптиз, шоу-бизнес и др.). Вероятно, такие ассоциации у молодых людей возникли не только и не столько из ограниченного личного опыта, сколько из различных источников информации, в том числе активно тиражирующих подобные образы СМИ. Ассоциативный ряд, приводимый молодыми армянами по образам России и Украины, в очередной раз свидетельствует о слабости либо об отсутствии у данных государств политики модернизации позитивного самоимиджа и его распространения (по крайней мере в соседних государствах) [Атанесян, Мкртчян, 2022; Медоева, Василенко и др., 2013].

По мнению участников фокус-групповых обсуждений, приехавшие/переехавшие в Армению «русские» в собирательном восприятии – это активные, культурные и любознательные люди, путешествующие по стране, осваивающие и популяризирующие армянскую культуру, ее исторические места и памятники на своих каналах и блогах для широкой аудитории, проявляющие тем самым к Армении уважительное отношение. Вот примеры такого позитивного восприятия: «Приезжающие к нам русские – интеллигентные, современные люди, активные люди, много путешествующие, интересующиеся страной, пропагандирующие Армению и все армянское» (м., группа 18–25 лет, г. Вайк); «Я считаю, что русские привезли в наш город много нового: у себя в блогах и в Инстаграме они рассказывают об Армении, показывают исторические, культурные места, и даже рядом с Ереваном обнаружили объекты культуры, о которых я не слышала. Приезжие популяризируют русский язык, и это очень важно. Правда, они много матерятся, но, думаю, перестанут со временем, когда

¹⁷ Архитектурная достопримечательность Еревана – комплекс отдыха в центре столицы с дорогими кафе и ресторанами.

поймут, что у нас это не принято. Я жила в России и могу сказать, что здесь они ведут себя намного сдержаннее, чем там» (ж., группа 18–25 лет, г. Ереван).

Частое использование в повседневном общении ненормативной лексики – одно из основных негативных замечаний по поводу поведения приезжих. Во время обсуждений молодыми людьми (в том числе жителями столицы) высказывались замечания и по поводу внешнего вида части приезжих, не соответствующего привычным в Армении нормам поведения и рамкам приличия: «Гуляю с ребенком, смотрим, как они (приезжие) ходят в шортиках, похожих на трусы, и это неприятно видеть. Это – неуважение к нашим нормам и традициям. Также, например, у нас не принято распивать алкоголь в парках, а тут смотрю – сидят на лавочке, пьют пиво, потом оставили там же пустые бутылки и ушли» (ж., группа 26–35 лет, г. Ереван); «Вижу – идет четырнадцатилетний мальчик, и не понятно, мальчик это или девочка, – весь в татуировках и пирсинге...» (ж., группа 18–25 лет, г. Горис); «Недавно заходит в магазин девица в коротеньких шортиках и с сигаретой в руках. Заметила, что строго на нее посмотрели, сигарету потушила» (ж., группа 18–25 лет, г. Гюмри).

Нестандартную с точки зрения национальной поведенческой культуры и армянской повседневности активность приезжих отмечают в Ереване и в других регионах Армении. Это вызывает как позитивные чувства заинтересованности, любопытства, желания поучаствовать и поучиться чему-то новому, так и обеспокоенность непривычностью ситуации. Вот одно из развернутых описаний противоречивости в восприятии «русских релокантов» даже жителями столицы Армении: «В плане культуры они привезли в Армению много нового. Думаю, теперь многие из нас уже знают инстаграм-канал "Настя, это где?"¹⁸ благодаря тому, что авторы рассказывают интересные вещи о нашей стране, иногда даже то, чего мы о себе не знали. Кроме того, приезжие ставят театральные постановки, интересные и непривычные. Недавно ходил на постановку "Черешневый сад", созданную приезжими по мотивам событий в Украине, показанных на примере судьбы молодой девушки. Во время постановки героиня вдруг начала раздеваться, подходить вплотную к зрителям, параллельно стали снимать и показывать на экране наши удивленные лица, включилась озвучка в жанре 18+. Все это неоднозначно. Либо это не искусство, либо мы к такому не привыкли» (м., группа 26–35 лет, г. Ереван).

К выделяющемуся из армянской повседневности внешнему виду и поведению «релокантов» в регионах страны относятся еще более настороженно, чем в Ереване. Участники групповых обсуждений нередко приводили доводы, связанные с возможным негативным воздействием непривычного поведения приезжих именно на детей и подростков, которые, по мнению участников дискуссий, могут перенять подобный образ и поведение, внести в жизнь локальных сообществ негативную динамику и конфликтность. Однако такая точка зрения активно оспаривалась: «Сейчас мы считаем подобное поведение недопустимым, но, скажем, через десять лет вследствие подобного влияния станет нормальным половая жизнь или употребление наркотиков в подростковом возрасте» (ж., группа 18–25 лет, г. Горис); «В XXI веке невозможно держать свои границы закрытыми для других народов, других культур, даже стыдно об этом говорить» (ж., группа 26–35 лет, г. Гюмри).

Среди опасений молодых людей касательно приезда в страну большого наплыва иностранцев фигурируют и риски, связанные с безопасностью страны. В частности, по мнению молодых людей, с российскими или украинскими паспортами в Армению могут беспрепятственно приезжать представители тех государств, которые являются для Армении враждебными, и осуществлять опасную для страны и общества деятельность: «В Армению с российскими паспортами приезжают турки¹⁹ и скупают недвижимость. Я недавно таким образом продала квартиру двум россиянам, не зная, что это турки» (ж., группа 18–25 лет, г. Гюмри).

¹⁸ Имеет в виду Инстаграм-канал (запрещенная сеть на территории России): <https://www.instagram.com/nastilatte/?hl=en>

¹⁹ Турки и азербайджанцы позиционируют себя как «одна нация, два государства» и в силу исторических и современных факторов одинаково воспринимаются в армянском обществе как враги [Атанесян, Мкртчян, 2023: 16].

Еще одной темой опасений молодых людей является получение большим количеством приезжих гражданства Армении и связанные с этим политические риски. Некоторые участники дискуссий озвучили предположение, что в случае получения приезжими армянского гражданства и их объединения в политические организации они смогут баллотироваться в парламент и влиять на политические процессы в стране: *«Приезжие мне совсем не мешают, они живут своей жизнью, на свои средства, никому не доставляют никаких хлопот. Но, мне кажется, через несколько лет они смогут объединиться, сформулировать свои политические задачи, и начать влиять на политику страны, например, через выборы в парламент»* (ж., группа 26–35 лет, г. Ванадзор).

Наблюдения молодых людей Армении за опытом интеграции приезжих в армянское общество также неоднозначны. Одни участники обсуждений отмечают желание и попытки приезжих стать частью местной культурно-языковой среды, функционально включиться в жизнедеятельность армянского общества. Примерами такой интеграционной стратегии являются приезжие, пытающиеся разговаривать на армянском языке, активно общающиеся с соседями, следящие за порядком в доме и дворе. Другие же участники обсуждений отмечают отрешенность приезжих от местной реальности, их взаимодействие лишь внутри круга таких же приезжих, дистанцированность и как бы *временное присутствие*. Вероятно, характерная для армян общительность и отзывчивость не находят в таком поведении приезжих взаимности, которое поэтому вызывает скорее негативную реакцию. Приведем пару типичных примеров такой реакции: *«Один из известных пабов в Ванадзоре недавно был выкуплен русско-украинской семейной парой. Теперь там каждую пятницу проводятся различные party (вечерние мероприятия – прим. автора), 95% участников – русскоязычные приезжие. В пабе и вокруг него полностью изменилась культурная среда. Таким образом приезжие пытаются интегрироваться прежде всего в свою же среду, но не в местную»* (ж., группа 26–35 лет, г. Ванадзор); *«Меня раздражает, что приезжие гуляют по улицам и нас как бы не замечают, разговаривают на русском, не пытаются интегрироваться, выглядят как декорации, а не как живые люди»* (ж., группа 26–35 лет, г. Ереван).

Вероятно, адаптивные стратегии приезжих зависят от ряда факторов, в том числе от сходств и различий между привычной для них социально-культурной средой и армянской повседневностью, от адаптивной гибкости приезжих, а также от их конечной цели переезда. Если переехавший рассматривает Армению либо как временное пристанище, чтобы через некоторое время вернуться на родину, либо как транзитную для себя страну (чтобы выехать, например, в ЕС, США, Турцию и т.д.), то желание адаптироваться к армянской повседневности у них будет гораздо ниже, чем у тех, кто переехал в Армению с долгосрочными планами.

Выводы. Говоря о приезжих/переехавших в Армению в условиях военных действий на Украине, армянская молодежь исходит из восприятия русских, украинцев и белорусов как «представителей одной нации». Их называют собирательно «русскими».

Молодыми армянами в целом отмечается активная включенность приезжих в экономическую и культурную жизнь страны, что, в частности, стимулирует развитие сектора информационных технологий и сферы обслуживания. Стереотипный образ приезжих/переехавших как «айтишников» в восприятии армянской молодежи складывается из соответствующей саморепрезентации многих приезжих как на уровне обобщенной коммуникации, так и в информационном поле. Таких приезжих армянская молодежь считает активными, современными, продвинутыми, вежливыми, позитивными людьми.

Вместе с тем образ приезжих как «релокантов» и «айтишников» вызывает и определенные критические ассоциации, связанные, прежде всего, с их негативным влиянием на рынок недвижимости. Резкое подорожание сдаваемых в аренду квартир армянская молодежь считает отчасти искусственным и вызванным не только высоким спросом в условиях объективной ограниченности предложения, но и меркантильными ожиданиями продающих и сдающих в аренду недвижимость соотечественников, ориентирующихся на финансовую состоятельность «айтишников». Вследствие резкого подорожания недвижимости

отмечается нехватка квартир внаем прежде всего для малоимущей молодежи из регионов Армении, приезжающей в столицу на учебу и работу.

Переезд большого количества «релокантов» – носителей более либеральных поведенческих нарративов, чем в самой Армении, – внес ощутимую динамику и разнообразие в жизнь армянского общества. Некоторые опасения по поводу большого количества приезжих чаще высказывались жителями не Еревана, где приезжих больше всего, а регионов Армении. Критика звучала по поводу нестандартного для армянской повседневности и региональной традиционности внешнего вида части приезжих и их повседневной ненормативной лексики.

Армянская молодежь наблюдает активную включенность приезжих не только в культурную жизнь страны, но и в армянскую повседневность. В отличие от туристов, посещающих лишь достопримечательности, «релоканты» демонстрируют не только символическое, но и функциональное отношение к той системе, в которую влились (проводят акции по уборке парков и скверов, осваивают заброшенные уголки городского пространства).

Тех приезжих, которые активно вливаются в социально-культурное пространство армянской повседневности, функционально включаются в систему действий и отношений, местные жители воспринимают исключительно позитивно, принимают как «своих». Интегративная позиция приезжих проявляется в активном общении с населением, в попытках изучения армянского языка и его повседневного употребления, во взаимодействии с соседями, проявлении коллективной ответственности за порядок и чистоту. Но не редок «уединенный» тип приезжих, не проявляющих желания и попыток к коммуникации и интеграции, о которых местные жители судят преимущественно по их внешнему виду, замечая отрешенность, замкнутость и безразличие таких приезжих к происходящему.

Таким образом, в целом наблюдается взаимная адаптация местных и приезжих: приезжие служат для местных примером для подражания (позитивным – в плане культурного многообразия, раскрепощенности, инициативности, а негативным – в плане проявления ненормативности, безразличия, отрешенности), а местные жители помогают приезжим лучше узнать и понять местную национальную, поведенческую, бытовую культуру, стать ее частью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Атанесян А.В., Мкртчян А.Е. Россия как союзник: динамика восприятия в армянском обществе до и после карабахской войны 2020 года // Полис. Политические исследования. 2023. № 2. С. 9–26. [Atanesyan A.V., Mkrtychyan A.E. (2023) Russia as an Ally: The Dynamics of Public Perceptions in Armenian Society Before and After the 2020 Karabakh War. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2: 9–26. (In Russ.)] DOI: 10.17976/jpps/2023.02.02.
- Атанесян А.В., Мкртчян А.Е. Армения между Россией и Западом: внешнеполитические приоритеты в общественном мнении // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 88–100. [Atanesyan A.V., Mkrtychyan A.E. (2022) Armenia between Russia and the West: Foreign Political Priorities in Public Opinion. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 88–100. (In Russ.)] DOI: 10.31857/S013216250022088-9.
- Евстратов А.Г. Релокация россиян в Армению в свете спецоперации РФ на Украине // Архонт. 2022. № 3 (30). С. 85–90. [Evstratov A.G. (2022) Relocation of Russians to Armenia in the Light of RF Special Operation in Ukraine. *Arkhont* [Archon]. No. 3 (30): 85–90. (In Russ.)]
- Медоева З.Г., Василенко И.А., Малышева Е.М. и др. Образ России: дефицит «мягкой силы»? Круглый стол журнала «ПОЛИС» // Полис. Политические исследования. 2013. № 4. С. 88–99. [Medoeva Z.G., Vasilenko I.A., Malysheva E.M. et al. (2013) The image of Russia: Deficit of «Soft Power»? Round Table of the «Polis» Journal. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 4: 88–99. (In Russ.)]
- Пылин А.Г. Трансформация постсоветской евразийской интеграции в условиях санкций: возможности и риски // Вестник Института экономики РАН. 2022. № 6. С. 127–141. [Pylin A.G. (2022) Transformation of Post-Soviet Eurasian Integration under Sanctions: Opportunities and Risks. *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* [The Bulletin of the Institute of Economics of RAS]. No. 6: 127–141. (In Russ.)] DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_127_141.

- Croitoru A., Vlase I. (2021) Stepwise migration: What drives the relocation of migrants upon return? *Population Space and Place*. No. 28: 1–13. DOI: 10.1002/psp.2492.
- Brownbridge M., Canagarajah S. (2020) Migration and Remittances in the Former Soviet Union Countries of Central Asia and the South Caucasus: What Are the Long-Term Macroeconomic Consequences? *World Bank Group, Europe and Asia. Policy Research Working Paper*. No. 9111. DOI: 10.1596/1813-9450-9111.

Статья поступила: 21.03.23. Финальная версия: 29.04.23. Принята к публикации: 02.05.23.

“RELOCATED RUSSIANS” IN ARMENIAN YOUTH PERCEPTIONS

ATANESYAN A.V.

Yerevan State University, Armenia

Arthur V. ATANESYAN, Dr. Sci. (Pol.), Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Yerevan, Armenia (atanesyan@yandex.ru).

Acknowledgements. The work was supported by the Yerevan State University within research project “Fake News: Mechanisms of Circulation and Consumption on Social Network Sites” (2022–2024) conducted jointly with K. Adenauer Foundation (Armenia) and Socies expert center.

Abstract. Since February 2022, many citizens of Ukraine, Russia, and Belarus have fled their countries to escape the risks of being involved in intensive military clashes in Ukraine. As a result, tens of thousands of Russians, as well as Ukrainians and Belorussians moved to Armenia, considering it a temporary endpoint and a transit country, preferring Armenia because of its visa-free and easy immigration regulations, flexible banking system, Russian language practiced after native Armenian, as well as possibility to further move to the European neighborhood, Georgia, Turkey, and other destinations. In this study, we tried to reveal the public image of those relocated to Armenia, their integration modes, and possible changes in economic and social life in Armenia caused by Russian-speaking newcomers, as perceived by Armenian youth. We applied focus-group discussions with representatives of the Armenian youth in addition to the participant observations. In October–November 2022, we conducted 24 focus-group discussions with young locals in the capital of Armenia, Yerevan, and the other ten regions proportionally. Speaking about those who moved to Armenia from Russia, Ukraine, and Belorussia, most young Armenians preferred to call them Russians partly because of a stereotypical image of them as “representatives of one nation” (this stereotype has been actively disseminated in the Western societies while depicting all Soviets, too), and partly using their own experience of communicating with newcomers, among which Russian citizens make up the statistical majority. The self-name of the relocated as Relocants did not take root among Armenian youth, while identifying newcomers as IT specialists, is quite popular because of young age and their working for international (including IT) companies. The study reveals the main social, economic, cultural, and communicative changes which occurred with the relocated Russians as seen by Armenian youth.

Keywords: Russians, relocated/Relocants, images, perceptions, adaptation, Armenian youth.

Received: 21.03.23. Final version: 29.04.23. Accepted: 02.05.23.

М.Ю. ЕФЛОВА, О.А. МАКСИМОВА, К.А. ОЗЕРОВА

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ИНОГОРОДНИХ СТУДЕНТОВ КАЗАНИ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

ЕФЛОВА Мария Юрьевна – доктор социологических наук, доцент, заместитель директора (meflova@gmail.com); МАКСИМОВА Ольга Александровна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общей и этнической социологии (olga_max@list.ru); ОЗЕРОВА Карина Адгамовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии (karina-usb@yandex.ru). Все – Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского федерального университета, Казань, Россия.

Аннотация. Проанализирована структура ценностных ориентаций и специфика реализации практик социальной активности иногородних студентов, обучающихся в ведущих вузах двух крупнейших городов России – Казанском федеральном университете и Высшей школе экономики в Санкт-Петербурге. На основе результатов репрезентативных опросов произведен сравнительный анализ исследуемых параметров, выявлена корреляция между различными типами ценностей в ценностных ориентациях студентов двух вузов. Произведен факторный анализ и выявлены факторы, характеризующие структуру ценностей и практик социальной активности иногородних студентов в рассматриваемых городах. Факторный анализ по предпочитаемым сферам активности позволил выделить специфические группы в составе студентов двух университетов.

Ключевые слова: ценности • ценностные ориентации • социальная активность • иногородние студенты

DOI: 10.31857/S013216250026384-5

Постановка проблемы. Студенчество является одной из наиболее активных социальных групп в структуре молодежи, демонстрирующей высокий уровень социальной активности и восприятия инноваций, в том числе и в сфере ценностных ориентаций и установок. В то же время сама структура студенчества не является однородной, включает в себя множество разнообразных подгрупп, дифференцированных по различным основаниям: имущественному статусу, профессиональному образовательному вектору, обучению в родном городе или же осуществлению образовательной миграции и др. Молодежь, переезжающая для получения образования в другие города, оказывается в более сложном положении, сталкиваясь с различными адаптационными проблемами. В связи с этим данная подгруппа в структуре студенчества представляет особый исследовательский интерес в качестве самостоятельного объекта изучения.

Методология исследования базируется на концепции материалистических и постматериалистических ценностей Р. Инглхарта [Inglehart, 1990; Инглхарт, 2023] и теории базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца [Schwartz, 2007; Шварц и др., 2012].

Показатели физиологических потребностей – экономической и физической безопасности, согласно Р. Инглхарту, взаимосвязаны и совместно образуют группу материалистических ценностей; социальные же потребности и потребности самореализации,

---

Статья подготовлена в рамках проекта № FZSM-2023-0022, осуществляемого по государственному заданию за счет средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету, и совместного проекта зеркальных лабораторий Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге и Казанского (Приволжского) федерального университета «Сценарии социального включения региональной молодежи в условиях образовательной миграции».

связанные с акцентом на свободе выбора, защите окружающей среды, гендерном равенстве и т.п., – группу постматериалистических ценностей. В постиндустриальных обществах происходит межпоколенческий сдвиг с преобладания материалистических на постматериалистические ценности. Доказательство данного факта Инглхарт базирует на двух гипотезах: 1) гипотезе дефицита, согласно которой, если в обществе не гарантированы физическая безопасность и материальные средства к существованию, первостепенное значение индивидами отдается материалистическим ценностям, тогда как в условиях безопасности индивиды начинают больше ценить постматериалистические цели; 2) гипотезе социализации, согласно которой базовые ценности индивида отражают условия, которые существовали в годы его взросления [Инглхарт, 2023: 36–37].

Ш. Шварц представил шкалу двух пар метаценностей – автономии/принадлежности (ценности, выражающие интересы индивида, и ценности, исходящие из интересов группы), которые соотносил с различными установками, мнениями, типами поведения, качествами личности и социально-демографическими показателями. По мнению Шварца, в обществах с преобладающей ценностью автономии индивиды в большей степени склонны к независимости и самостоятельности. Тогда как в культурах с доминирующей ценностью принадлежности преобладают коллективистские установки и ограничиваются индивидуальные действия, которые могут подорвать групповую солидарность [Schwartz, 2007].

Обе теории базируются на двух постулатах: во-первых, противопоставление двух групп ценностей, а во-вторых, признание, что ценностные ориентации личности служат мотивационной основой социальной активности.

Взяв за основу идеи Р. Инглхарта и Ш. Шварца, авторами статьи была разработана собственная шкала ценностей, в соответствии с которой были проанализированы и проранжированы базовые ценности и практики социальной активности иногородних студентов двух крупных вузов – Казанского федерального университета (КФУ) и Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге (ВШУ-СПб). Цель исследования состояла в выявлении того, насколько для респондентов значимы различные ценности, связанные как со сферой личной жизни (здоровье, семья и т.д.), так и с социальными статусами личности (доход, карьера и т.д.), и каким образом данные ценности обуславливают практики социальной активности студентов.

Методическое обеспечение исследования. Эмпирический этап исследования осуществлен в рамках совместного проекта зеркальных лабораторий ВШЭ-СПб и КФУ. Выбор объектов изучения производился целенаправленно – исследователи остановили свое внимание на наиболее привлекательных для абитуриентов вузов, расположенных в двух символических столицах – «культурной» и «спортивной», городах имеющих особую притягательность для студентов, что демонстрирует и рейтинг вузов RAEX: НИУ ВШЭ занимает 5 место, КФУ – 20 место в сотне лучших вузов России¹. Результаты локальных университетских исследований подтверждают, что абитуриенты выбирают не только сам вуз, большое значение имеет непосредственно город, в котором он располагается. Одной из задач исследования было сравнение опыта и практик внеучебной жизни студентов – занятия спортом, посещение культурных заведений, участие в волонтерской работе. Санкт-Петербург и Казань в целом соизмеримы по возможностям, которые предоставляются горожанам для реализации своих социально-культурных потребностей. В рамках проекта в марте-сентябре 2022 г. был проведен массовый репрезентативный опрос студентов очной формы обучения, поступивших в КФУ и ВШЭ-СПб из других регионов России. Опрос в Казани проводился сотрудниками Лаборатории социологических исследований КФУ ($N = 458$), в Санкт-Петербурге – сотрудниками Центра молодежных исследований ВШЭ-СПб. ($N = 437$). Применена квотная выборка, пропорциональная по уровню подготовки (бакалавриат и магистратура) и подразделениям вузов (специальностям

¹ См.: https://raex-rr.com/education/universities/rating_of_universities_of_russia (дата обращения: 18.05.23).

подготовки). Квоты по полу были равномерными (50,5% мужчин / 49,5% женщин в Казани и 47,4% мужчин / 52,6% женщин в СПб.). Выборочные совокупности в обоих вузах репрезентативные (с 5%-ной ошибкой выборки) и соизмеримые, позволяют сравнивать и сопоставлять данные, полученные по изучаемым объектам исследования.

Анкета включала в себя 35 вопросов, позволяющих проследить жизненные стратегии иногородних студентов, их ценностные ориентации, досуговые и социально-культурные предпочтения, виды социальной активности. Опрос проводился в режиме онлайн.

Ценности иногородних студентов. В рамках опроса студентам было предложено оценить (по шкале от 1 до 5 баллов), насколько для них значимы различные ценности, связанные как со сферой личной жизни (здоровье, семья), так и с социальными статусами личности (доход, карьера и т.д.). Каждая из предложенных ценностей набрала высокую среднюю оценку (более 3 баллов из 5 возможных), кроме ценности «Стать известным, популярным». Итоговая иерархия ценностей студентов, расположенных по убыванию значимости для респондентов, представлена в таблице 1. Как видно из представленных данных, иерархия ценностей практически одинакова для студентов из разных университетов. При этом высшую оценку все дают материалистической ценности «Быть максимально обеспеченным, ни в чем не нуждаться». Далее у обеих групп следуют ценности здоровья, семейные ценности и желание иметь интересную творческую работу.

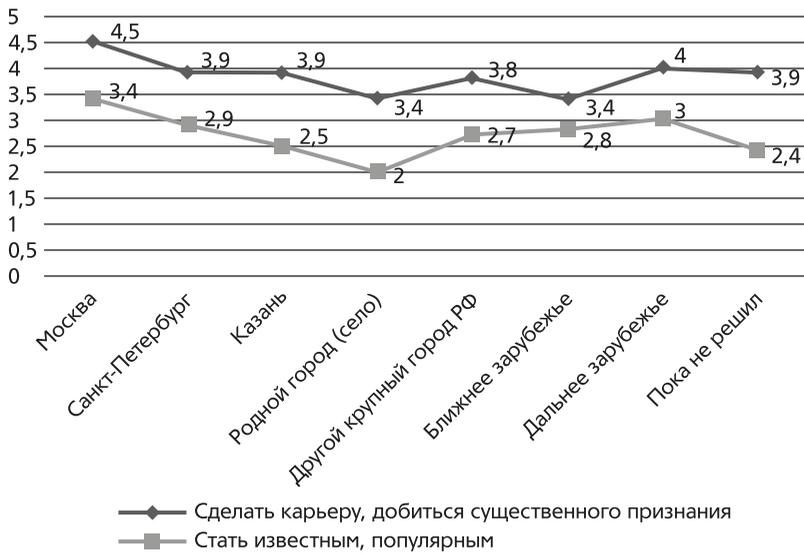
Сравнение средних значений оценок и казанских, и петербургских респондентов различного пола (Т-тест для независимых выборок, на уровне значимости 0,05) позволило выявить статистически значимые различия оценок только для ценностей «Жить для себя, получать удовольствие от жизни. Чтобы никто меня не трогал» и «Быть полезным для общества, участвовать в общественно значимых мероприятиях». Несмотря на то что эти ценности можно назвать противоположными в дихотомии материалистических / постматериалистических, девушки в среднем чаще дают более высокие оценки каждой из них: в первом случае 3,4 против 3, во втором 4 против 3,7.

Дисперсионный анализ (ANOVA) ответов казанских студентов, проживающих в разных типах жилья, показал существование статистически значимых различий в оценках ценностей. Так, приоритет «Иметь интересную, творческую работу» несколько ниже других оценивают студенты, проживающие в собственном жилье или у родственников (3,6 балла при среднем 4). Утверждение «Жить для себя, получать удовольствие от жизни. Чтобы никто меня не трогал» более значимо для тех, кто снимает квартиру или комнату (4,2 при среднем 3,8). Также для этой группы менее значима ценность «Быть полезным для общества, участвовать в общественно значимых мероприятиях» (2,9 при среднем 3,2). Интересно, что у студентов ВШЭ-СПб, проживающих в разных типах жилья, статистически значимые различия оценок ценностей не обнаружены.

Таблица 1

Иерархия ценностей иногородних студентов КФУ и ВШЭ-СПб
(средняя оценка по 5-балльной шкале, где 1 – «совсем не значимо», а 5 – «очень значимо»)

Ценность	Студенты К(П)ФУ	Студенты ВШЭ-СПб
Быть максимально обеспеченным, ни в чем не нуждаться	4,4	4,4
Быть здоровым и долго прожить	4,3	4,3
Иметь хорошую, дружную семью, детей	4,2	4,1
Иметь интересную, творческую работу	4	4,2
Сделать карьеру, добиться общественного признания	3,9	4,1
Жить для себя, получать удовольствие от жизни. Чтобы никто меня не трогал	3,8	3,8
Быть полезным для общества, участвовать в общественно значимых мероприятиях	3,2	3,2
Стать известным, популярным	2,6	2,3

Рис. 1. Значимые различия средних значений оценок приоритетов студентов КФУ и планы, связанные с местом работы (или продолжения учебы) после выпуска (проверка значимости методом дисперсионного анализа)

Оценки в группах респондентов с разным уровнем обеспеченности значимо различаются только у казанских студентов, и только для приоритета «Стать известным, популярным» – для тех, кто имеет низкий и крайне низкий доход, эта ценность в среднем получила более высокую оценку (3,8 балла при среднем 2,6).

Значимым фактором различия оценок приоритетов, ориентированных на популярность и карьеру, у казанских студентов стали планы, связанные с местом будущей работы (продолжения учебы) после выпуска из КФУ. Дисперсионный анализ показал, что респонденты, которые собираются после окончания КФУ переезжать в Москву, выше оценивают и значимость карьеры, и стремление к популярности. Далее идут оценки тех, кто планирует мигрировать в дальнее зарубежье. Самые низкие оценки значимости карьеры демонстрируют студенты, которые намерены после обучения вернуться в родной город/село (см. рис. 1).

Для петербургских студентов планы на переезд в Москву или за рубеж оказали влияние на более высокую значимость ценности «Быть максимально обеспеченным, ни в чем не нуждаться».

Оценка всех рассматриваемых ценностей имеет значимую линейную связь с такой переменной, как самооценка студентами степени освоенности города, в который они переехали, – чем более высокую оценку респонденты называют, когда говорят, насколько они освоились в новом для них городе, тем более высокие оценки они ставят и всем рассматриваемым ценностям. Наиболее значимый коэффициент сопряженности (0,6) выявлен у переменной освоенности города и ценности «Быть максимально обеспеченным, ни в чем не нуждаться». Эта закономерность характерна как для казанских, так и для петербургских студентов. Таким образом, можно констатировать, что успешная адаптивность в городе обучения является одним из важнейших факторов повышения уровня самооценки иногородних студентов, их ценностного восприятия мира.

На основе результатов исследования проведен корреляционный анализ взаимосвязи различных ценностных приоритетов студентов. Полученные результаты указывают на то, что все оценки соотносятся между собой линейно (чем выше оценки одного приоритета,

Таблица 2

Корреляционная матрица связи ценностей иногородних студентов КФУ

Ценности	Карьера, признание	Семья, дети	Обеспеченность	Интересная работа	Здоровье
Карьера, признание	1	0,3**	0,6**	0,4**	0,4**
Семья, дети	0,3**	1	0,5**	0,3**	0,6**
Обеспеченность	0,6**	0,5**	1	0,4**	0,5**
Интересная работа	0,4**	0,3**	0,4**	1	0,5**
Здоровье	0,4**	0,6**	0,5**	0,5**	1

Примечание. ** корреляция значима на уровне 0,01, двусторонняя.

тем выше и всех остальных, корреляция значима на уровне $\leq 0,05$, двусторонняя). Можно заметить, что ряд ценностей взаимосвязаны попарно. Рассмотрим данную закономерность для казанских студентов (см. табл. 2).

Как видно из представленных в таблице корреляций, наиболее сильные связи (коэффициент сопряженности 0,6) зафиксированы в ценностных парах «карьера / финансовая обеспеченность», «семья / здоровье», а также сильные связи (коэффициент сопряженности 0,5) выявлены между оценками в парах «семья / финансовая обеспеченность», «финансовая обеспеченность / здоровье», «интересная работа / здоровье».

На основе результатов исследования проведен факторный анализ переменных, основанных на восьми предложенных респондентам ценностях, и в итоге выделены два фактора, которые характеризуют ценности студентов КФУ (см. табл. 3). Дисперсия этих факторов составляет 56,8%. Фактор 1 включает в себя ценности, связанные со сферой приватного, личного пространства. Он включает в себя следующие переменные: иметь хорошую, дружную семью, детей; быть здоровым и долго прожить; быть максимально обеспеченным, ни в чем не нуждаться. Фактор 2 объединяет ценности социальной принадлежности и состоит из следующих переменных: стать известным, популярным; быть полезным для общества, участвовать в общественно значимых мероприятиях; сделать карьеру, добиться общественного признания.

Фактически данные две группы ценностей соответствуют дихотомии материалистических / постматериалистических ценностей Р. Инглхарта и подтверждают его гипотезу о том, что ценностные приоритеты индивида отражают социально-экономическое состояние и, таким образом, индивид относит к основной ценности те потребности, которые наименее удовлетворены; в большой степени на основные ценности взрослого индивида влияют социально-экономические условия, превалировавшие в годы детства.

Таблица 3

Матрица факторных нагрузок
(метод вращения варимакс, ценности студентов КФУ)

Ценности	Компонент	
	1	2
Иметь хорошую, дружную семью, детей	0,833	0,048
Сделать карьеру, добиться общественного признания	0,473	0,582
Иметь интересную, творческую работу	0,407	0,577
Быть здоровым и долго прожить	0,822	0,214
Стать известным, популярным	-0,063	0,847
Быть максимально обеспеченным, ни в чем не нуждаться	0,721	0,320
Жить для себя, получать удовольствие от жизни. Чтобы никто меня не трогал	0,174	0,543
Быть полезным для общества, участвовать в общественно значимых мероприятиях	0,224	0,591

Таблица 4

Корреляционная матрица связи ценностей студентов ВШЭ-СПб

Ценности	Карьера, признание	Семья, дети	Обеспеченность	Интересная работа	Известность, популярность	Здоровье	Приносить пользу для общества	Жизнь для себя, удовольствие от жизни
Карьера, признание	1	0,2**	0,4**	0,3*	0,3*	0,2**	0,2**	0,1*
Семья, дети	0,2**	1	0,2**	0,1*	0,1	0,5**	0,2**	0,1**
Обеспеченность	0,4**	0,2**	1	0,1	0,1*	0,4**	0	0,3**
Интересная работа	0,3**	0,1*	0,1	1	0,4*	0,4**	0,3**	0,2**
Известность, популярность	0,3**	0,1	0,0*	0,4**	1	0,2**	0,3**	0,2**
Здоровье	0,2**	0,4**	0,4**	0,4**	0,2*	1	0,2**	0,1*
Приносить пользу для общества	0,2**	0,2**	0	0,3**	0,3*	0,2**	1	0,1
Жизнь для себя, удовольствие от жизни	2,1*	-0,1**	0,3**	0,2*	0,2*	0,1**	0,1	1

Примечания. ** корреляция значима на уровне 0,01, двусторонняя, * корреляция значима на уровне 0,05, двусторонняя.

Таблица 5

Матрица факторных нагрузок
(метод вращения варимакс, ценности студентов ВШЭ-СПб)

Ценности	Компонент		
	1	2	3
Сделать карьеру, добиться общественного признания	0,550	0,282	0,295
Быть здоровым и долго прожить	0,703	0,279	-0,028
Быть максимально обеспеченным, ни в чем не нуждаться	0,737	-0,161	0,470
Стать известным, популярным	0,064	0,706	0,300
Жить для себя, получать удовольствие от жизни. Чтобы никто меня не трогал	0,045	0,144	0,818
Иметь хорошую, дружную семью, детей	0,726	0,120	-0,436
Иметь интересную, творческую работу	0,168	0,720	0,108
Быть полезным для общества, участвовать в общественно значимых мероприятиях	0,132	0,735	-0,167

У петербургских студентов корреляции ценностей выглядят несколько иначе, чем у казанских (табл. 4). Наиболее сильные связи (коэффициент сопряженности 0,5) зафиксированы в паре «известность, популярность» и «семья / здоровье». Факторный анализ переменных в выборке студентов ВШЭ-СПб позволил выделить три фактора, которые описывают ценности студентов (см. табл. 5). Дисперсия этих факторов составляет 62,4%.

Фактор 1 объединяет следующие переменные: быть максимально обеспеченным, ни в чем не нуждаться; иметь хорошую, дружную семью, детей; быть здоровым и долго прожить; сделать карьеру, добиться общественного признания.

Фактор 2 состоит из переменных: иметь интересную, творческую работу; стать известным, популярным; быть полезным для общества, участвовать в общественно значимых мероприятиях.

Фактор 3 наполняют переменные: жить для себя, получать удовольствие от жизни, чтобы никто не трогал; быть максимально обеспеченным, ни в чем не нуждаться.

Вторая и третья группы могут быть отнесены к постматериалистическим и материалистическим ценностям соответственно (согласно типологии Р. Инглхарта), тогда как первая группа представляет собой смешанный вариант. Можно предположить, что в данном случае работает как гипотеза дефицита Инглхарта, так и идея Шварца, – студенты Санкт-Петербурга, имея больше условий для удовлетворения жизненных потребностей и проживая в городе с большей степенью развития культуры автономии, соответственно, в несколько большей степени ориентированы на постматериалистические индивидуалистские ценности, по сравнению с казанскими студентами.

Практики социальной активности иногородних студентов. Занятия, которым посвящают свободное время студенты, разнообразны, однако и для казанских, и для петербургских студентов наиболее распространены общение с близкими, занятия спортом и посещение учреждений культуры.

Можно отметить, что опыт активности казанских студентов, по результатам опроса, несколько шире (см. рис. 2).

Петербургские студенты значительно реже казанских указывают на опыт таких активностей, как донорство, благоустройство городского пространства, общественно-политическая деятельность (отстаивание прав и свобод граждан), помощь бездомным

Рис. 2. Активность студентов ВШЭ-СПб и КФУ, сумма % ответов «регулярно» и «время о времени» (в % от общего числа опрошенных в каждом городе)

животным, волонтерство, помощь больным, малоимущим и другим социально значимым активностям. Тогда как в сфере гедонистических активностей (общение с друзьями, посещение учреждений культуры, занятия спортом, культурная жизнь города) показатели казанских и петербургских респондентов оказались практически идентичными.

По обеим выборкам зафиксированы и определенные общие тенденции. Так, частота некоторых из перечисленных видов активности статистически значимо различается (проверка при помощи статистики хи-квадрат) для студентов разного пола и разного уровня материального благосостояния как в Казани, так и в Санкт-Петербурге. Юноши чаще девушек отмечают регулярные и периодические занятия физкультурой и спортом и участие в неформальных субкультурных сообществах. Среди респондентов мужского пола 39% регулярно занимаются спортом, тогда как среди женщин данная доля составила 28%; иногда, время от времени занимаются 42% мужчин и 35% женщин; при этом среди девушек значительно больше тех, кто занимается лишь очень редко, эпизодически (30 против 16% среди мужчин). Большую заинтересованность проявляют юноши и в субкультурной активности – доля тех, кто отметил регулярное участие в неформальных субкультурных сообществах, составила 13%, а среди девушек – лишь 4%. При этом в целом по выборке никогда не участвовали в субкультурной активности 49% мужчин и 57% женщин. Доход респондентов из обоих городов связан с частотой посещения учреждений культуры – студенты с низким уровнем дохода чаще других отмечали, что никогда их не посещают (14 против 3% респондентов со средним доходом и 7% – с высоким), а в группе с высоким доходом несколько больше студентов, посещающих учреждения культуры регулярно (20 против 13% и 15% в группах с низким и средним доходом соответственно).

Корреляционный анализ данных о наиболее частых видах активности казанских студентов позволил установить, что частота занятий спортом, общение с друзьями и близкими и создание интересного/полезного контента в Интернете (ведение каналов и групп, например) гораздо слабее связаны с какой-либо другой активностью (корреляции значимые на уровне $\leq 0,05$, двусторонняя, не превышают 0,5). Частота же активностей, предполагающих деятельность, связанную с культурой и обществом, коррелирует значительно чаще (см. табл. 6).

Таблица 6

Корреляционная матрица связи частоты различных видов активностей иногородних студентов КФУ

Виды активностей	Поддержка экологических инициатив	Волонтерская работа на крупных мероприятиях	Благоустройство города	Общ.-полит. деятельность, отстаивание прав и свобод	Помощь нуждающимся людям	Помощь бездомным животным
Поддержка экологических инициатив	1	0,6**	0,7**	0,6**	0,7**	0,6**
Волонтерская работа на крупных мероприятиях	0,6**	1	0,5**		0,7**	0,5**
Благоустройство города	0,7**	0,5**	1	0,6**	0,6**	0,5**
Общ.-полит. деятельность, отстаивание прав и свобод	0,6**		0,6**	1	0,5**	
Помощь нуждающимся людям	0,7**	0,7**	0,6**	0,5**	1	0,8**
Помощь бездомным животным	0,6**	0,5**	0,5**		0,8**	1

Примечания. ** корреляция значима на уровне 0,01, двусторонняя.

В ходе анализа удалось выявить виды активностей казанских студентов, частота которых имеет попарно наиболее высокие коэффициенты корреляции, это:

– «Волонтерская помощь бездомным, больным, пожилым, малоимущим людям» / «Помощь бездомным животным» (коэффициент сопряженности 0,8) / «Поддержка экологических инициатив» (коэффициент сопряженности 0,7) / «Волонтерская работа на крупных мероприятиях» (коэффициент сопряженности 0,7).

– «Поддержка экологических инициатив» / «Благоустройство города и решение городских проблем» (коэффициент сопряженности 0,7) / «Волонтерская помощь бездомным, больным, пожилым, малоимущим людям» (коэффициент сопряженности 0,7).

При этом важно отметить, что выявленные корреляции частоты других занятий студентов также статистически значимы и превышают значение 0,5, что говорит о наличии устойчивой линейной корреляции между ними. Для уточнения и описания особенностей этих связей нами был проведен факторный анализ активностей студентов, в результате которого выделены факторы, характеризующие структуру активности иногородних студентов в рассматриваемых городах.

Факторный анализ позволил выделить три группы в составе студентов КФУ по предпочитаемым сферам активности (процент объясненной дисперсии 61,2%) (см. табл. 7).

Полученные факторы характеризуют распределение иногородних студентов КФУ на три разноориентированные по практикам социальной активности группы:

1 – группа респондентов, которые могут быть охарактеризованы как «Социально ориентированные», с корреляционно выраженным предпочтением следующих форм активности: волонтерская помощь бездомным, больным, пожилым, малоимущим людям; донорство; благоустройство города и решение городских проблем (ЖКХ, транспортные

Таблица 7

Матрица факторных нагрузок

(метод вращения варимакс, сферы активности иногородних студентов КФУ)

Виды активностей	Компонент		
	1	2	3
Общение с друзьями и близкими, посещение различных развлекательных мероприятий с ними (вечеринки, дискотеки и т.п.)	-0,089	0,294	0,461
Посещение дискуссионных клубов, площадок, коворкингов в качестве слушателя	0,571	0,333	0,475
Посещение учреждений культуры	0,214	0,314	0,653
Участие в неформальных субкультурных сообществах	0,650	0,082	0,419
Занятия спортом	0,177	-0,108	0,706
Креативные индустрии и все, что связано с творчеством и культурой	0,343	0,516	0,481
Общественно-политическая деятельность, отстаивание прав и свобод граждан	0,697	0,194	0,352
Благоустройство города и решение городских проблем (ЖКХ, транспортные проблемы, отходы и т.д.)	0,756	0,287	0,167
Организация мероприятий для других людей	0,346	0,738	0,173
Культурная и общественная жизнь своего вуза и/или города	0,255	0,787	0,154
Волонтерская работа на крупных мероприятиях (спортивных, культурных, международных форумах и т.д.)	0,469	0,681	0,112
Поддержка экологических инициатив	0,744	0,368	0,109
Помощь бездомным животным	0,726	0,291	0,030
Волонтерская помощь бездомным, больным, пожилым, малоимущим людям	0,771	0,366	0,117
Донорство	0,759	0,142	0,053
Создание интересного/полезного контента в интернете (ведение каналов и групп, например)	0,460	0,424	0,102

проблемы, отходы и т.д.); поддержка экологических инициатив; помощь бездомным животным; общественно-политическая деятельность, отстаивание прав и свобод граждан.

2 – «Ориентированные на социокультурную, креативную и волонтерскую активность»: культурная и общественная жизнь своего вуза и/или города; организация мероприятий для других людей; волонтерская работа на крупных мероприятиях (спортивных, культурных, международных форумах и т.д.); креативные индустрии и все, что связано с творчеством и культурой.

3 – «Ориентированные на досуг и спорт»: занятия спортом; посещение учреждений культуры.

Корреляционный анализ данных о наиболее распространенных видах активности студентов ВШЭ-СПб позволил установить, что теснее всего связаны такие активности, как поддержка экологических инициатив и благоустройство города, волонтерская помощь людям и помощь бездомным животным (корреляции значимые на уровне $\leq 0,05$, двусторонние, не превышают 0,5–0,6) (см. табл. 8).

Факторный анализ позволил выделить четыре фактора (процент объясненной дисперсии 61,2%) по переменным, связанным с предпочитаемыми сферами активности студентов ВШЭ-СПб (см. табл. 9).

Полученные факторы характеризуют распределение иногородних студентов ВШЭ-СПб на четыре разноориентированные по практикам социальной активности группы:

1 – «Социально ориентированные»: поддержка экологических инициатив; благоустройство города и решение городских проблем (ЖКХ, транспортные проблемы, отходы и т.д.); волонтерская помощь бездомным, больным, пожилым, малоимущим людям; помощь бездомным животным; общественно-политическая деятельность, отстаивание прав и свобод граждан.

2 – «Ориентированные на социокультурную и волонтерскую активность, в том числе в виртуальном пространстве»: организация мероприятий для других людей; культурная и общественная жизнь своего вуза и/или города; волонтерская работа на крупных мероприятиях (спортивных, культурных, международных форумах и т.д.); создание интересно/полезного контента в Интернете (ведение каналов и групп и т.п.).

3 – «Ориентированные на культурно-досуговую активность»: креативные индустрии и все, что связано с творчеством и культурой; посещение учреждений культуры; посещение дискуссионных клубов, площадок, коворкингов в качестве слушателя.

4 – «Гедонистически ориентированные»: общение с друзьями и близкими, посещение различных развлекательных мероприятий с ними (вечеринки, дискотеки и т.п.); занятия спортом.

Таблица 8

Корреляционная матрица связи частоты активностей иногородних студентов ВШЭ-СПб

Виды активностей	Поддержка экологических инициатив	Благоустройство города	Помощь нуждающимся людям	Помощь бездомным животным
Поддержка экологических инициатив	1	0,6**	0,5*	0,5*
Благоустройство города	0,6**	1,0*	0,5*	0,4*
Волонтерская помощь людям	0,5*	0,5*	1	0,6*
Помощь бездомным животным	0,5*	0,4*	0,6**	1

Примечание. ** корреляция значима на уровне 0,01, двусторонняя, * корреляция значима на уровне 0,05, двусторонняя.

Таблица 9

Матрица факторных нагрузок
(метод вращения варимакс, сферы активности иногородних студентов ВШЭ-СПб)

Виды активностей	Компонент			
	1	2	3	4
Общение с друзьями и близкими, посещение различных развлекательных мероприятий с ними (вечеринки, дискотеки и т.п.)	0,043	-0,039	0,450	0,477
Занятия спортом	0,059	0,074	0,074	0,808
Посещение учреждений культуры	0,089	0,078	0,712	0,216
Креативные индустрии и все, что связано с творчеством и культурой	0,097	0,399	0,694	-0,062
Посещение дискуссионных клубов, площадок, коворкингов в качестве слушателя	0,257	0,445	0,501	0,140
Участие в неформальных субкультурных сообществах	0,370	0,316	0,437	-0,152
Организация мероприятий для других людей	0,152	0,796	0,077	-0,004
Благоустройство города и решение городских проблем (ЖКХ, транспортные проблемы, отходы и т.д.)	0,704	0,308	0,078	0,138
Культурная и общественная жизнь своего вуза и/или города	0,170	0,709	0,270	0,019
Волонтерская работа на крупных мероприятиях (спортивных, культурных, международных форумах и т.д.)	0,336	0,614	0,016	0,312
Волонтерская помощь бездомным, больным, пожилым, малоимущим людям	0,751	0,233	0,102	0,043
Поддержка экологических инициатив	0,705	0,097	0,302	-0,014
Общественно-политическая деятельность, отстаивание прав и свобод граждан	0,550	0,264	0,259	-0,236
Помощь бездомным животным	0,789	0,042	0,057	0,087
Донорство	0,521	0,352	-0,222	0,264
Создание интересного/полезного контента в интернете (ведение каналов и групп, например)	0,178	0,548	0,251	-0,069

В целом, несмотря на то, что структура активности студентов в Казани и Санкт-Петербурге во многом идентична (в каждом городе наиболее популярны общение с близкими, спорт и посещение развлекательных и культурных заведений), можно отметить, что студенты из Казани в среднем на 5–10% чаще включены в разнообразные активности, в том числе связанные с общественной и волонтерской работой. В целом, в каждой из выборок на активность студентов влияли пол (спорт и субкультурные сообщества популярнее у юношей) и доход (чем обеспеченнее респонденты, тем регулярнее они посещают учреждения культуры).

Выводы. Как показали результаты исследования, наряду с тем, что обозначились во многом схожие ценностные предпочтения и социальные активности студентов из КФУ и ВШЭ-СПб, согласно факторному анализу, у студентов из Санкт-Петербурга в большей степени выявляется группа ценностей, ориентированных на индивидуализм и самовыживание («жить для себя, получать удовольствие от жизни, чтобы никто не трогал, быть максимально обеспеченным, ни в чем не нуждаться»). Кроме того, в практиках социальной активности иногородних студентов ВШЭ-СПб выявлена группа, менее характерная для иногородних студентов КФУ, ориентированная на гедонистический стиль жизни. В целом для обеих групп респондентов можно выделить закономерность: материалистические ценности и ценности автономии преобладают в мировоззрении опрошенных молодых людей, что свидетельствует о еще недостаточном уровне достижения экзистенциальной безопасности и социально-экономической стабильности.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что ценностные приоритеты студентов отражают их социально-экономическое состояние. Практики социальной активности и преобразование социальной реальности в результате включения в практики волонтерства, создание интересного/полезного контента в Интернете, а также посещение

учреждений культуры, дискуссионных клубов, площадок, коворкингов в качестве участников способствуют формированию активной гражданской позиции и трансформации мировоззрения, ориентированного скорее на постматериалистические ценности. Отсюда подчеркивается важность формирования благоприятных условий для самовыражения молодежи, что будет способствовать дальнейшей успешной социализации и эффективной самореализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С.Л. Лопатиной, под ред. М.А. Завадской, В.В. Косенко, А.А. Широкановой, науч. ред. Э.Д. Панарин. М.: Мысль, 2023.
- Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
- Inglehart R. *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press, New Jersey, 1990.
- Schwartz Shalom H. *Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences Across Nations in Measuring Attitudes Cross-Nationally* / Edited by Roger Jowell, Caroline Roberts, Rory Fitzgerald & Gillian Eva. SAGE Publications, Ltd, 2007. P. 161–193.

Статья поступила: 28.02.23. Финальная версия: 03.05.23. Принята к публикации: 18.05.23.

VALUE ORIENTATIONS AND PRACTICES OF SOCIAL ACTIVITY OF NONRESIDENT STUDENTS IN KAZAN AND ST. PETERSBURG

EFLOVA M.Yu.*, MAXIMOVA O.A.*, OZEROVA K.A.*

*Kazan Federal University, Russia

Maria Yu. EFLOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications (meflova@gmail.com); Olga A. MAXIMOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (olga_max@list.ru); Karina A. OZEROVA, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (karina-usm@yandex.ru). All – Kazan Federal University, Kazan, Russia.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project No. FZSM-2023-0022 “Digital socialization and digital competence of young people in the context of global systemic changes: regulatory technologies, risks, scenarios”, carried out according to a state assignment at the expense of a subsidy allocated to Kazan Federal University and a joint mirror project laboratories of the Higher School of Economics in St. Petersburg and Kazan (Volga region) Federal University “Scenarios of social inclusion of regional youth in the context of educational migration”.

Abstract. The structure of value orientations and the specifics of the implementation social activity practices of nonresident students studying in the leading universities of the two largest cities in Russia – Kazan Federal University (Kazan) and the Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg) are analyzed. Based on the results of mass representative surveys, a comparative analysis of the studied parameters was made, a correlation was revealed between different types of values in the system of value orientations of students of two universities. A factor analysis has been carried out and factors characterizing the structure of social activity of nonresident students in the cities under consideration have been identified. Factor analysis by preferred areas of activity made it possible to identify three specific groups of respondents among Kazan Federal University students and four groups at the Higher School of Economics-St. Petersburg.

Keywords: values, value orientations, social activity, nonresident students.

REFERENCES

- Inglehart R. (2023) *Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world*; translation from English S.L. Lopatina, ed. M.A. Zavadskaya, V.V. Kosenko, A.A. Shirokanova, scientific ed. E.D. Panarin. Moscow: Thought. (In Russ.)
- Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. (2012) Refined theory of basic individual values: application in Russia in Psychology. *Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 9. No. 1: 43–70. (In Russ.)
- Inglehart R. (1990) *Culture Shift in Advanced Industrial Society*. Princeton: Princeton University Press, New Jersey.
- Schwartz Shalom H. (2007) *Value Orientations: Measurement, Antecedents and Consequences Across Nations in Measuring Attitudes Cross-Nationally* / Edited by Roger Jowell, Caroline Roberts, Rory Fitzgerald & Gillian Eva. SAGE Publications, Ltd: 161–193.

Received: 28.02.23. Final version: 03.05.23. Accepted: 18.05.23.

Р.Х. СИМОНЯН

О РЕГИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

СИМОНЯН Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России (simonyan.renald@yandex.ru).

Аннотация. В связи со смещением центра мировой экономики в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона и ростом экономического сотрудничества России и Китая российско-китайское приграничье и, прежде всего, его социальная составляющая, в том числе региональное сознание, сформированное на основе общности территории, становится актуальным объектом российской социологии. Статья опирается на данные опроса, проведенного в декабре 2021 г., среди магистрантов университетов российско-китайского приграничья (Чита, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток). Рассматриваются такие показатели, как самоидентификации, отношение к религии, цивилизационной принадлежности, включенность в политический процесс, установки на миграцию, восприятие внешних и внутренних угроз для России, ценностные предпочтения, отношении к сотрудничеству с Китаем и др.

Ключевые слова: российско-китайское приграничье • региональное сознание • студенческая молодежь • ценностные ориентации и установки

DOI: 10.31857/S013216250026398-0

Введение. Китай становится одним из главных внешнеэкономических партнеров России. По данным Федеральной таможенной службы России, товарооборот между нашими странами в 2022 г. увеличился на 29,3% к предыдущему году и достиг рекордных 190,3 млрд долл.¹ Российско-китайское приграничье в этих условиях приобретает особое значение. Улучшается пограничная инфраструктура, растет количество контрольно-пропускных пунктов на российско-китайской границе: в 2005 г. при подписании акта о демаркации границы их было 15, сегодня – 24.

Граница между Россией и Китаем протяженностью 4,2 тыс. км проходит по пяти регионам Дальнего Востока России – Забайкальскому, Хабаровскому, Приморскому краям, Амурской области и Еврейской автономной области. Единство социального пространства российско-китайского приграничья базируется на общем природном (береговая зона рек Аргуни, Амура и Уссури), административном (наибольшая удаленность от центра), историческом (освоение Дальнего Востока началось во второй половине XIX в.), геополитическом (ворота в АТР) и этнокультурном (самая высокая доля русских в составе населения Дальнего Востока²) основаниях. К этому следует добавить еще один фактор, характеризующий высокую изотропность этого социального пространства: Дальний Восток в период экономических реформ 1990-х гг. испытал наибольшую депривацию. Если в целом по России промышленное производство в 2000 г. составило 52% от дореформенного уровня, то на Дальнем Востоке – 39,7%, а доля машиностроения, металлургии, легкой промышленности, производства строительных материалов в общей стоимости промышленной продукции снизилась с 32,7 до 12,6% [Минакир, 2002: 5]. Единство регионов приграничья проявляется и в структуре внешней торговли, где доминирует Китай. Китай является, по существу, единственным внешнеторговым партнером данного региона. Все

---

¹ fts@ca.customs.gov.ru (дата обращения: 22.05.2023).

² Если по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. доля русских в Дальневосточном федеральном округе составила 78,6%, то в пяти сопредельных с Китаем регионах – 93,8%.

это находит отражение в массовом сознании российско-китайского приграничья, способствуя, по словам Г. Лебона, социально-психологическому единству и устойчивости масс [Лебон, 1995: 21].

В этом плане наибольший интерес представляет молодежь приграничных регионов Дальнего Востока, на которую в ближайшей перспективе ляжет ответственность за охрану границ и за развитие добрососедского сотрудничества с Китаем. Общество и его социально-политические институты ориентируются на молодежь как на самую динамичную, обладающую наибольшим инновационным потенциалом возрастную группу.

В декабре 2021 г. был проведен опрос студентов-магистрантов дневной формы обучения четырех университетов Дальнего Востока. Из общего количества 2037 магистрантов второго курса обучения было опрошено 819: в Чите и Благовещенске – по 203, в Хабаровске – 209, во Владивостоке – 204. Выборка рассчитана пропорционально количеству факультетов и специализаций: в Забайкальском государственном университете (Чита) – 11 факультетов, 64 программы; в Амурском государственном университете (Благовещенск) – 9 факультетов, 52 программы; в Тихоокеанском государственном университете (Хабаровск) – 14 факультетов, 97 программ; в Дальневосточном федеральном университете (Владивосток) – 11 факультетов, 86 программ.

Особенность анализа массового сознания заключается в том, что описать его состояние можно только на вполне определенном уровне, постоянно имея в виду конкретные особенности субъекта массового сознания. Б. Грушин в работе «Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования» обосновал концепцию множественности массового сознания, существующего в различных частях общества, и необходимость изучения конкретных носителей массового сознания [Грушин, 1987]. Задача исследования заключалась в проверке правомерности концепции Грушина в условиях максимальной однородности сравниваемых объектов, что создавало условия для чистоты эксперимента. Компаративный анализ проводился на примере гомогенной социальной группы – магистрантов университетов, находящейся в весьма однородном социокультурном пространстве – российско-китайском приграничье, т.е. в регионах с максимально близкими характеристиками (природными, геополитическими, экономическими, социальными, демографическими).

Самовосприятие респондентов. Однородность российско-китайского приграничья проявились уже в выборе идентичности респондентов. Если во многих центральных российских регионах этничность занимает лидирующие позиции в иерархии идентичностей населения, часто даже опережая гражданскую [Дробижина, 2017: 29], то в приграничных с Китаем регионах эта тенденция выражена слабо. Для большей конкретизации территориальная идентичность была разделена на региональную и городскую (табл. 1).

Позиция передового рубежа государства актуализирует принадлежность к более широкому кругу соотечественников: гражданская идентичность доминирует (59,3%), наибольшие различия между хабаровчанами и читинцами. Чаще так себя идентифицируют те, кто приехал учиться из других населенных пунктов региона. Особенно наглядно это проявилось в Хабаровске, где местные составляют 43,5%, приезжие – 56,5% респондентов. Если среди местных гражданскую идентичность выбрали 48,3%, то среди

Таблица 1

Самоидентификация магистрантов российско-китайского приграничья (в %)

Идентичность	Всего	Чита	Благовещенск	Хабаровск	Владивосток
Гражданская	59,3	61,7	58,1	54,7	55,8
Этническая	23,9	25,0	24,7	22,9	23,2
Региональная	8,4	7,1	8,3	9,6	8,7
Городская	9,8	5,2	7,9	12,8	13,3

Примечание. Ответы на вопрос: Какая идентификация для вас наиболее значима?

приезжих – 65,8%. Высокий показатель городской идентичности у владивостокцев и хабаровчан может объясняться высоким имиджем этих городов.

Выяснялось отношение магистрантов к религии. Примерно равные части составляют верующие (37,3%, включая воцерковленных) и агностики (37,4%), при этом отмечается высокий процент затруднившихся с ответом. Любопытно, что такой же расклад мы наблюдали и в приграничном с Украиной Белгороде: 37,2% верующих (но из них воцерковленных 10,8%) и агностиков 37,8% [Симонян, 2023]. Из опрошенной группы верующих в Чите больше, в Благовещенске – существенно меньше (см. табл. 2). Отметим, что рядом с Благовещенском на другом берегу Амура в китайском городе Хэйхэ, при одинаковой численности населения около 240 тыс. чел., всего один буддистский и один конфуцианский храм, в то время как в Благовещенске только православных храмов восемь.

Таблица 2

Отношение магистрантов российско-китайского приграничья к религии (в %)

Показатели	Всего	Чита	Благовещенск	Хабаровск	Владивосток
Верующие	33,5	41,8	23,8	34,3	36,1
Воцерковлённые	3,8	5,3	2,0	3,5	4,4
Атеисты	13,9	8,5	18,5	14,4	13,8
Агностики	37,4	32,4	44,0	38,5	34,9
Затруднились ответить	11,2	12,0	11,7	9,3	11,8

Благовещенцы, обладающие наибольшим опытом трансграничных связей, – самые скептические в отношении расширения влияния христианства – 23,5%, в то время как в Чите – 34,5, Хабаровске – 37,2, во Владивостоке – 38%, при этом в Благовещенске самый высокий показатель перспектив китайской цивилизации – 44,3% по сравнению с 32,5% в Хабаровске, 29,7% во Владивостоке и 15,5% в Чите. Показательно, что наибольшее европейское влияние отмечено там, где живут бок о бок русские и китайцы (64%). Для сравнения: в Белгороде 52,5% отводят большую роль Европе, а Азии – 15,8% [Симонян, 2023]. Американское влияние отметили только 7,9%, и выше оно оценено в наиболее отдаленной Чите (табл. 3).

Таблица 3

Оценка цивилизационно-культурных влияний на Россию (в %)

Показатели	Всего	Чита	Благовещенск	Хабаровск	Владивосток
Азия	11,7	10,7	9,2	12,3	14,5
Америка	7,9	11,5	5,7	6,5	7,8
Европа	64,0	58,5	68,7	65,4	63,5
Затруднились ответить	16,7	20,3	16,4	14,8	15,2

Принадлежность русских к европейской цивилизации не столь доминантна в представлениях студентов. Вопрос «Являются ли русские частью европейской цивилизации?» оказался наиболее сложным: почти треть (32,1%) респондентов затруднились на него ответить. Половина (49,9%) считают русских европейцами, но почти каждый пятый (18%) с этим не согласен. Показательно, что наименьшая доля отрицающих принадлежность русских к европейцам оказалась в Забайкалье – самом полиэтничном регионе приграничья, в котором русских менее 88%.

Из четырех регионов приграничья Забайкальский край не только наиболее суровый по природным условиям, но и самый бедный. В рейтинге российских регионов по доходам населения в 2021 г. он занимает 64 место, Амурская область – 29-е, Приморский край – 25-е, Хабаровский край – 19 место. Тем не менее у читинцев самая высокая оценка своего материального положения: если в целом оценка «хорошее» респондентами своего материального положения составляет 28,6%, то в Чите – 32,3%, самая низкая в Благовещенске – 22,5%. Если общая оценка «ниже среднего» – 14,2%, то в Чите – 10,3%, в Благовещенске – 18,2%. Разница в самооценке читинцев и благовещенцев еще

больше контрастирует на фоне величины среднедушевого ВВП: в Забайкальском крае – 4,8 тыс. долл., в Амурской области – 6,3 тыс. долл. Возможно, этот парадокс объясняется тем, что при оценке уровня своего благосостояния жители Благовещенска сравнивают себя с преуспевающими жителями Хэйхэ.

Для студенчества одной из наиболее приоритетных является потребность в самореализации: 26,3% опрошенных имеют возможность ее удовлетворения. У благовещенцев самая низкая доля удовлетворенных условиями реализации этой потребности (21,5%), самая высокая у хабаровчан – 30,8%, что можно объяснить особенностями социального пространства: Хабаровск – крупный промышленный и культурный центр с населением в 620 тыс. чел., Благовещенск – небольшой провинциальный город с населением в 240 тыс. чел., уступающий по этому показателю Чите с населением 335 тыс. чел. При этом читинцы наиболее, а хабаровчане наименее оптимистичны. Это показывают ответы на вопрос об изменении благосостояния семьи респондентов через 3–4 года. Считающих, что будет лучше, – 34,4% (у читинцев – 40,2%, у хабаровчан – 30,7%), будет так же – 36,5%, будет хуже – 11,9% (у читинцев – 10,3%, у хабаровчан – 14,5%).

Магистранты в целом внимательно отслеживают политические события, лишь 17,8% испытывают безразличие к политике. Наиболее индифферентны читинцы – 32,3%, наименее хабаровчане – 7,3%. При общем показателе недоверия к политикам – 42% у читинцев он самый низкий – 30,5%, а самый высокий у хабаровчан – 50,7%. Интерес к политике проявляют 31,4% опрошенных (от 17,5% читинцев и 27,5% благовещенцев до 38,5% владивостокцев и 42,5% хабаровчан). Высокая включенность в политический процесс хабаровчан связана с массовым протестным движением в этом и других городах Хабаровского края в период с июля 2020 г. по октябрь 2021 г., с которым солидаризировались и жители Владивостока.

Зафиксирован высокий удельный вес обладателей загранпаспортов у студентов (65%). Несмотря на географическую удаленность от Европы, 39,3% студентов бывали в европейском зарубежье, 10,2% посетили более пяти европейских стран. В странах Азии побывали 63,8%, более пяти азиатских стран посетили 5,7% опрошенных. Здесь наибольшая активность у хабаровчан, наименьшая – у читинцев.

Высокая мобильность студенческого сообщества подтвердилась тем, что 75,7% респондентов хотели бы учиться за границей, 78,4% работать за границей. Переехать на постоянное место жительства в другую страну готовы 60,7% магистрантов: 54,1 в Чите; 60,4 в Благовещенске; 62,7 в Хабаровске; 63,8% во Владивостоке. Разумеется, настрой на эмиграцию вовсе не означает ее реализацию. Однако показатели вызывают тревогу в стране с депопуляцией населения, начавшейся в 1992 г., так как эмиграция увеличивает. По официальным данным Росстата, в 2015 г. из России выбыло 353 233 чел., в 2017 г. – 377 155 чел., в 2019 г. – 416 131 чел. [Россия..., 2021: 82].

Всероссийский опрос, проведенный ВЦИОМ в августе 2014 г., показал, что уезжают чаще всего молодые (74%), образованные (73%), состоятельные (68%), жители больших городов (65%). Кроме того, это люди активные (78%), сильные (62%), представляющие творческие профессии (43%), то есть элитный ресурс нации³, что подтверждается и другими исследованиями (см.: [Березутский, 2022: 71]). Установки на эмиграцию отмечены у 60,3%: 53,6% в Чите, 60,4% в Благовещенске, 62,6% в Хабаровске, 63,8% во Владивостоке. Наибольший удельный вес готовых к переезду в другую страну отмечен у респондентов с этнической идентичностью, наименьший – с территориальной. Отношение к религии также влияет на потенциальную эмиграцию, у верующих она меньше, чем у атеистов и агностиков, а у воцерковленных ее практически нет. Что же касается материальных факторов, отмечена общая закономерность: наибольшая установка на эмиграцию у бедных, наименьшая у средних слоев респондентов. Существует еще один фактор, влияющий на формирование настроения на эмиграцию – уровень знаний о зарубежье. Чем больше опыта погружения в инокультурную среду, тем более адекватной становится представление

³ ВЦИОМ. 2014. Пресс-выпуск № 2902.

о реальностях зарубежья. Это не означает, что установка на эмиграцию пропадает, но она становится более взвешенной. В этой связи среди опрошенных можно выделить три группы ориентированных на эмиграцию: первая, с наибольшей установкой, где доминируют посетившие 2–3 страны; вторая, со средней установкой, где большинство составляют никогда не выезжавшие за пределы России; третья, с наименьшей установкой, где основная масса – это те, кто имеет наибольший опыт знакомства с другими странами.

Среди причин эмиграционных настроений (отсутствие работы по специальности, низкая зарплата и др.) снижение качества жизни в наибольшей мере отражает региональные различия. Если в Чите на этот фактор указали 24,3%, то в Хабаровске – 32,8%, в Благовещенске – 36,5%, во Владивостоке – 38,2% студентов. Суровый климат Забайкалья во многом определяет неприхотливость читинцев к условиям жизни. Это отражается и на соотношении ценностей «сильное государство» – «благополучие населения». Если у хабаровчан – 8,7 : 88,0 (3,3% затруднились ответить), у владивостокцев – 8,2 : 89,3 (2,5%), у благовещенцев 6,7 : 91,3 (2,0%), то у читинцев – 13,5 : 76,2 (10,3%). Чем ниже материальный уровень, тем меньше доля считающих, что законы должны быть направлены на создание сильного государства.

Представления об окружающем мире и их источники. В условиях роста межцивилизационных контактов, кардинально изменяющих культурный ландшафт мира, возрастания геополитической рискогенности, переходящей в локальные конфликты, значение приграничья как пространства особой ответственности осознается большинством респондентов. Каждый четвертый (26,4%) считает, что роль приграничных регионов возрастает, более половины (54,5%) считают, что эти регионы становятся опасными, но эта перспектива воспринимается с существенной разницей: менее всего в самой далекой от границы Чите – 47,5%, более всего в Хабаровске – 59,7%.

Какие границы России вызывают наибольшие опасения? В ответах на этот вопрос диапазон региональных различий оказался небольшим. После украинских событий 2014 г. западные рубежи нашей страны вызывают особую тревогу у 53,3% опрошенных. Южные границы с республиками Кавказа и Казахстаном не вызывают сколько-нибудь серьезных опасений у респондентов (6,3%). Подобное отношение сложилось и к границе с Китаем (16,5%). При всей несопоставимой мощи по сравнению с нашими южными соседями Китай не вызывает особого беспокойства. Показательно, что наименьшую угрозу со стороны Китая ощущают благовещенцы, которые за многолетнее непосредственное взаимодействие с китайцами убедились в том, что территориальная экспансия их не привлекает, а богатства Сибири и Дальнего Востока (энергоносители, древесина, минеральное сырье) им и так достаются по льготным ценам. Оценка рациональности внешнеэкономической политики Китая находит отражение у респондентов, из которых треть (34,7%) признает в усилении Китая угрозу для России, а 39,3% отрицает ее наличие.

Экономическое сотрудничество России и Китая в ближайшей перспективе будет расширяться. В чем заинтересованы обе стороны, хотя это не исключает вероятности некоторой асимметрии, когда одна из сторон извлекает из внешнеторгового обмена больше выгод, чем другая. Этот аспект сотрудничества вызывает растущий интерес в общественном дискурсе из-за сложившейся структуры товарооборота. Если в российском экспорте доминируют сырье и энергоресурсы, то из Китая Россия импортирует машины и оборудование, приборы, изделия химической промышленности, товары массового спроса. Так, по данным торгпредства России в Китае, в 2021 г. 67,7% российского экспорта в Китай составили энергоресурсы, 12,2% древесина, 11,4% цветные и черные металлы, 5,4% сельскохозяйственная продукция, 2,4% изделия химической продукции, доля машин и оборудования составила всего 0,74%. Российский импорт из Китая качественно иной: машины и оборудование – 53,2%, предметы массового потребления (одежда, обувь, посуда, бытовые приборы) – 29,4%, изделия химической промышленности – 10,7%, сельскохозяйственная продукция – 2,3%⁴. Около 40% студентов оценивает экономическое сотрудничество между Россией и Китаем как выгодное

⁴ <https://chn.minpromtorg.gov.ru/> (дата обращения: 21.05.2023).

в равной мере обеим сторонам. Благовещенцы уверены в этом больше (44,8%), владивостокцы – меньше (37,5%) других. В то же время каждый четвертый (25,3%) считает, что Китай больше нужен России, а каждый пятый (19,4%), что Россия больше нужна Китаю. В целом согласных с тем, что развитие экономики России идет в правильном направлении, в декабре 2021 г. составляло лишь 12,8%, а 73,7% – не согласных с этим.

Накануне событий февраля 2022 г. магистранты-выпускники российского приграничья с Китаем считали более опасными для России внутренние угрозы – 48,1%, а внешних опасались 39,8%. При этом вопрос о будущем России вызвал активный отклик: большинство (42,3%) считают его «непредсказуемым», 22% ответили, что «величие России осталось в прошлом», и почти треть (30,9%) полагают, что «у России великое будущее». Показательно, что 65,3% выбравших этот вариант ответа составляют респонденты, указавшие на внутренние угрозы для России, и только 34,7% – на внешние.

Структура информационной базы студентов-магистрантов китайского приграничья оптимальна, включает многообразные источники: Интернет (29,4%), телевидение (19,8%), личные впечатления (12,5%), книги (12,3%), рассказы знакомых (11,9%), радио (4,1%) и газеты и журналы (3,1%).

Высокий уровень информированности выпускников ведущих университетов российско-китайского приграничья побуждает узнать их мнение о взаимной осведомленности России и Китая, ибо для лучшего взаимопонимания соседи должны иметь адекватное представление друг о друге. Почти каждый пятый (19,8%) респондент уверен, что россияне знают больше о Китае, большинство же (40,4%) считают, что китайцы о нас знают больше, чем мы о них. В среднем китайцы, по мнению опрошенных, знают о нас в два раза больше, чем мы о них. В настоящее время в Китае 22 научно-аналитических центра, изучающих Россию, как традиционных – в рамках партийных и правительственных учреждений (например, Институт изучения России при Академии общественных наук при ЦК КНР и Институт изучения России Академии наук провинции Хэйлунцзян), так и новых, возникших на базе академических институтов и университетов (Институт изучения России при Аньхойском университете, Центры изучения России Восточно-китайского, Пекинского, Сычуаньского университетов, Шанхайского университета иностранных языков), и другие [Козинец, Ли Дань, 2018].

Заключение. Исследование регионального сознания было проведено в одной из самых четко ограниченных социальных групп молодежи – магистрантов второго года обучения, т.е. выпускников университетов, которые характеризуются информационной продвинутостью, независимостью суждений, пространственной подвижностью, умением противостоять индоктринированию сознания. Даже в рамках изотропных социальных групп обнаружилось некоторые различия регионального сознания. Если в Хабаровском и Приморском краях многие общественные явления уже осмыслены, то Амурская область и Забайкальский край пока находятся в этом процессе, что подтверждается более высоким удельным весом неопределившихся. Особенно наглядно различия проявились в установках на эмиграцию. Наибольшая оказалась у тех, кто выбрал этническую идентичность, наименьшая – у выбравших территориальную, у верующих она значительно меньше, по сравнению с этактическими либеральными ценностями чаще коррелируют с установкой на эмиграцию, у материально обеспеченных ориентация на эмиграцию выше и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березутский Ю.В. Молодежь Хабаровского края: «точка роста» или «точка невозврата»? // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 65–72. DOI: 10.31857/S013216250016668-7.
- Грушин Б. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987.
- Дробужева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26–36.
- Козинец А.И., Ли Дань. Институты изучения России в КНР // Ойкумена. Региональные исследования. 2018. № 2. С. 141–150.
- Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.
- Минакир П.А. Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2002. № 2. С. 3–18.
- Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М.: Росстат, 2021.
- Симонян Р.Х. Специфика идентичности студентов приграничья России и Украины (на примере Белгородского и Харьковского госуниверситетов) // Социологические исследования. 2023. № 5. С. 108–116.

Статья поступила: 07.04.22. Финальная версия: 21.05.23. Принята к публикации: 22.05.23.

ON THE REGIONAL CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN-CHINESE BORDER REGION STUDENTS

SIMONYAN R.H.

MGIMO University, Russia

Renald H. SIMONYAN, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher of the Institute of International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia (simonyan.renald@yandex.ru).

Abstract. In the modern world, the intensity of interstate interactions is increasing. Of great importance in this process are the territories where these interactions take place in the forms of contact – border regions. For Russia, located on two continents, in which more than half of the regions are border regions, this is especially important. Due to the shift of the world economy center towards the Asia-Pacific region and the growing economic cooperation between Russia and China, the Russian-Chinese border area and, above all, its social component, is becoming an actual object for Russian sociology. The study of consciousness – individual, group, social – is important, both in theoretical and in practical aspects, because people's actions are a product of their thoughts and feelings. This also applies to regional consciousness, a form of perception of group community based on the unity of the territory, which emphasizes the context of the sociology of space. Based on the empirical basis of a survey conducted in December 2021, the article presents the results of a comparative analysis of the regional consciousness of university graduates of the Russian-Chinese border region, confirming the multiplicity of regional consciousness, which manifests itself in homogeneous groups of the population living in the same natural and social conditions. The conclusion is substantiated that it is necessary to study specific forms of regional consciousness in order to expand the theoretical basis for Russia's regional policy.

Keywords: Russian-Chinese border area, regional consciousness of students.

REFERENCES

- Berezutskiy Y.V. (2022) Youth of the Khabarovsk Territory: "POINT of Growth" or "POINT of No Return"? *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 65–72. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2017) All-Russian identity and the level of interethnic harmony as a reflection of the vector of consolidation processes. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 25–36. (In Russ.)
- Grushin B.A. (1987) *Mass consciousness: Experience of definition and problems of research*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Kozinets A.I., Li Dan. (2018) Institutes of Russian Studies in China. *Ojkumena. Regional'nye issledovaniya* [The Ecumene. Regional studies]. No. 2: 141–150. (In Russ.)
- Lebon G. (1995) *Psychology of peoples and masses*. Saint-Petersburg: Maket. (In Russ.)
- Minakir P.A. (2002) Economic and social development of the Far East and Transbaikalia. *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. No. 2: 3–18. (In Russ.)
- Russia in numbers. (2021) *A brief statistical collection*. Moscow. Rosstat. (In Russ.)
- Simonyan R.H. (2023) Specifics of Students' Consciousness in the Borderlands of Russia and Ukraine (On the Example of Belgorod and Kharkiv Universities). *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 108–116. (In Russ.)

Received: 07.04.22. Final version: 21.05.23. Accepted: 22.05.23.

К 100-летию Г.П. Давидюка

© 2023 г.

А.Н. ДАНИЛОВ

ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПРОФЕССОРА Г.П. ДАВИДЮКА И ВОЗРОЖДЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В БССР

ДАНИЛОВ Александр Николаевич – член-корреспондент НАН Беларуси, заведующий кафедрой социологии Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь (a.danilov@tut.bu).

Аннотация. В статье исследуется история научной школы прикладной социологии профессора Г.П. Давидюка (1923–2020), оценивается вклад ее основателя в возрождение социологической науки и институционализацию социологического образования в Беларуси. Г.П. Давидюк в конце 1960-х гг. сформировал первые в Белоруссии научные структуры социологического профиля (сектор социальных исследований, отдел социологических исследований Института философии и права АН БССР; сектор прикладной социологии при кафедре философии БГУ и др.), им были написаны учебники «Основы прикладной социологии» (1975) и «Прикладная социология» (1979), под его редакцией был подготовлен первый в стране «Словарь прикладной социологии» (1984), созданы основы подготовки профессиональных социологов в Белорусском государственном университете, кадров высшей научной квалификации. В 1970–1980-х гг. руководимая Г.П. Давидюком Проблемная научно-исследовательская лаборатория социологических исследований БГУ превратилась в ведущий в стране научный центр. Работа сектора прикладной социологии БГУ дала импульс к развитию заводской социологии. Г.П. Давидюк неоднократно представлял белорусскую социологию на международных форумах.

Ключевые слова: Г.П. Давидюк • возрождение социологии в СССР • научная школа • прикладная социология • Институт философии и права АН БССР • Белорусский государственный университет • институционализация социологического образования

DOI: 10.31857/S013216250026397-9

Введение. Начало возрождения социологии в СССР приходится на 1960-е гг. Под влиянием «хрущевской оттепели» происходило постепенное оживление общественной мысли, пробуждалась потребность в новых знаниях, реально отражающих социальные процессы и противоречия. Социология воскрешалась из небытия, но в стране еще не было условий, благоприятных для полного восстановления социологической науки, поскольку признание партийными идеологами прав теоретической социологии на существование противоречило официальной доктрине исторического материализма. Однако необходимость в более эффективном управлении социальными процессами во всех сферах общественной жизни требовала признания социологии в ранге прикладных социальных исследований.

На преодоление влияния факторов, тормозивших развитие страны, была направлена в 1965 г. попытка реформирования ее экономики, известная как реформа А.Н. Косыгина. В ходе нее предполагалось повысить самостоятельность предприятий в налаживании хозяйственных взаимосвязей на основе договорных отношений, вводились элементы самоуправления в трудовых коллективах, что объективно востребовало формирование в их структуре социологических служб.

Вызревание понимания необходимости возрождения социологии как науки на государственном уровне заняло в СССР почти четверть века. Этот процесс завершился к концу 1980-х гг. окончательной институционализацией социологической науки как самостоятельной академической дисциплины и предмета преподавания в вузах. По характеристике очевидцев тех событий, на принимаемые в высших партийных эшелонах власти решения влияли сложившиеся ранее стереотипы, отношение к социологии было неоднозначным, не всегда последовательным, а порой абсурдным. «Это было связано с существовавшим тогда догматизмом определения роли и значения исторического материализма, перестраховкой некоторых руководителей общественных наук, боязнью выводов, основанных на данных проводимых социологами исследований. Эти зигзаги нашли отражение даже в смене названий Института социологии, который сначала назывался Институтом конкретных социальных исследований (1968), затем Институтом социологических исследований (1972). <...> Все это позволяет сделать вывод, что судьба социологии в Советском Союзе была чрезвычайно сложной, запутанной, игнорируемой и противоречивой, отмеченной шараханием официальных лиц и отсутствием логики во многих актах (например, существовала Советская социологическая ассоциация, социологические службы при партийных комитетах, в министерствах и на предприятиях, но не было до конца 1980-х гг. социологического образования)» [Дмитриев и др., 2018: 137].

В Белорусской ССР важным и смелым для тех лет шагом на пути признания социологии стало Постановление Президиума ЦК КПБ «Об организации конкретно-социологических исследований в республике»¹, принятое 9 ноября 1965 г. Оно обязывало Президиум АН БССР, руководство Отделения общественных наук, институтов философии и права, экономики, истории, Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР обеспечить условия для проведения социологических исследований в НИИ и вузах [Кафедра социологии..., 2014: 212–213]. В частности, было предложено создать лаборатории социологических исследований при БГУ и в Институте народного хозяйства. Этим же постановлением при ЦК КПБ был создан Республиканский общественный институт социологических исследований для контроля их идеологической составляющей.

К возрождению социологии в Беларуси были причастны многие. В когорту первопроходцев, безусловно, входил и Георгий Петрович Давидюк (1923–2020). Георгий Петрович родился 5 июля 1923 г. в семье белорусских крестьян в д. Камень-Шляхетский (на тот момент она была в составе Польши, относилась к гмине Городец Кобринского повета Полесского воеводства, ныне это деревня Октябрь, Кобринский район Брестской области). Георгий Петрович успел окончить в Кобрине два класса гимназии. С первых дней войны он ушел на фронт, в возрасте двадцати лет командовал разведгруппой партизанского отряда, в 1942 г. получил под Ганцевичами первое ранение в открытом бою с немецкой ротой. В 1943 г. вступил в ВКП(б). В 1944 г. при штурме переправы на реке Плисса вблизи деревни Заречье получил серьезное ранение и был списан с фронта. После войны работал в административных учреждениях, в том числе в отделе культуры Брестского горисполкома и завершал образование в вечерней школе, затем в Брестском педагогическом институте им. М. Горького, который окончил в 1952 г. По рекомендации ЦК КПБ в сентябре 1955 г. поступил в аспирантуру философского отделения Академии общественных наук при ЦК КПСС. За время учебы в Академии Г.П. Давидюк подготовил кандидатскую диссертацию на тему «Основные черты современного ревизионизма», опираясь на польские, английские и немецкие источники. Диссертация получила высокую оценку членов ученого совета и успешно была защищена. 10 июля 1959 г. Совет Академии общественных наук присудил Г.П. Давидюку ученую степень кандидата философских наук. После

¹ В марте 1965 г. пост первого секретаря ЦК КПБ занял Петр Миронович Машеров, который активно поддерживал «косыгинскую» экономическую реформу и потребовал от республиканских министерств и ведомств разработать систему планирования, которая бы стимулировала экономическую заинтересованность предприятий. Отсюда его одобрительное отношение к социологическим исследованиям.

окончания Академии он был направлен работать в Минск лектором ЦК КПБ. Но ненадолго. К осени 1962 г. была опубликована его монография «Основные черты современного ревизионизма», написанная на основании кандидатской диссертации. Книгу раскритиковали в югославской прессе, обвинив автора в клевете на югославское руководство, в том числе на И.Б. Тито. Чтобы сгладить последствия, Г.П. Давидюку предложили перейти на работу в Институт философии и права АН БССР.

В воспоминаниях Г.П. Давидюк пишет: «О социологии я узнал во время учебы в аспирантуре в московской Академии общественных наук при ЦК КПСС. Старые профессора нашей кафедры философии часто зло заявляли, что социология – это “буржуазная наука”. Из прессы я узнал, что такова установка ЦК КПСС. Работая в АН БССР, я не только узнал, но и почувствовал ненависть, враждебность по отношению к социологии... <...> Суть социологии я узнал, часто бывая в Институте философии АН СССР, где уже в середине 1960-х гг. был сектор социальных исследований... <...> Наиболее глубоко я постиг суть социологии, когда писал докторскую диссертацию “Критика теории единого индустриального общества”. Книги по этой теме были написаны в то время американскими, немецкими, польскими социологами. Переводов на русский язык данных книг в 1960-е гг. не было. Пришлось читать все в оригинале. Меня поражала глубина проникновения мысли авторов этих книг в социальную действительность и связь теоретического суждения с объективными ее процессами. Особенно меня впечатлили глубиной знаний как американской, так и советской действительности Джон Гэлбрэйт и Дэниель Белл в своих книгах “Новое индустриальное общество. Техноструктура” и “Грядущее постиндустриальное общество”» [Данилов, 2013: 100–101].

В декабре 1968 г. Президиум АН БССР принял решение о создании в Институте философии и права сектора социальных исследований во главе с Г.П. Давидюком. Создание сектора, рост числа и квалификации сотрудников позволили расширить тематику исследований: в частности, по социальным последствиям научно-технической революции на селе, руководству социальными процессами, социальному планированию в городе и деревне. В 1970 г. социологи сектора организовали исследование проблем социального планирования предприятий и разработали методику «Перспективное социальное развитие производственного коллектива». В том же году сектор социальных исследований был преобразован в отдел социологических исследований с секторами: социология управления, социальное планирование и социальные проблемы села. По итогам исследований отдел предоставлял тем предприятиям и колхозам, где они проводились, отчеты и рекомендации по планированию и организации рабочих процессов. Были выпущены коллективные монографии: «Структура советской интеллигенции» (1970), «Проблемы социальной структуры села» (1971), «Научно-технический прогресс и социальные изменения села» (1972). В 1967 г. Г.П. Давидюк был награжден Грамотой Верховного Совета БССР и медалью «За трудовое отличие», в 1972 г. – Почетной грамотой Верховного Совета БССР. В том же году белорусский ученый вошел в состав Президиума Правления Советской социологической ассоциации.

С сентября 1969 г. началось сотрудничество Георгия Петровича с Белорусским государственным университетом, куда он был приглашен читать лекции по социологии для студентов философского отделения. В декабре 1972 г. по предложению ректора БГУ В.М. Сикорского Г.П. Давидюк возглавил кафедру марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов, при которой в 1974 г. был создан сектор прикладной социологии – крупнейшее в БССР учреждение, проводившее в 1970-х гг. социологические исследования. Георгий Петрович долгое время заведовал также университетской Проблемной научно-исследовательской лабораторией социологических исследований. Под его руководством в 1970–1980-х гг. лаборатория превратилась в востребованный в различных сферах республики научный центр. В 1960–1970-е гг. по примеру БГУ стали создаваться социологические структуры в ведущих вузах республики.

Г.П. Давидюк руководил разработкой проекта плана социально-экономического развития г. Минска на 1976–1980 гг., по итогам которой была выпущена коллективная монография «Методологические указания по разработке комплексного плана экономического и социального развития Минска на 1976–1980 гг.» (1975). За разработку методики этого плана коллектив исследователей удостоился золотой медали ВДНХ. В 1976 г. по инициативе Г.П. Давидюка было учреждено Белорусское отделение Советской социологической ассоциации, которое объединило усилия социологов всей республики.

В 1970-х гг. Г.П. Давидюк неоднократно представлял белорусскую социологию за рубежом: выступал с лекциями в университетах Чехословакии (апрель – май 1974 г.); в составе советской делегации участвовал в работе VIII Международного социологического конгресса (август 1974 г., Канада); читал лекции в Йенском университете им. Фридриха Шиллера (ГДР, сентябрь 1975 г.) и в Люблянском университете (Югославия, 1976 г.); в составе группы Всесоюзного общества «Знание» ездил в Шри-Ланку (ноябрь 1977 г.), в составе советской делегации участвовал в работе IX Международного социологического конгресса (август 1978 г., Швеция); читал лекции в Ягеллонском университете (Польша, октябрь – ноябрь 1979 г.).

В апреле 1981 г. Г.П. Давидюк был переведен на должность заведующего Проблемной научно-исследовательской лабораторией социологических исследований Белорусского государственного университета. При нем лаборатория окрепла организационно и финансово, многие сотрудники защитили диссертации, написали монографии, стали активными участниками научных форумов. Ученый активно участвовал в работе Белорусского отделения Советской социологической ассоциации, преподавал, ездил в научные командировки по СССР, в Польшу, Германию, Австрию и т.д. В первой половине 1989 г. в БГУ был создан философско-экономический факультет с отделениями философии, политэкономии и социологии, организована кафедра социологии. В 2010 г. Г.П. Давидюку было присвоено почетное звание «Заслуженный работник БГУ».

Научная школа прикладной социологии профессора Г.П. Давидюка. С возрождением социологии в 1960-е годы начала складываться научная школа прикладной социологии профессора Г.П. Давидюка. «Все научные школы возникают тогда, когда появляется человек с повышенным энергетическим зарядом, который, активно занимаясь исследованиями, вырабатывая новые идеи, заражает этим других» [Академик В.С. Стёпин..., 2019: 31]. Таким лидером в Беларуси стал профессор Г.П. Давидюк. Вокруг него «сформировалось активное ядро исследователей, было восстановлено социологическое наследие – не только труды социологов 1920–1930-х гг., но и социологические идеи выдающихся дореволюционных философов, писателей, статистиков, юристов, демографов и др.; создавались новые подразделения, готовились кадры...» [Шавель, 2010: 15–16]. Возрождение шло от практики: создавались исследовательские подразделения социологического профиля, шла переподготовка сотрудников, переводились статьи и монографии, обобщался опыт ученых-социологов, разрабатывались рекомендации, готовились и издавались учебно-методические пособия, появлялись первые отечественные социологические теории, собственные учебники. «Моими настольными учебниками, – вспоминал Георгий Петрович, – были книги Владимира Ядова “Социологические исследования. Методология. Программа. Методика” (1972), Андрея Здравомыслова “Методология и процедура социологических исследований” (1969)» [Данилов, 2013: 100–101].

В первом учебном пособии «Введение в прикладную социологию», которое было издано в 1975 г. в издательстве «Вышэйшая школа» в Минске, Г.П. Давидюк пишет: «Что за наука прикладная социология, и вообще – является ли она наукой, и если да, то каков ее предмет, – по этим и другим вопросам все еще продолжаются дискуссии» [Давидюк, 1975: 6]. Дискуссий тогда было много, и тон в них задавал только образованный журнал «Социологические исследования» (1974). Г.П. Давидюк писал: «Мы живем в эпоху бурного социального развития, постоянного зарождения новых социальных явлений. Все это требует исключительно совершенных подходов к исследованию общественных явлений,

что влечет за собой быстрое развитие некоторых направлений в общественных науках. К их числу относится и прикладная социология...» [Давидюк, 1975: 3]. В этом он был прав. Действительно, «развитие социологических исследований, рост бюджетных организаций, осуществляющих эти исследования, появления на предприятиях социологических служб настоятельно требуют подготовки квалифицированных кадров социологов» [там же: 4]. В своем первом учебнике Г.П. Давидюк предпринял попытку «систематизированно изложить историю и сущность марксистско-ленинской прикладной социологии, а также развитие буржуазной социологии на разных этапах; определить прикладную социологию как науку, сформулировать ее основные законы, изложить в синтезированном виде черты и функции марксистской социологии, показать соотношение между историческим материализмом и прикладной социологией» [там же: 4].

Через четыре года, в 1979 г., у Георгия Петровича в этом же издательстве выходит монография «Прикладная социология», в которой он раскрыл сущность и структуру данной отрасли социологии. Как пишется в аннотации, «впервые в советской социологической литературе дана характеристика ее законов и категорий. Органично изложены методология и процедуры социологического исследования. В новой интерпретации, отличной от предыдущих работ автора, охарактеризован процесс становления и развития прикладной социологии в СССР» [Давидюк, 1979]. Прошло четыре неполных года, и при сопоставлении содержания этих двух книг видно большое различие между ними. Уже нет параграфа «Исторический материализм и прикладная социология», не включен в монографию раздел «Буржуазная социология». Зато получила развитие и приобрела свою логику первая глава «Марксистско-ленинская прикладная социология как наука», где помимо предмета были рассмотрены соотношение прикладной социологии с другими науками, ее функции и черты. Появились третья глава «Категории и законы прикладной социологии», четвертая глава «Методология прикладного социологического исследования» и пятая глава «Процедура прикладного социологического исследования», где помимо методов представлен параграф по обработке социологической информации.

По признанию Г.П. Давидюка, «прикладная социология, хотя еще и не завоевала равноправного положения в ряду общественных наук, но уже вошла в академии, университеты, созданы институты, отделы, кафедры. <...> Однако полной ясности о ней как о науке пока нет: иногда ей отводят роль «сборщика» теоретического и фактического материала. Часто понятие “прикладная социология” подменяется другими – “конкретные социальные исследования”, “конкретные социологические исследования”. <...> Конкретные исследования ведутся на основе социологической науки и являются источником ее обогащения и развития. Это один из важных видов деятельности социолога, когда происходит апробация выдвинутых гипотез, получение нового знания о социальной действительности. Поэтому подменять прикладную социологию как науку конкретными социологическими исследованиями нельзя» [там же: 7].

Г.П. Давидюк видел прикладную социологию как науку о «специфических законах становления, развития и функционирования конкретных социальных систем, процессов, структур, организаций и их элементов» [там же: 7]. Своим энтузиазмом он заражал слушателей, студентов, преподавателей, показывая на практике эффективность социологии в упреждении или разрешении социальных конфликтов, учил руководителей предприятий и госучреждений видеть перспективы, уменью управлять и сплачивать трудовой коллектив. Его школа прикладной социологии требовала скрупулёзной отработки каждого элемента исследовательской программы, добивалась точного соблюдения всех процедур, выверенности полученных результатов и строгой их интерпретации. За каждым результатом стояли его высокий авторитет ученого и его стремление дойти до сути.

Наработки Г.П. Давидюка имели большое значение для институционализации социологии и создавали реальную базу подготовки специалистов-социологов и кадров высшей научной квалификации. Георгий Петрович признавал, что «сложный период в развитии прикладной социологии, который характеризовался на первом этапе ее развития

нигилистическим отрицанием ее как науки, затем продолжительными дискуссиями о предмете и, наконец, о ее месте, – наложил отпечаток на понимание и решение многих проблем данной науки. Поэтому ряд положений в нашей книге является тоже не бесспорным» [там же: 199].

В заключении монографии Г.П. Давидюк высказывает конкретные рекомендации «организационного характера по усовершенствованию управления социологическими исследованиями». В частности, он пишет: «Нам думается, что уже настало время иметь на всех предприятиях заводского социолога профессионала, а в производственных объединениях – социологическую лабораторию. Следует создать стройную систему социологической службы в каждом министерстве. Отраслевые социологические лаборатории – вот те социальные институты, которые крайне необходимы всем министерским управлениям для более глубокого изучения социальных проблем своей отрасли, получения объективной информации об интересах и запросах работников отрасли, повышения эффективности управления, содействия максимальному превращению объекта в субъект управления» [там же: 205]. «Специалист с высшим социологическим образованием сейчас крайне нужен для научно-исследовательских социологических учреждений, в высших учебных заведениях, на предприятиях, учреждениях. <...> Поэтому вопрос об открытии социологических факультетов в университетах, где есть уже опытные кадры преподавателей и некоторый опыт подготовки социологов на философских факультетах, – вопрос, требующий неотлагательного решения» [там же: 205–206].

Благодаря усилиям Г.П. Давидюка в 1974 г. на философском отделении исторического факультета БГУ была предпринята попытка подготовки специалистов-социологов и была открыта первая аспирантура по специальности «прикладная социология». Первый выпуск студентов, отучившихся по специальности «Философ. Прикладной социолог», состоялся в 1977 г. Внешне препятствий не было, но и поддержки не было тоже. В результате его усилия продолжить эту работу были остановлены союзным министерством образования. Для реализации этой задачи понадобилось еще целое десятилетие борьбы.

Следует отметить, что выход учебника нового поколения Г.П. Давидюка «Прикладная социология» имел большое значение в возрождении социологии. Опыт первопродходцев был использован шедшими за ним более молодыми исследователями. Эта книга «примечательна еще двумя чертами: во-первых, в ней была сделана едва ли не первая попытка дать очерк современной советской социологии – ее трудов и их авторов за 60–70-е годы, и, во-вторых, сформулированы предложения и размышления, как построить учебный процесс (на примере Белорусского университета)» [Тощенко, 1998: 3]. «Опыт обобщения теоретических поисков и прикладных исследований стал основой для еще одного крупного достижения белорусских социологов: под редакцией Г.П. Давидюка (составители А.Н. Елсуков, К.В. Шульга) в 1984 г. вышел в свет «Словарь прикладной социологии» (1984; повторно он был переиздан в 1991 г.). По сути дела, это был первый советский социологический словарь, вышедший в свет после официального признания социологии. Этот словарь появился раньше аналогичных изданий в Москве и Киеве и был сразу признан социологическим сообществом, стал помощником для тех, кто ориентировался на стезю социологии, пытался реализовать на практике конкретные социологические исследования, создавать первые учебные курсы по социологии» [Тощенко, 1998: 3].

Интересен опыт работы сектора прикладной социологии при кафедре философии гуманитарных факультетов БГУ. Он создан Г.П. Давидюком в 1974 г. и проводил исследования на крупнейших заводах Белоруссии, в том числе на таких промышленных гигантах, как Могилевское ПО «Химволокно», Оршанский льнокомбинат. В 1960–1970-е гг. по примеру БГУ стали создаваться социологические структуры во всех ведущих вузах республики. Работа сектора прикладной социологии в БГУ дала толчок развитию заводской социологии, когда в штаты крупных заводов, комбинатов и организаций были введены инженеры-социологи. К 1980-м гг. на базе вузовских кафедр гуманитарного профиля сложилась сеть социологических лабораторий, секторов, групп.

Профессор Г.П. Давидюк готовил кадры профессиональных социологов, понимая важность создания базы развития социологической науки. Только под его непосредственным научным руководством подготовлено 48 кандидатов наук, 12 из которых впоследствии защитили докторские диссертации. Его идеи и правила были приняты последователями и получили дальнейшее развитие в их исследованиях и научных трудах.

Заключение. Усилия таких первопроходцев в науке, как Георгий Петрович Давидюк, не пропали даром. Его научная школа живет и развивается: социологическая наука ни у кого не вызывает сомнений, с учетом достижений науки и новым технологиям совершенствуются социологические методы. Получило прописку в ведущих университетах социологическое образование, защищаются диссертации по социологическим наукам, создаются факультеты и кафедры социологического профиля. Школа постижения социологии профессора Г.П. Давидюка, выработанные в ней методологические и этические нормы живут в новых поколениях ученых. Со временем социологам не становится легче. В зеркало правды, как и раньше, не всем хочется заглядывать. Сегодня социология стала одним из главных источников получения знания о современном обществе, процессах в нем, о человеке, его социальном самочувствии. Главное – без социологии невозможно найти достойного ответа на новые вызовы времени. Несмотря на трудности, социологи в состоянии преодолеть последствия глобальной нестабильности и возникающие социальные турбулентности.

Новые поколения ученых социологов внимательно исследуют и используют опыт и наработки предшествующих поколений ученых, развивая научную школу прикладной социологии профессора Г.П. Давидюка. Традиции, заложенные в период возрождения социологии Г.П. Давидюком, со временем трансформировались с учетом развития научно-технологического и информационного-коммуникативного прогресса, оставаясь своеобразными маяками развития. Время дополняет их новым опытом, обновляет содержание, создавая условия преодоления препятствий на историческом пути.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Академик В.С. Степин. Тайна долгого пути... / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии; сост. А.Н. Данилов; ред. колл.: А.Н. Данилов (отв. ред.) и др. Минск: Беларуская навука, 2019.
- Давидюк Г.П. В муках и страданиях родилась социология // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 93–99.
- Давидюк Г.П. Введение в прикладную социологию. Минск: «Вышэйшая школа», 1975.
- Давидюк Г.П. Прикладная социология. Минск: «Вышэйшая школа», 1979.
- Данилов А.Н. Слово о современниках: эссе, интервью. Минск: Беларуская навука, 2013.
- Дмитриев А.В., Иванов В.Н., Тощенко Ж.Т. Так как же все было на самом деле? К истории возрождения социологической науки в СССР // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 134–145. DOI: 10.31857/S013216250002793-5.
- Кафедра социологии БГУ: история и современность. К 25-летию создания. Минск: БГУ, 2014.
- Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: РХГИ, 1999.
- Тощенко Ж.Т. «Социология возрождалась в нашей стране сначала как политическая витрина» // Социологический журнал. 2007. № 4. С. 149–170.
- Тощенко Ж.Т. Беларусь: время надежд // Социологические исследования. 1998. № 9. С. 3–4.
- Шавель С.А. Общественная миссия социологии. Минск: Беларуская навука, 2010.

Статья поступила: 03.04.23. Принята к публикации: 22.05.23.

APPLIED SOCIOLOGY OF PROFESSOR G.P. DAVIDYUK AND REVIVAL OF SOCIOLOGICAL SCIENCE IN THE BELORUSIAN SOVIET SOCIALIST REPUBLIC**DANILOV A.N.***Belarusian State University, Republic of Belarus*

Aleksandr N. DANILOV, Correspondent Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus, Head of Sociology Department, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus (a.danilov@tut.bu).

Abstract. The article examines the history of academic school of applied sociology of Professor G.P. Davidyuk (1923–2020), assesses his contribution to the revival of sociological science and the institutionalization of sociological education in Belarus. G.P. Davidyuk formed the first scientific structures of a sociological profile in Belarus (sector of social research, Department of sociological research of the Institute of Philosophy and Law of the Academy of Sciences of the BSSR; sector of applied sociology at the Department of Philosophy of Belarusian State University in Minsk, etc.), he wrote the first textbooks “Fundamentals of Applied Sociology” (1975) and “Applied Sociology” (1979). Under his editorship, the country’s first “Dictionary of Applied Sociology” (1984) was prepared, the foundations were laid for professional sociologists training at the Belarusian State University (BSU), personnel of the highest scholarly qualification. In the 1970s and 1980s, the Problematic Research Laboratory of Sociological Research of BSU, headed by G.P. Davidyuk, turned into the country’s leading scientific center. The work of the Applied sociology sector at the BSU gave an impetus to the development of industrial sociology.

Keywords: G.P. Davidyuk, revival of sociology in the USSR, scientific school, Applied Sociology; Institute of Philosophy and Law of the Academy of Sciences of the BSSR, Belarusian State University; institutionalization of sociological education.

REFERENCES

- Academician V.S. Stepin. The mystery of the long journey.* (2021) National Academy of Sciences of Belarus, Institute of Philosophy; comp. A.N. Danilov; eds A.N. Danilov et al. Minsk: Belorusskaya navuka. (In Russ.)
- Danilov A.N. (2013) *The Word about contemporaries: essays, interviews.* Minsk: Belorusskaya navuka. (In Russ.)
- Davidyuk G.P. (1975) *Introduction to applied sociology.* Minsk: Vyshejschaya shkola. (In Russ.)
- Davidyuk G.P. (1979) *Applied sociology.* Minsk: Vyshejschaya shkola. (In Russ.)
- Davidyuk G.P. (2008) Sociology was born in agony and suffering. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 93–99. (In Russ.)
- Department of Sociology of the Belarusian State University History and Modernity.* (2014). To the 25th anniversary of its creation. Minsk: BGU. (In Russ.)
- Dmitriev A.V., Ivanov V.N., Toshchenko Zh.T. (2018) So how was it really? On the History of the Revival of Sociological Science in the USSR. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 134–145. DOI: 10.31857/S013216250002793-5. (In Russ.)
- Russian sociology of the sixties in memoirs and documents.* (1999) St. Petersburg: RHGI. (In Russ.)
- Shavel S.A. (2010) *Social mission of sociology.* Minsk: Belorusskaya navuka. (In Russ.)
- Toshchenko J.T. (2007) Sociology was revived in our country at first as a “political showcase”. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 4: 149–170. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (1998) Belarus: the time of hopes. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–4. (In Russ.)

Received: 03.04.23. Accepted: 22.05.23.

© 2023 г.

ЛИ ЦЗЯНЬХУЭЙ

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ЦЗЯНЬХУЭЙ Ли – аспирант факультета социологии, Санкт-Петербургский государственный университет (st068366@student.spbu.ru).

Аннотация. В статье изучается изменение жизненных ценностей молодежи в Китае и в России за последние 30 лет по двум возрастным когортам. Результаты ценностной социализации молодых поколений двух стран оценивались по данным волн лонгитюдного международного исследования ценностей двух поколений: 1) поколение молодых людей, родившихся в 1966 г. (проводилось в 1995–1998 гг.); 2) поколение молодых людей, родившихся в 1991 г. (проводилось по той же методике в 2017–2020 гг.). Изучение данных показало, что традиционные СМИ, а также появившиеся благодаря Интернету новые медиа являются важными факторами, влияющими на изменение ценностей молодежи от поколения к поколению. У современной российской и китайской молодежи изменились семейные ценности и карьерные установки по сравнению с поколением их родителей. Подтверждено, что ценность образования российской и китайской молодежи растет, но существенно возрастает также значимость гедонистических ценностей.

Ключевые слова: социальное поколение • молодежь • социализация • социальные ценности • СМИ • Интернет • реклама

DOI: 10.31857/S013216250026385-6

На ценностную социализацию молодежи влияют семья, школа, система образования, работа, СМИ. В разных социальных и культурных условиях под воздействием разных факторов социализации возникают различия в ценностях поколений. В статье рассмотрены изменения ценностных ориентаций двух поколений в РФ и КНР: а) возрастная когорта людей, родившихся в 1991 г. или немного раньше, б) возрастная когорта людей, родившихся в 1966 г. Формирование разделяемых этими двумя поколениями ценностей изучается на фоне их общей современности с учетом влияния эпохи, национальных особенностей и обстоятельств развития их стран. Каковы эти обстоятельства?

Ситуация в Китае и России: общий фон. В 1978 г. в Китае начались реформы, сопровождавшиеся переходом страны к открытости, что влекло за собой изменение ценностей общества [Ван Мэн, 2018]. Стратегия китайских реформ состояла в соединении преимуществ планово-распределительной и рыночной моделей функционирования экономики. В ходе реформ формировались рыночные механизмы стимулирования производительного труда, легализовалась частная собственность, ослаблялась монополия госсектора, были созданы благоприятные условия функционирования и доступа на мировые рынки коллективных и частных предприятий. Эти меры привели к подъему экономики и значительному

Исследование выполнено при поддержке Китайского совета по стипендиям (中国留学基金委, <http://www.csc.edu.cn>).

повышению уровня жизни населения в условиях устойчивого роста ВВП. Под влиянием роста материального потребления самосознание молодых людей быстро менялось, свобода выбора образа жизни и стилей поведения становилась значительно шире. В то же время усилились индивидуализм и потребительство. Рост доходов и растущий разрыв в распределении материальных благ привели к тому, что новое поколение молодых людей в ходе социализации сталкивается с заметным неравенством стартовых условий, а их личные усилия не могут покрыть разницу в доходах с капитала и от личного труда.

В России в 1991 г. началась серия радикальных реформ в экономике. Из-за изъянов приватизации, сокращения государственной поддержки и уменьшения госзаказов многие прежние промышленные предприятия перестали существовать либо были перепрофилированы. В 1992–1998 гг. гиперинфляция обесценивала трудовые сбережения значительной части населения России. Получение доходов от частного предпринимательства и коммерции было связано с высоким риском из-за роста преступности и коррупции. Многие люди, ранее работавшие в научно-технической сфере, в промышленности, в сельском хозяйстве, потеряли работу, что, возможно, еще больше повлияло на стремления молодежи делать иную карьеру, чтобы больше заработать. Ситуация стала меняться в начале XXI в.: произошла стабилизация российской экономики, наступил постепенный экономический подъем.

В современном Китае и в России молодые люди и их родители ныне живут в структурно схожих условиях. В Китае в период реформ и открытости (с 1978 г.) на них сильнее, чем в РФ, влияла традиционная национальная культура, конкурирующая с западной культурой [Бао Дунмин, 2003]. В обеих странах для старшего поколения социалистическая культура была повседневностью. В России и в Китае среди молодежи актуальный жизненный опыт постепенно стал существенно отличаться от жизненного опыта их родителей, в том числе под влиянием новых СМИ и новых возможностей коммуникации: книги и телевидение дополнились коммуникацией в сети Интернет.

Методологические замечания и постановка задачи. Обобщая исследования влияния новых СМИ и соцсетей, профессор Линь Сяньдун (факультет социологии Хэйлунцзянского университета в Китае) отмечает, что онлайн-взаимодействие меняет традиционные социальные связи молодых людей, приводит к дефициту очных контактов, все больше замещает их информацией из «вторых рук». При использовании новых медиа отправитель информации может скрывать свою личность, играть несколько ролей, лукавить, не рискуя быть замеченным в этом [Линь Сяньдун, 2021]. Следовательно, влияние старых и новых СМИ на молодежь может быть как благотворным, так и негативным (как и других агентов социализации).

Мы ограничимся рассмотрением влияния новых медиа на ценности молодежи в сравнении с поколением родителей, то есть с «бывшей» молодежью одним поколением ранее. Для этого мы воспользуемся результатами исследования влияния СМИ, проведенного немецкой исследовательницей М. Бергхаус, которая считает, что факторы влияния СМИ делятся на три уровня. На первом уровне она сравнивает влияние социального окружения и СМИ на получателя информации. Оказалось, что влияние социального окружения сильнее, чем влияние СМИ. Если возникают сомнения в правдивости информации из СМИ, то обращаются к тем, кому доверяют, то есть к непосредственному социальному окружению. Второй уровень влияния – сам вид СМИ и СМК, сравниваемый с влиянием его содержания. На этом уровне массовой коммуникации вид СМИ имеет большее влияние, чем его содержание (что обнаружил Маклюэн). Например, молодежь использует в основном Интернет для получения информации. По сравнению с традиционными СМИ (телевидение, газеты, радио), Интернет влияет на молодежь больше, чем на старшее поколение, независимо от содержания сайтов. Содержание составляет третий уровень анализа влияния СМИ, который образуют темы и мнения (оценки экспертов) передаваемого сообщения, общедоступной информации. На этом уровне сами темы влияют больше, чем мнения экспертов, высказываемые в СМК. Например, когда мы знакомимся со статьёй, нас сначала

интересует её заголовок, а затем мы читаем её. Если выводы статьи вызывают сомнения, мы, как правило, не связываясь с автором, обратимся к эксперту [Головин, 2012].

С учетом концепции Бергхаус мы рассмотрим изменение ценностей молодых поколений в Китае и в России по сравнению с поколением их родителей (у которых в годы юности не было Интернета) и соотнесем эти изменения с различием в источниках массовой информации. Для определения социальных ценностей поколений молодежи мы привлекаем данные Мирового исследования ценностей, в частности, о семье, о карьере, об образовании и о гедонизме (World Values Survey, далее – WVS)¹. Структура данных WVS, его «волн» соотнесена с двумя поколениями молодежи в двух странах (рис. 1). Под поколениями далее понимаются возрастные группы людей, принадлежащие по рождению к одному временному периоду (демографы их именуют возрастными когортами). Это люди, относящиеся к одной популяции, родившиеся в одно время и пережившие вместе важнейшие события жизни страны. Выделены поколение № 1 (условно именуется поколением родителей) и поколение № 2 (условно именуется поколением детей). Молодежь поколения № 1 в обеих странах (сбор данных Wave 3 WVS выполнен в 1995–1998 гг.) родилась примерно в 1966 г. или годом ранее. Его представители примерно в 1973 г. поступили в социалистическую школу, в 1984 г. окончили ее в канун общественных реформ, а потом стали работать или учиться дальше. В 1996 г. им было уже 30 лет, но Интернета еще не было. На их ценности влияли семья, школа, работа, институт, политика, газеты и телевизор. В 2022 г. им было 56 лет или около того, они стали пользоваться Интернетом, будучи взрослыми.

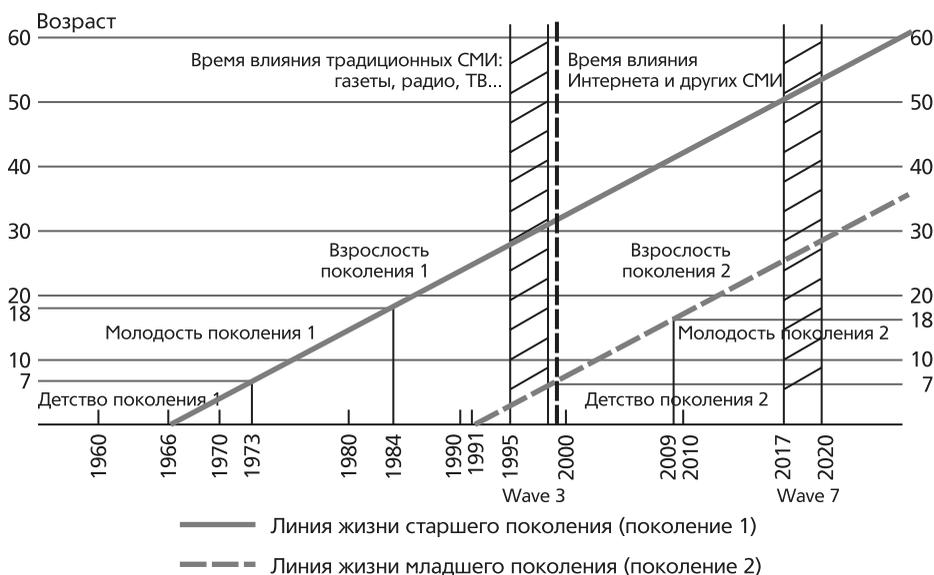

Рис. 1. Молодежь двух поколений в КНР и в РФ

Примечание. Показаны линии жизни поколений, сопоставленные с волнами W3 и W7 Мирового исследования ценностей (WVS). К 1966 г. относится то время, когда родилось большинство представителей поколения 1 (родители современной молодежи). В 1973 г. это поколение начало посещать школу. 1984 г. – окончило её. 1991 г. – рождение годовичных возрастных когорт поколения 2 (современная молодежь), 1988 г. – молодежь поколения 2 пришла в школу, 2009 г. – окончила школу; (Все годы имеют некоторый разброс) 1995–1998 гг. – волна сбора данных W3 WVS, 2017–2022 гг. – волна сбора данных W7 WVS.

¹ World Values Survey. (2022) URL: <http://www.worldvaluessurvey.org> (accessed 22.09.2022).

Таблица 1

Важность семьи, карьеры и гедонизма для китайской и российской молодежи и поколения ее родителей (возраст опрошенных до 29 лет в разные годы сбора данных), в % от числа опрошенных*

Варианты ответа респондента	Волна WVS, страна			
	1995–1998 (W3)		2017–2020 (W7)	
	Китай	Россия	Китай	Россия
<i>Важность семьи</i>				
Очень важно	73,6	80,2	87,6	77,3
Довольно важно	24,8	16,5	12,2	20,9
Не очень важно	0,9	2,5	0,3	1,3
Совсем не важно	0,2	0,5	–	0,6
Не знаю	0,5	0,3	–	–
<i>Важность карьеры</i>				
Очень важно	64,1	46,4	40,3	49
Довольно важно	30,8	42,9	50,2	39,8
Не очень важно	3,5	9,1	6,8	8,5
Совсем не важно	0,5	0,8	1,7	2,0
Не знаю	1,2	0,8	0,9	0,7
<i>Важность гедонизма</i>				
Очень важно	9,7	30,5	20,4	47,3
Довольно важно	43,3	46,7	51,8	44
Не очень важно	40,3	19,8	27,3	7,4
Совсем не важно	4,9	2,2	0,1	0,6
Не знаю	1,9	0,8	0,3	0,6

Источник: *Здесь и далее источник табличных данных: Мировое исследование ценностей (World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org>).

Молодежь поколения № 2 в КНР и в РФ (сбор данных Wave 7 WVS выполнен в 2017–2020 гг.). Представители этой когорты родились в 1991 г. или немного ранее. Они пошли в школу в 1998 г. в период реформ, окончили её в 2009 г., затем учились в институте, университете или шли работать. Среди них значительно увеличилась доля людей с высшим образованием. Эта молодежь использовала Интернет с детства и со школьных лет. В 2022 г. им было за 30 лет, но по отношению к поколению № 1 они условно названы поколением детей.

На рис. 1 показаны линии жизни поколений № 2 и № 1 в КНР и в РФ, отмечены штриховкой волны сбора данных о ценностях молодежи W3 и W7 WVS. С учетом этого рисунка, соответствующего методу Age-Period-Cohort-Analysis (APC-Analysis) [Young, Land, 2013] – разновидности когортного анализа – анализа эффектов возраста, периода и когорты, включая проблему разделения этих эффектов за счет исключения эффекта возраста, так как ценностная социализация совершается в основном в молодости, это позволяет опираться на вторичный анализ данных WVS.

Предполагается, что у молодежи поколения № 1 на ценности больше влияют семья, школа, работа, учеба в институте, политическая система и политический курс руководства страны, газеты и телевизор, а на ценности молодежи поколения № 2 влияют все названные факторы и агенты социализации, а также сильно влияют Интернет и коммуникация в его сфере.

Мы выполнили вторичный анализ данных WVS и обнаружили следующие ценности, которых придерживаются поколения (табл. 1).

Некоторые результаты сравнения изменения ценностей поколений. В Китае количество молодых людей, которые думают, что «семья очень важна», значительно увеличивается при переходе от молодежи в поколении № 1 к молодежи в поколении № 2. Количество молодых людей, считающих, что «семья не важна», в поколении № 1 было ничтожно малым (0,2%), а в поколении № 2 оказалось равным нулю. Отсюда следует, что семья становится все важнее в ценностях китайского общества. В России количество молодых людей, которые считают, что «семья очень важна», с переходом от поколения № 1 к поколению № 2 снижается на 2,9%, а количество людей, которые считают, что она «относительно важна», соответственно увеличивается на 4,4%. Итак, важность семьи отражается в ценностях молодых россиян по двум поколениям в тенденции от очень важного к менее важному. Проявление этих тенденций объяснимо, *во-первых*, культурно-историческими традициями. В традиционной китайской культуре семья выступает основной ячейкой производства, поскольку китайское аграрное общество существовало на протяжении очень долгого времени, и в китайских сельских общинах земледельческий труд был в основном совместным трудом членов одной семьи, что является главной причиной того, что у китайцев чувство семьи проявляется столь сильно. *Во-вторых*, сохраняется верность концепции, выраженной в сентенции Конфуция: «Молодые люди должны дома проявлять почтительность к родителям, а вне его – уважительность к старшим, серьезно и честно относиться к делу, безгранично любить народ и сближаться с человеколюбивыми людьми»², и китайцы предпочитают рассматривать поколения как единое целое, похожее на «семейную» структуру. Российское общество подверглось гораздо более сильному влиянию западных ценностей, имевших свою историю формирования. В западном обществе были Ренессанс и промышленная революция, в нем возникли капитализм, индивидуализм и конкуренция с акцентом на личный успех. Родители в странах Запада, в отличие от Китая, часто считают, что дети, став взрослыми, должны идти работать и жить самостоятельно, а не оставаться с ними.

Мы также рассматриваем влияние СМИ как усилителя этих культурных социальных факторов. По сравнению с телевидением и радио, которые работают для неопределенного получателя [Луман, 2005: 9], Интернет постоянно передает больший объем информации, адресованный каждому пользователю лично, следовательно, оказывает больше влияния на социализацию каждого молодого человека, чем прежде это делали ТВ, радио, газеты и книги. Если молодежь старшего поколения в обеих странах смотрит телевизор и читает газеты, то молодёжь младшего поколения получает информацию в основном из Интернета и сама участвует в её создании.

Хотя Интернет широко используется в обеих странах, современные китайские семьи менее подвержены его влиянию и по-прежнему ценят традиционную семейную жизнь. Кроме того, контроль за Интернетом в Китае более строгий, а контроль за информацией – более жесткий. В содержании информации в китайском Интернете ведущую роль играют основные ценности китайской культуры.

В России информация более доступна через Интернет, она распространяется среди молодежи более свободно. Запад продвигает через Интернет ценности, которые больше ориентированы на свободу и индивидуализм, и эти ценности сильнее влияют на российскую молодежь, чем на китайскую. Возможно, что по этой причине снизилась доля молодых россиян, считающих, что «семья очень важна».

В Китае число молодых людей, полагающих, что карьера является «очень важной», уменьшилось (напомним, что речь идет о молодежи поколений № 1 и № 2), в то время как число молодых людей, считающих её «довольно важной», значительно увеличилось, а число молодых людей, полагающих, что карьера «не очень важна» и «совсем не важна», также увеличилось. Таким образом, мы видим, что в ценностях китайской молодежи

² См.: Конфуций. Лунь Юй. Изречения. Гл. I, б.

«карьера» переходит от «очень важной» к «довольно важной», «не очень важной» и даже к «совсем не важной».

В России ситуация обратная. Число молодых людей, считающих карьеру «очень важной», увеличилось на 2,6%, в то время как число тех, кто считает ее «довольно важной», уменьшилось на 3,1%, а число молодых людей, считающих ее «неважной», также уменьшилось на 0,6%. Это свидетельствует о тенденции изменения карьерных ценностей российской молодежи от «довольно важных» и «неважных» к «очень важным», то есть об усвоении обществом капиталистических трудовых ценностей.

В России и в Китае от поколения № 1 к поколению № 2 резко увеличилось число молодых людей, считающих гедонизм «очень важным», и значительно уменьшилось число молодых людей, считающих его «не очень важным». С учетом того, что в традиционных культурах конфуцианства и буддизма (Китай), православия и ислама (РФ) никакого гедонизма нет, мы можем видеть сдвиг в ценностях молодых людей в России и Китае от гедонизма как «не очень важного» к «очень важному» при сравнении двух поколений.

Выводы. В целом, согласно нашим результатам, наблюдается новый «поколенческий сдвиг» в ценностных ориентациях молодежи двух стран. Изменения в ценностях молодежи, как правило, совпадают и следуют за социально-экономическими и социально-политическими событиями в обоих обществах, то есть связаны с общим эффектом исторического периода (в терминах APC-Analysis). При этом в рамках наших данных СМИ и Интернет оказались важным фактором, влияющим на изменение ценностей молодежи от поколения к поколению.

В ходе изучения данных Мирового исследования ценностей (WVS) выяснилось, что среди молодежи в Китае значение семейных ценностей с середины 1990-х до 2018–2020-х гг. еще более укрепилось. В России они, напротив, демонстрируют тенденцию перехода от очень важных к менее важным. В ценностях китайской молодежи карьера варьирует от очень важной до довольно важной, не очень важной и даже совсем не важной. В России наблюдается обратная тенденция: среди молодежи от середины 1990-х гг. к концу второго десятилетия XXI в. карьерные ценности меняются от довольно важных и не важных к очень важным. В этом проявляется различие между национальными традициями и культурами, а современные СМИ лишь усиливают его.

Развитие новых СМИ расширило горизонты молодых людей, предоставило им доступ к новым знаниям. Все больше знаний и информации предоставляет Интернет, что, как следует из данного исследования, также содействует повышению образовательного уровня молодежи в обеих странах. В то же время фрагментация реальности, развлечения и огромное количество информации в обществе потребления и эпохи Интернет завершили исторически длительное разрушение традиционного социального порядка и его норм, открыли ворота к принятию гедонистических ценностей, которыми изобилует Интернет. Однако в ценностях молодежи гедонизма не очень много. Она стремится к жизненному успеху и к высокому качеству жизни, предпочитая работу, которая интересна, и уделяя немало внимания отдыху, удовольствиям и развлечениям. Это не означает гедонизма в точном смысле слова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бао Дунмин. Сравнение и анализ ценностей двух поколений в современном Китае // Официальный сайт «Китайское образование» (鲍东明. 现代中国两代人价值观的比较与分析 // 中国官方网站中国教育2003). URL: <http://www.ruiwen.com/news/14631.htm> (дата обращения: 22.09.2022).
- Ван Мэн. Исследование механизмов изменения ценностей китайской молодежи за последние 40 лет реформ и открытости // Современные молодежные исследования, 2018. С. 31–36. (王萌. 改革开放四十年中国青年价值观变迁机制研究 // 当代青年研究, 2018 : 第31–36页).
- Головин Н.А., Петренко П.А. Теория социальной коммуникации Н. Лумана в эволюционно-коммуникативной перспективе // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 12. № 1. С. 163–164.

- Линь Сяньдун. Исследование социального участия молодежи в перспективе новых медиа // Китайская молодежная социальная наука. 2021. № 4. С. 99–104 (林显东. 新媒体视角下的青年社会参与探索 // 中国青年社会科学, 2021. № 4. 第99–104页).
- Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2012.
- Young Y., Land K.K. Cohort Analysis Age and Historical Period: New Models, Methods, and Empirical Applications. Ebook. Cleveland, Ohio: CRC Press, 2013.

Статья поступила: 19.01.23. Принята к публикации: 11.04.23.

GENERATIONAL SPECIFICS OF VALUES SOCIALIZATION AMONG RUSSIAN AND CHINESE YOUTH

LI JIANHUI

St. Petersburg State University, Russia

LI JIANHUI – Postgraduate student, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (st068366@student.spbu.ru).

Acknowledgements. The research was supported by the China Scholarship Council (中国留学基金委, <http://www.csc.edu.cn>).

Abstract. The article examines changing values of contemporary youth and their parents' generation in China and Russia, two generations with different life experiences, taking into account the emergence of the Internet, a new agent of socialization, which provides young people with a special autonomous space for growing up and forming values. The results of value socialization of young generations in the two countries are evaluated according to two waves of the World Values Survey (1995–1998 and 2017–2020). It is found that changes in youth values tend to coincide with and follow socio-economic and socio-political developments in both societies, media and Internet are an important factor influencing changes in youth values from generation to generation, modern Russian and Chinese youth have changed family values and career attitudes compared to their parents' generation. It is confirmed that the value of education of Russian and Chinese youth is increasing, but young people in both countries consider hedonic values to be more important than their parents' generation. The findings have implications for the study of societal dynamics.

Keywords: social generation, youth, socialization, social values, media, Internet, advertising.

REFERENCES

- Bao Dongming. (2003) Comparison and analysis of two generations' values in contemporary China. Official website of China Education. URL: <http://www.ruiwen.com/news/14631.htm> (accessed 22.09.2022). (In Chin.)
- Golovin N.A., Petrenko P.A. (2012) Luman's theory of social communication in evolutionary-communicative perspective. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University]. Ser. 12. No. 1: 163–164. (In Russ.)
- Lin Xiandong. (2021) Exploring Youth Social Participation from a New Media Perspective. *Chinese Youth Social Science*: 99–104. (In Chin.)
- Luhmann N. (2012) *The Reality of Mass Media*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Wang Meng. (2018) Exploring Mechanisms of Changes in Chinese Youth Values in the Last 40 Years of Reform and Opening-Up. *Contemporary Youth Studies*: 31–36. (In Chin.)
- Young Y., Land K.K. (2013) Cohort Analysis Age and Historical Period: New Models, Methods, and Empirical Applications. Ebook. Cleveland, Ohio: CRC Press.

Received: 19.01.23. Accepted: 11.04.23.

© 2023 г.

Абдулманапов П.Г. ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ. Махачкала: ДФИЦ РАН, Апробация, 2022. 160 с.

Рецензируемая книга посвящена анализу последних демографических и миграционных тенденций в крупнейшей из северокавказских республик – Дагестане. Республика стабильно входит в пятерку лидеров среди субъектов РФ по естественному приросту населения. Если по России в целом естественная убыль населения за 2020 г. составила –4,80%, то в Дагестане за этот же год естественный прирост населения составил 8,71%. Высокая рождаемость определяет и возрастную структуру населения, в которой наиболее многочисленной оказывается доля молодежи: по данным органа официальной статистики на 01.01.2021 г., доля населения в возрасте 15–29 лет во взрослом населении республики составила 29,4%, что примерно на 10 п.п. выше, чем в среднем по стране. Но поскольку республика относится к экономически слаборазвитым регионам России, можно сказать, что демография навязала Дагестану роль региона – донора трудовой миграции. Ежегодная миграционная убыль населения (т.е. отрицательная разница между прибывшими и выбывшими из региона) составляет около 12 тыс. человек. И подавляющее большинство выезжающих из республики (в основном внутри страны) – люди трудоспособного возраста. Несмотря на это, исследователи-демографы, как и органы статистики, все еще фиксируют рост населения республики, и объясняется этот рост исключительно высокой рождаемостью¹.

Как долго продержится такое «равновесие» населения Дагестана, обусловленное высокой рождаемостью и ощутимой миграционной убылью? Что влияет на демографическое поведение жителей республики и как меняется структура населения Дагестана в долгосрочной перспективе? Автор монографии, вооружившись данными официальной статистики и результатами тематического опроса дагестанских женщин репродуктивного возраста 2020 г., пытается ответить на эти вопросы с позиций экономической детерминированности демографического и миграционного поведения людей. Автор прогнозирует, что Дагестан, как и соседние северокавказские республики, имеющие образ демографически благополучных территорий, в скором времени «накроет волна депопуляции» (с. 150). А поскольку демографическая политика России направлена на стабилизацию численности населения и создание предпосылок для последующего демографического роста, автор уверен, что уже сейчас необходима всесторонняя государственная поддержка рождаемости в Дагестане.

В общероссийском демографическом контексте наличие «молодежного нароста» в структуре населения республики выглядит безусловным благом, тем более что рождаемость в последние годы снижается. С начала XXI в., достигнув пика в 2014 г. (56888 чел.), рождаемость в Дагестане постепенно падает примерно на 2 тыс. чел. в год, в 2021 г. составила 43606 чел.² Спад рождаемости в последние годы в Дагестане и в целом на Север-

¹ Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф., Казенин К.И. Внутренняя миграция как ресурс развития России: социально-экономические эффекты, издержки и ограничения. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2020. С. 55–56.

² Население // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. URL: <https://dagstat.gks.ru/naselenie> (дата обращения: 11.03.2023).

ном Кавказе объясняется автором влиянием долговременной миграционной убыли населения в репродуктивном возрасте. Результаты авторского социологического исследования свидетельствуют о высоком миграционном намерении жительниц Дагестана: примерно треть женщин выразила готовность выехать в другие регионы страны в поисках лучшей жизни. Желание и стремление дагестанцев к миграции на новое постоянное место жительства формируются и подпитываются, уверен автор, отсталостью в экономическом развитии республики по сравнению с большинством субъектов федерации и проблемами в социальной сфере (с. 80). Кроме того, весомым аргументом в пользу реализации миграционных планов является успешный миграционный опыт друзей и родственников, которым удалось улучшить материальное положение своих семей за счет смены места жительства.

Но не только миграционные потери влияют, по мнению П.Г. Абдулманапова, на снижение рождаемости в Дагестане. На демографической статистике региона отражается ряд других факторов, среди которых: ухудшение финансового положения населения региона после 2014 г., уменьшение в структуре населения доли женщин репродуктивного возраста, трансформация репродуктивного поведения населения в сторону снижения потребности в детях (с. 150). При этом автор считает, что именно экономические факторы выступают в качестве основы для изменения репродуктивных установок населения (с. 10), а уровень рождаемости напрямую связывает с влиянием на него таких экономических факторов, как доходы населения, жилищные условия семьи, профессиональный статус родителей, уровень занятости женщин, экономическая выгода от детей (с. 15). Соответственно этим постулатам, наиболее действенной формой государственной поддержки рождаемости автор считает финансовую поддержку: увеличение размера пособий по беременности и родам; адресную поддержку малообеспеченным семьям; софинансирование выплаты регионального материнского капитала при рождении третьего и последующих детей и др. (с. 137). Важной мерой поддержки рождаемости, особенно в городах, куда устремлены и внутрирегиональные миграционные потоки, наряду с финансовой поддержкой, является, по мнению автора, обеспечение своевременного доступа к дошкольным учреждениям, а также гибкий график занятости для работающих матерей. Эти меры помогают облегчить сложный выбор между карьерой и семьей, с которым сталкиваются многие женщины, позволяя им совмещать заботу о семье с деловой активностью, особенно когда речь идет о неполных семьях.

Между тем итоговый вывод автора о том, что в ближайшей перспективе Северо-Кавказский федеральный округ накроет волна депопуляции (с. 150), не находит подтверждения в результатах социологического исследования, проведенного им самим в Дагестане. Анализируя и прогнозируя репродуктивное поведение населения республики методом анкетного опроса, автор выявил, что *«больше всего население в возрасте 18–49 лет ориентируется на семью из трех и более детей. Желают иметь троих детей 26,1% и планируют иметь в своей семье троих детей 21,2%. Еще 19,4% дагестанских женщин желают иметь четырех детей в семье, а планируют иметь 12,1%. Почти одна треть (32,1%) женского населения региона желают иметь пять и более детей в семье, а 22,4% из них реально планируют иметь в своей семье пять и более детей. Относительно низка доля лиц, которые ориентируются на однодетную и двухдетную семью, а тех, кто вообще не желают и не планируют рождение детей, не встречается. Дагестан отличается от большинства регионов России более высокой долей тех, кто ориентирован на семью многодетную – с четырьмя, пятью и большим числом детей»* (с. 59). Кроме того, прогноз автора о наступлении в скором времени процесса депопуляции населения региона не совсем согласуется с данными официальной статистики по населению в разрезе динамики последних лет. Да, действительно, органы статистики фиксируют устойчивую тенденцию снижения рождаемости в Дагестане, а также стабильно высокую ежегодную миграционную убыль населения. Но с определенной долей уверенности можно также сказать, что специалисты в области демографии едины во мнении, что демографические установки городских и сельских жителей существенно отличаются в пользу многодетности последних. Доля сельского населения

в общей численности трехмиллионного населения Дагестана, по данным официальной статистики на 2022 г., составляет 54,7%. Соответственно, доля городского населения – 45,3%. И соотношение этих категорий населения республики за последние 20 лет существенных изменений не претерпело. Учитывая этот фактор, а также результаты опроса дагестанских женщин, можно предполагать, что рождаемость в республике еще не скоро перестанет перекрывать как естественную, так и миграционную убыль. Это, разумеется, не означает, что государство не должно поощрять рождаемость в регионе, тем более, что таких регионов, как Дагестан, где население растет исключительно за счет рождаемости, в России очень мало.

Поэтому приоритетные цели семейно-демографической политики России на ближайшие два десятилетия, по мнению автора, должны включать увеличение рождаемости до уровня воспроизводства населения, снижение смертности, особенно в отношении чрезмерно высокой смертности мужчин трудоспособного возраста. Для сохранения установок на многодетность в дагестанских семьях очень важную роль играют экономические меры поддержки, эффективность которых автор считает эмпирически доказанной (с. 137). Вместе с тем в условиях региона наиболее приоритетными задачами государственной социально-демографической политики представляются проблемы снижения преждевременной смертности (младенческой, материнской и др.) и повышения ожидаемой продолжительности жизни. А решение этих задач лежит преимущественно в области комплексного социально-экономического развития региона, развития социальной инфраструктуры и формирования комфортной среды обитания.

Представленный обзор работы сделан без критического осмысления третьего раздела книги, который посвящен анализу рынка труда в контексте демографических изменений, так как эта тема больше связана с региональной экономикой и несколько выпадает из общего нарратива о демографической ситуации в Дагестане. Труд Абдулманапова в целом получился познавательным, содержит социологические и статистические данные по самым современным демографическим и миграционным процессам в Дагестане, прогнозные ожидания автора в исследуемой области, а также ряд рекомендаций органам власти по повышению эффективности демографической политики в Дагестане и в целом в стране. Книга будет интересна всем, кто изучает демографические и миграционные процессы на Северном Кавказе.

А.З. АДИБЕВ

АДИЕВ Асланбек Залимханович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований ДФИЦ РАН, Махачкала, Россия (khalid_84@mail.ru).

Abdulmanapov P.G. TRANSFORMATION OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN IN MODERN CONDITIONS. Makhachkala, 2022.

Reviewed by A.Z. ADIEV

DOI: 10.31857/S013216250026386-7

Aslanbek Z. ADIEV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Regional Centre for Ethnopolitical Researches of DFRC RAS, Makhachkala, Russia (khalid_84@mail.ru).

© 2023 г.

Осинский И.И., Тензин Б.М.-Х. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ТУВЫ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв. Улан-Удэ: БГУ, 2023. 312 с.

Вопросам развития региональной интеллигенции, исследованию ее деятельности в Сибири посвящены труды Н.Я. Артамоновой, А.В. Бильтриковой, А.А. Буркиной, М.И. Добрыниной, П.Н. Жондорова, И.И. Осинского, В.М. Очировой и др. Республика Тува при этом чаще остается за кадром исследований, особенно с позиций социологического осмысления. Пожалуй, наиболее значимыми для социологической рефлексии современного положения тувинской интеллигенции можно назвать диссертационное исследование Ч.М.-Х. Бавуу (Б.М.-Х. Тензин) и изданную в 2022 г. монографию И.И. Осинского¹. Рецензируемая монография² представляет собою комплексный анализ динамики интеллигенции национальной республики, фокусируясь на историко-социологическом и структурно-синхроническом аспектах, на базе данных социологических исследований, в том числе авторских; привлечен солидный корпус научных и статистических материалов.

Монография посвящена исследованию деятельности интеллигенции Тувы на рубеже XX–XXI вв. Данный период отличается сложностью, экономическими и политическими «разломами», изменениями идеологии, мировоззренческих установок. Противоречия эпохи связаны с изменениями этнонациональной, профессионально-образовательной, квалификационной, поселенческой, социально-демографической структур республики. Положение интеллигенции во многом изменилось ввиду экономических потрясений и смены политических ориентиров. В такие периоды роль интеллигенции возрастает, с ней связаны сохранение базовых ценностей этногрупп, обеспечение целостности региона, его стабилизация, а также потенциал в «развертывании научно-технического прогресса, развитии единой по духу и различной по своим национальным формам культуры» (с. 7).

В монографии шесть глав: от истории становления и развития интеллигенции Тувы в досоветский и советский периоды до анализа отраслевой и профессиональной структур национальной интеллигенции, ее материального положения, ценностных ориентаций и социального самочувствия.

Авторы подробно рассматривают кризисные трансформации прежней социально-экономической системы – следствие реформ экономической и политической сфер страны в начале 1990-х гг. Результаты амбивалентны: с одной стороны, создание условий (чаще формальных) интеллектуальной, творческой деятельности интеллигенции, что предполагает повышение социального статуса социальной группы; с другой – ухудшение экономического положения преобладающей части интеллигенции, ее расслоение. «Существенные уменьшения морально-психологической “нагрузки” части интеллигентов, снижение творческого потенциала» сказались на социальном статусе национальной интеллигенции (с. 47).

Перспективы развития национальной республики связаны с созданием в 1993 г. института президентства, с образованием нового состава управленческой интеллигенции, политической элиты. Опираясь на статистические данные, авторы выявляют особенности региона: резкое изменение национального состава политической элиты (71,3% – представители тувинского этноса); изменение социального состава органов государственной власти республики (депутатский корпус представлен только лицами интеллектуального труда, т.е. интеллигенцией и предпринимателями); социальный состав депутатов – около 50% депутатов имеют педагогическое и медицинское образование; возрождение и культивирование клановости в извращенном варианте (с. 47–49). Названные особенности этногруппы обуславливают миграционную динамику

¹ Осинский И.И. Интеллигенция Тувы. XX век. Формирование, развитие, деятельность. Улан-Удэ: БГУ, 2022. См. рецензию на нее: Истомина О.Б. (рец.) // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 155–160. DOI: 10.31857/S013216250024044-1.

² Далее ссылки на книгу указываются в круглых скобках.

и изменения в профессионально-образовательной структуре региона-лидера с отрицательным сальдо миграции в пределах Сибирского федерального округа. Тем не менее действия интеллигенции и помощь соседних регионов в подготовке кадров, по мнению авторов, детерминировали политическую и экономическую стабилизацию в конце XX в. и подготовили условия к положительной динамике социально-экономического развития в XXI в.

Авторы анализируют динамику подготовки кадров (по сути, от разделенного труда к профессиональной деятельности) (гл. 3). Представлен анализ профессиональной структуры региона через характеристики инженерно-технических, сельскохозяйственных, медицинских, педагогических, научных кадров и специалистов культурно-просветительных учреждений, сферы искусства. Велика роль двуязычного телевизионного вещания в развитии культуры региона, развитии национального языка, народных традиций и уникальной самобытной культуры тувинцев (с. 130).

При анализе материального положения интеллигенции Тувы (гл. 4) авторы прослеживают невысокий уровень и отчетливую дифференциацию заработной платы по разным признакам. Выявленная малообеспеченность и преобладание бедности в социальной группе требуют принятия кардинальных государственных мер по улучшению ситуации.

В фокусе внимания авторов книги и ценностный нарратив этногруппы, определяющий социальные стратегии, уклад жизни, особенности бытоустройства, процессы познания и оценку явлений, целеполагание населения республики (гл. 5). Наиболее значимыми авторы называют такие ценности тувинцев, как «любовь к родной земле, к краю, где человек родился, где его дом, родные, близкие, где знакомая ему природа», «особое отношение к окружающему миру», «культы неба, земли, огня, отдельных местностей», «урочище». Крайне важны для тувинцев проблемы осмысления природы и бытия, бережное отношение к родному языку (с. 151–152). В современных реалиях данные ценности не утратили значимости, их актуализация среди молодежи объясняется влиянием традиционных для региона верований и религий (шаманизм, буддизм, православие). В постсоветской истории у населения востребованы и такие ценности, как деньги, индивидуализм, собственность, профессионализм, свобода, устроенный быт, высокий статус в обществе. Однако на современном этапе остаются не менее значимыми ценности семьи, дома и здоровья, а также достижения людей, их трудолюбие, профессионализм и образование.

Отдельная глава посвящена рефлексивной оценке социального самочувствия интеллигенции. Оцениваются реакции людей на проводимые в обществе, его регионах преобразования (с. 197). Авторы включают в содержание данной категории «переживание интерпретации, оценки прошлого своей страны, народа, их истории, отношение к происходящим процессам в современном социуме, деятельности органов власти, политических партий, общественных движений, их руководителей, ощущение защищенности от опасностей, включая опасности международного характера, удовлетворенность интеллигенции своим материальным положением и жизнью в целом, социальный оптимизм, уверенность в своем будущем» (с. 197). Даются оценки рискогенным тенденциям: сохранение высокого уровня криминогенности и делинквентности, что сохраняет положение Тувы в списках самых не защищенных от социальных опасностей регионов, поддерживая рост миграции в иные сибирские и центральные регионы страны. Проведенный анализ социального самочувствия интеллигенции Тувы позволяет делать оптимистичные прогнозы, положительные оценки позитивных перемен в республике (с. 245).

В сравнении с предшествующими изданиями, это – наиболее полное исследование национальной интеллигенции Республики Тува в социологическом разрезе. Методология исследования имеет перспективы применения для анализа схожих вопросов в иных российских регионах. Монография изобилует статистическим материалом, обладающим значительными потенциями для сравнительных научных изысканий. Монографический труд будет равно интересен как академической аудитории, так и всем, кто интересуется историей и культурой Республики Тува.

ИСТОМИНА Ольга Борисовна – доктор философских наук, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социально-экономических дисциплин Иркутского государственного университета, Иркутск, Россия (olgaistomina@mail.ru).

Osinsky I.I., Tenzin B.M.-Kh. THE INTELLIGENTSIA OF TUVA AT THE TURN OF THE 21st CENTURY. Ulan-Ude: BGU, 2023. Reviewed by O.B. ISTOMINA

DOI: 10.31857/S013216250026387-8

Olga B. ISTOMINA, Dr. Sci. (Philos.), Head of the Department of Socio-Economic Disciplines, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia (olgaistomina@mail.ru).

© 2023 г.

ПРАКТИКИ АНАЛИЗА КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ / Отв. ред. Е.В. Полухина. М.: ИД ВШЭ, 2023. 383 с.

Рецензируемое издание относится к категории учебных пособий, иначе говоря, формату *handbook*, который является одним из наиболее распространенных жанров представления методического знания в социологии и социальных науках за рубежом¹. Общая идея этой книги – знакомство начинающих и продвинутых исследователей с широким арсеналом доступных для современного социолога способов анализа данных качественными методами. Важно отметить, что в отечественной практике за последние три года сравнимых по масштабу и замыслу учебных пособий практически не появилось². Пособие обсуждает «свежие» для социологических исследований в России и за рубежом проблемы и возможности качественного анализа данных.

Первый раздел посвящен отдельным подходам к анализу данных: уточнению их теоретических предпосылок, особенностям. Второй – вопросам кодирования и обработки данных, в том числе с использованием программных средств. Третий – специфике презентации результатов качественного исследования. Приложение содержит словарь функций программы ATLAS.ti, которая наиболее часто применяется авторами пособия при описании аналитических стратегий. Несмотря на значительное количество глав (всего 13), книга сбалансирована и легко читается. Живой, изобилующий риторическими фигурами, не перегруженный терминами стиль изложения позволяет ярко представить ситуации из жизни аналитиков, а эмоционально насыщенные фрагменты чередуются со строгим аналитическим текстом.

Поскольку пособие относится к категории практико-ориентированной литературы, направленной на то, чтобы зафиксировать эту самую практику, а не составить конечный каталог разработанных подходов, в нем нет совместной общей главы, предлагающей единую и исчерпывающую классификацию разных подходов к анализу данных качественными методами, обозначающую строгое различие между ними. Выбор методических решений, представленных в книге, скорее продиктован сферами научных интересов авторов.

---

¹ Так, в базе научного цитирования «Google Scholar» на 01.01.2023 г. можно было обнаружить более миллиона книг, которые обращаются к методологии и методам социологии через формат *handbook*.

² Исключение составляет переиздание литературы 2000–2010 гг., напр., см.: Качественные методы. Полевые социологические исследования / Под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетей, 2021.

В число предложенных читателю методических традиций входят контент-анализ, тематический и нарративный анализ, обоснованная теория, некоторые подходы из области дискурс-анализа и количественная обработка текстовых данных. Реализация каждой из них детально раскрывается: даны кодировочные листы, представлены фрагменты дневников, скрины из программ и пр. Кроме того, в пособии можно найти миниатюрные процедурные советы, например, по выбору методики анализа данных в зависимости от длительности исследования (Е. Полухина) или по пилотированию в ходе анализа текстовых материалов СМИ (О. Савинская), по ответу на неожиданные вопросы из зала в ходе научно-популярной коммуникации (А. Стрельникова) и даже трансформации в структуре диссертации во времени (С. Полещук).

Книга в основном описывает работу в ATLAS.ti, NVivo, Dedoose, в библиотеках Python, пользуясь листом бумаги и фотоаппаратом. Если аналитик работает в другой технической программе анализа качественных данных, их вполне можно соотнести с рассмотренными инструментами и их функциональным описанием со своими исследовательскими потребностями, почерпнуть разные трюки при обработке данных. Общие стратегии технической организации кодировки будут полезны и могут быть внедрены в рабочую практику.

Поскольку книга не является обзором программ для анализа данных, в ней отсутствует детальное сопоставление технических свойств различных продуктов для обработки данных качественными методами. На будущее можно предложить исследователям рассмотреть проблему отсутствия на российском рынке бесплатных и качественных программных средств для полноценной работы с корпусами данных на русском языке. Поиск информации о таких программах практически не позволяет найти ни одно готовое решение. Также для практиков могло быть полезным обсуждение отечественных решений для компьютеризированного качественного анализа текстов и того, как быть российскому исследователю в условиях затруднений с доступом к зарубежным программным решениям. Кроме того, перспективным дискуссионным вопросом может стать обработка и анализ данных качественными методами с применением искусственного интеллекта: будут ли стратегии работы с данными усложняться / упрощаться при его использовании, и как поступать с таким соавтором с этической точки зрения.

В книге дается множество рекомендаций по технической стороне организации деятельности исследовательского коллектива, например интеллектуальные карты, работа в Dedoose – платформе для коллективной качественной онлайн-аналитики. Чтобы развить тему командной работы в качественных исследованиях, в дальнейшем могут быть, например, рассмотрены психологические трудности работы в командах, в особенности междисциплинарных коллективах. Хотя командную работу регулярно обсуждают³, но вопрос, как достигать согласия при совместной интерпретации данных остается открытым. Также возникает и проблема оценки качества публикаций, выполненных коллективами. А. Нефёдова, М. Спирина, Е. Дьяченко в 10 главе упоминают, что часто интерпретации в качественных групповых исследованиях предлагаются старшими исследователями, а точка зрения младших учитывается существенно реже. Таким образом, появляется проблема оценки вклада каждого. Как выяснить, соответствует ли обозначенная триангуляция исследователей действительности?

Важным представляется и вопрос презентации анализа качественных данных. Как социологу объяснить результаты представителям других социальных наук, сохраняя свою идентичность, чтобы тебя не воспринимали как методиста с любопытными картинками, фольклориста, шпиона-наблюдателя? В целом, вопрос о качественной социологии несколько раз поднимается в пособии, но касается в большей степени обсуждению границы между качественным исследованием и искусством, беллетристикой, однако он требует более основательного осмысления. Качественное исследование, поданное в жанре детектива, игры,

³ См., напр.: Штейнберг И. Метод «длинного стола» в качественных полевых социологических исследованиях. М.: ВЦИОМ, 2021.

приключения, скорее привлечет внимание «неученого» и заставит его заинтересоваться социологией. Об этом вскользь говорит и А. Стрельникова, когда обсуждает форматы представления результатов разным аудиториям, – просто и понятно классифицирует типы аудиторий и виды коммуникаций, которые могут подходить для них (гл. 13).

Еще один важный вопрос, актуализированный в книге: как социологи приходят к тем или иным практикам проведения своих исследований? Как выбирают, почему отказываются, почему предпочитают одни другим? Персональные истории авторов помогают задуматься над ответами. Например, Н. Воронина пишет о своей первичной приверженности количественной аналитике в силу ее ясности, четкости (с. 122), хотя эта четкость также дискуссионна, так как имеются свои ограничения. Кроме того, специфика овладения знанием, накопления багажа «качественника», которая раскрывается, в частности, С. Полещук, заставляет задуматься о том, а не является ли знание «как быть качественником» – опытным и неявным, если его овладение сопряжено с длинным и не заканчивающимся путем наблюдения и самообучения?

Рецензируемое пособие поможет не только глубже понять отдельные стратегии анализа данных, увидеть их в связке между собой, но и четче выстроить исследование – от сбора и анализа данных к их презентации публике, учесть все возможные трудности. Учебное пособие оставляет впечатление друга, товарища, который поддерживает своими искренними историями. Поскольку поднимаются темы, связанные с анализом данных в новейших компьютерных программах, можно предположить, что оно принесет пользу не только студентам и новичкам в социологии, на которых ориентировано в первую очередь, но и продвинутым исследователям, поскольку раскрываются важные и редко поднимаемые вопросы трудностей командной работы, включены подкупающие своей честностью заметки о практике, быте исследователя.

О.Р. МИХАЙЛОВА

МИХАЙЛОВА Оксана Рудольфовна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра исследований современного детства, старший преподаватель кафедры анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия (oxanamikhailova@gmail.com).

THE PRACTICES OF QUALITATIVE DATA ANALYSIS IN SOCIAL SCIENCES:
textbook / Ed. by E.V. Polukhina. Moscow: ID VSHE, 2023. 383 p.
Reviewed by O.R. MIKHAYLOVA

DOI: 10.31857/S013216250026388-9

Oksana R. MIKHAYLOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Research Fellow at the Centre of the Modern Childhood research, senior lecturer at the Department for Social Institutions Analysis, Moscow, Russia, National Research University "Higher School of Economics" (oxanamikhailova@gmail.com).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(2023. Т. 29)

- № 1.** *Звоновский В.Г., Ходыкин А.В.* Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере Самарской области); *Рыжова С.В.* Этносоциологическая школа Л.М. Дробижевой: формирование подходов к изучению российской идентичности; *Попов Д.С., Стрельникова А.В., Григорьева Е.А.* Учителя в условиях «кризисной цифровизации»: на пороге «нового луддизма»? *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества в российских вузах: от проблемы к концепции; *Масловский М.В.* Анализ «переплетения» советской и китайской моделей альтернативного модерна в исторической социологии Й. Арнасона; *Богданова М.В.* «Значение имеет не столько радиус, сколько орбита»: о стиле научной коммуникации профессора Батыгина; *Солодников В.В.* Похороны и социальные представления о семье; *Уолтер Т., Бейли Т.* Как похороны воплощают понимание семьи: данные массового наблюдения.

МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

(2023. Т. 32)

- № 2.** *Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.* Образовательная стигматизация как социальный феномен: социологический анализ; *Искакова Б.С., Присяжнюк Д.И., Зангиева И.К.* Установки родителей и учителей к инклюзивному образованию в России и Казахстане: сравнительный анализ; *Железнов А.М.* Влияние участия университетов в Проекте 5-100 на успешность получения научных проектов; *Терников А.А., Бляхер М.Л.* Спрос на знания, умения и навыки в вакансиях: кого готовит университет? *Бляхер Л.Е., Григоричев К.В., Ковалевский А.В.* Власть на аутсорсинге или «медиаторы пустого пространства»; *Цумарова Е.Ю., Тарасенко А.В.* Модели исполнения федеральной политики в сфере благоустройства России: факторы вариативности; *Ефремова П.В., Спесивцева А.С.* Исследование состояния и перспектив развития фудшеринга во Владивостоке; *Карачаровский В.В.* Индивидуальные межвременные предпочтения по перераспределению благополучия между сегодняшними и будущими поколениями.

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

(2023. Т. 26)

- № 1.** *Медведев В.А.* Социально-эпистемологический горизонт развития понятия цивилизации; *Эфендиев А.Г., Абрамова Е.В.* Мотивационная основа трудовой деятельности: опыт реализации многомерного подхода; *Невский А.В.* Волонтеры в «красной зоне»: исследование больничного труда в период пандемии COVID-19; *Симонова О.А.* «Светлые» и «темные» стороны эмоционального труда: концепция отчуждения в теории А.Р. Хокшильд и современные исследования; *Бредникова О.Е.* Соседствование в российском большом городе: время и место соседских коммуникаций; *Верещагин И.Ф., Зашихина И.М., Малыгина М.В.* Общественное участие в городском развитии: на примере Архангельской области; *Шабунова А.А., Уханова Ю.В., Косыгина К.Е.* Социальная активность пожилых россиян в контексте активного долголетия; *Лаврусевич П.Е. Скалабан И.А.* Ценность места: как воспроизводится символическая способность к стихийной рекреации (кейс Караканского бора).

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(2023. Т. 22)

- № 1. Юдин Г. Против тирании Истины; Иншаков И.А. Концепция мессианского времени у Вальтера Беньямина и ее политические импликации. Огайон И., Торез Ж. За критический и беспристрастный конструктивизм. Еще раз о понятии «Глобальный Восток» применительно к Центральной Азии; Томихоко Уяма. Между эссенциализмом и многоидентичностью: Центральная Азия как часть Востока, Юга и мира; Чокобаева А., Шелекаев Н. Как быть историком Центральной Азии сегодня? Наш ответ Изабель Огайон, Жюльену Торезу и Томихоко Уяме; Алексеева (Калиновская) П.А. Выбор на брачном рынке или воля Божья? О практической и субстантивной рациональности в категориях пользователей православной платформы для знакомств; Устюжанин В., Степанищева Я., Галямова А., Гринин Л., Коротаев А. Образование и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа; Никитина Д. Бесмысленный труд, бредовая работа и организационный абсурд: новые направления для институциональной теории; Браславский Р.Г. Энтони Гидденс и цивилизационный анализ: модерн между рефлексивностью и культурой.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

(2023. Т. 11)

- № 1. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Противоречия развития научно-педагогического общества как проблема зарубежных и отечественных исследований; Бабинцев В.П., Серкина Я.И. Институционализация социальных рисков дигитализации образовательного пространства вузов в провинциальных городах России; Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Представления студенческой молодежи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции; Воробьева И.Н. Территориальная идентичность населения как фактор и следствие социального участия; Хамидуллин Н.Р. О мерах социальной поддержки многодетных семей (на примере Оренбургской области); Воронина Н.С. Отношение россиян к эмигрантам в период пандемии COVID19 (2020–2021 гг.); Литвинцев Д.Б. Роль «третьего места» в практиках молодежного досуга: домашняя вечеринка (хоум-пати) как социальное мероприятие; Атласкиров А.Р. Цифровая трансформация в традиционном обществе (на примере Кабардино-Балкарской Республики); Галкин К.А. Стратегии сохранения индивидуального здоровья пожилых людей (городской и сельский контексты); Ростовская Т.К., Рычихина Н.С., Золотарева О.А. Некоторые аспекты управления карьерой в парадигме профессионального стандарта «Демограф».

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ

(2023. Т. 14)

- № 1. Аксенова О.В. Социология российских перемен; Беляева Л.А. Трансформация российского общества в социологической ретроспективе; Андреев А.Л. «Проблема Андропова»: к социологической характеристике советского общества; Капицын М.В. Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего); Ярская-Смирнова В.Н. Темпоральность травмы (размышления о книге Ж.Т. Тощенко); Марин Е.Б. Представления молодежи о мерах противодействия пандемии COVID19 (на примере Приморского края); Присяжная Е.В., Вяткина Н.Ю. Трудоустройство молодого медицинского специалиста: уровни проявления проблемы; Мамедов А.К., Комиссаров С.Н., Коркия Э.Д. Ното Ludens в игровом мире постправды; Найденов В.Н. Пресечение проявлений насильственного этнорелигиозного экстремизма: экспертные оценки; Монгуш С.П. Качественная составляющая индивидуальной программы социально-экономического развития региона, входящего в состав Енисейской Сибири.

**МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ:
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ**

(2023)

- № 1.** *Ипатова А.А., Солодникова О.Б.* Опрос подростков: этические вопросы и правовое регулирование; *Калачикова О.Н., Корроленко А.В., Нацун В.Н.* Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия; *Ибрагимова З.Ф., Франц В.М.* Теория равных возможностей и ее применение к проблеме бедности; *Масленников В.В., Ларионов А.В.* Роль поведенческого цикла в экономике; *Бродовская Е.В., Заславский С.Е., Домбровская А.Ю., Лукушин В.А.* Векторы трансформации партийной системы и электоральных ожиданий россиян; *Колесник Н.В.* Эволюция избирательных технологий в России: от поквартирного обхода до «цифры» и обратно; *Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г.* Трансформация культуры доверия в России; *Смолева Е.О.* Стратегии преодоления стресса населением Вологодской области: опыт социологического исследования; *Абрамов Р.Н., Михайлова О.Р.* Социальные контексты рецепции ИКТ профессиями индустрии влияния в 1990–2000-е годы: на примере истории сферы связей с общественностью; *Красова Е.В.* Физический и умственный труд: противостояние или единство? *Егорова Н.Н., Лавренюк-Исаева Н.М., Франц В.М.* Социальная зрелость личности среди детерминант здоровьесберегающего поведения; *Дудина В.И., Сайфулина В.О.* «Почитала, еще меньше вакцинироваться захотелось»: онлайн-дискурс вакцинной нерешительности.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(2023. Т. 24)

- № 2.** *Поплавская А.А.* Ценность труда для студентов российских вузов: логики обоснования выбора в пользу личной выгоды или общественной пользы работы; *Де Блей Х.* Власть места; *Урбан О.А.* Неправовые трудовые практики на угольных предприятиях Кузбасса: социологический анализ в историческом контексте.

ПОЛИС. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(2023)

- № 2.** *Атанесян А.В., Мкртчян А.Е.* Россия как союзник: динамика восприятия в армянском обществе до и после карабахской войны 2020 года; *Свирчевский Д.А., Фомин И.В.* Образы Европы в дискурсе левых и правых популистов Германии: между Европой солидарности и Европой крепостью; *Паксютов Г.Д.* Влияние стриминговых сервисов на киноиндустрию и стратегии мягкой силы Китая, Южной Кореи и Японии; *Агафонов Ю.Г., Соколов М.М.* Российская политология в 2021 году: социальный и интеллектуальный ландшафт; *Мельвиль А.Ю., Мальгин А.В., Миронюк М.Г., Стукал Д.К.* «Политический атлас современного мира 2.0»: к постановке исследовательской задачи; *Сакеа Р.* Опасности демократизма; *Тимофеев И.Н.* Политика санкций в меняющемся мире: теоретическая рефлексия; *Истомин И.А.* Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблематизация сущности неопределимого концепта; *Ахременко А.С., Петров А.П.* Гнев, идентичность или вера в успех? Динамика мотивации и участия в белорусских протестах 2020 года; *Плутинцев И.С.* Эволюция роли президента в политической системе Польши после 1989 года.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

(2023. Т. 14)

- № 1.** *Коннов В.И., Костригин А.А.* Позиционирование и восприятие психологии в советском научном сообществе: по материалам академических архивов 1970–1980-х годов; *Орлова Г.А.* Открывая рубрику: советские машины координации; *Попов А.А., Трушников С.А.* Пределы кооперации: координация пятилетних планов стран СЭВ и проблема дефицита сырья (1950–1979-е годы); *Кочеткова Е.А.* Дискурс модернизации в лесной эко-

номике позднего СССР; Сафронов А.В., Абрамов Р.Н. «Волшебный график»: внедрение метода сетевого планирования в СССР в 1960-е годы; Зимирев М.О. Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР в 1960–1970-е годы: наука и практика координации; Аллахвердян А.Г., Малахов В.А. История науковедения, демография науки и проблема мобильности научных кадров; Богомягова Е.С., Ломоносова М.В. Цифровые технологии в практиках заботы о здоровье жителей российских мегаполисов: к вопросу о возрастных различиях; Болдырев В.А., Лисица В.Н., Баукин В.Г. Научные школы: анализ данных об индексируемых публикациях.

ИНТЕРАКЦИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ (INTER)

(2023. Т. 15)

- № 1. Волкова Е., Хлевнюк Д. «Московское чудо»: репрезентация образа «девяностых» в передаче «Намедни»; Рязанцев А. Социальный статус и репутация писателей в современной России: тематический анализ; Котельников М. Механизмы формирования начального диалога в анонимной онлайн-коммуникации; Белановский С. Репрезентативность качественных опросов; Савинская О. ИНТЕР-энциклопедия: интервью с детьми.

Подготовил А.А. ЗОТОВ

INTERNATIONAL SOCIOLOGY

(2023)

- № 2. Рид М. Социология организаций в XX в.: Ау Л. Экспертиза, перевод, пандемия; Сари Ханафи. Понять революции: о трилогии Азми Бишары; Чжу Вень-син. Мозговые танки с китайскими характеристиками; Обзоры: социологи и их труды. Хон Чжан Дж.: Кальберг С. Социология цивилизаций Макса Вебера: опыт реконструкции; Сю Сонин: Камик Ч. Веблен: становление экономиста, переделавшего экономическую науку; Ямане Д.: Матео Бортолини. Шутливый серьезный человек: жизнь Роберта Белла; Чэнь Ин: Райт Эрик О. Звездная пыль к звездной пыли: мысли о жизни и умирании; Сон Ки: Бяо Ган, Ки Ву. Самость как метод: мыслить через Китай и мир; да Мота М.Э. (ред.). Бразильский Бурдые; Солер-Галларт М.: Флеча Р. Диалогичное общество: социология любимая и используемая учеными и гражданами; Обзоры: социология культуры. Улофсон Т.: Файн Г.А. Стержень: Гражданское общество, групповые культуры и сила местных обязательств; Штольц Д.: Черуло К., Руан Ж. Мечты по ходу жизни: как то, кто мы есть, формирует наше воображаемое будущее; Нуран Эрол И.: Д.Т. Голдберг. Страх: перед лицом бесперспективного будущего; Обзоры: экономическая социология. Деланти Дж.: Эриксон Э. Торговля и нация: как компании и политика переделали экономическую мысль; Бенчекри К.: Фостер Дж. Идеальная подгонка: Творческая работа в мировой обувной индустрии; Обзоры: социология гендера. Кассем А.: Шарокни Н. Женщины на своем месте: политика гендерной сегрегации в Иране; Хао Ву: МакРобби. Феминизм и политика жизнестойкости: эссе о гендере, СМИ и конце социального обеспечения; Ван Джапен: Сювей Чжай. Социальное доверие у китайцев в свете Гуанси; Обзоры: исследования населения. Уэльш Дж.: Чрезвычайное положение: удержание под контролем численности населения мира; Каваками А. Оно Мацуми. Международная миграция пенсионеров и долгосрочный туризм: этнография жизни пожилых японцев в Малайзии.

CURRENT SOCIOLOGY

(2023)

- № 2. Вооруженные волонтеры: новые конфигурации гражданского общества и вооруженных организаций. Введение. Шахар И. и др. «Вооруженные добровольцы» и пересмотр линии раздела между добровольчеством и вооружением; Шахар И. Возникновение некоммерческого военно-промышленного комплекса? Призывное волонтерство в Израиле; Хоффман Т. Вооруженные волонтеры в школах: дискурс добровольчества и допризыв-

ной подготовки в средних школах Израиля; *Дипхорн Т., Купер-Нок Ш.* «Могу делать то, что другим нельзя»: гражданская полиция как вооруженное добровольчество в еТиквини, Южная Африка; *Данлэп А.* Вооружение людей в экологических конфликтах: завоевание «сердец», «умов» и производство «добровольцев» для прибыльного принудительного развития; *Газит Н., Грациани Э.* Секьюритизированное добровольчество и неонационализм на сельской периферии Израиля; *Ван Тиль Й.* Вооруженное волонтерство – где и куда.

- № 3.** *Рудницки С.* Не зеркало, а инструмент: изучение опыта юзеров и производство полезного социального знания; *Арнадо Ж.М.* Структурные неравенства и позициональности авторов в научных публикациях: кейс филиппинских исследований международной миграции; *Пицджеральд Й., Сможински Р.* Моральное регулирование и добрая моральная паника: польские рабочие мигранты в Англии и европейский референдум 2016 г.; *Пиццолати М., Ваччелли Е.* «Мы делаем нужные вещи»: гуманитарные репрезентации услуг вынужденным мигрантам в сферах здоровья и благотворительности; *Ервинен М., Лу Кессинг М.* Само-кастинг и альтер-кастинг: граничный труд профессионалов здравоохранения в ответ на работу подростков; *Вайхт Б., Форхтер Б.* Переговоры об эвтаназии: гражданское общество оспаривает «завершенную жизнь»; *Вассенден А., Йонвик М.* Живи и дай жить другим? Мораль в символических границах разных сфер культуры; *Магет Ш.* Сдвиг к фреймированию причин в египетском суде по делам ЛГБТ после революции 25 января; *Миршак Н.* Мусульманское братство Египта: новый подход с позиций Грамши; *Блекли П.* Паника, пицца и мейнстрим альт-правых: анализ Пиццагейта в социальных медиа и распространение теории заговора Канон; *Сань Хун Лим.* Посмотри вокруг, а не назад – фашизм К. Поланы и «популизм» крайне правых.

AMERICAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2023)

- № 1.** Президентский доклад 2022 г.: *Мендживар С.* Государственные ступени, бюрократии замещения и возможности для маргиналов; *Финк П.-К.* Попали между передним и задним планом: провал Федрезерва контролировать неисполнение правил в финансовом кризисе 1974 г. *Шнайберг М. и др.* Принять рыночный либерализм? Структура сообщества, включенность и конвертация взаимных сбережений и ссуд в акционерные общества; *МакКабе Б. Дж.* Готов к аренде: административные решения и борьба с бедностью в программе ваучеров на выбор жилья; *Чжан С., Джонсон Р.* Иерархии в децентрализованном социальном государстве: приоритеты ваучерной программы выбора жилья; *Чжу Сян, Пань Гуаньху.* Высшее образование и разрыв в заработках черных и белых.
- № 2.** *Бигерт Т. и др.* Все они не могут быть звездами: Эффект Матфея, кумулятивный перекокс статуса и сохранение статуса при выборе звезд МБА; *Лерш Ф.* Переход к личной культуре по ходу жизни; *Чжан Летянь.* Расовое неравенство в рабочей среде; *Ривера Л., Тильчик А.* Не в моем школьном дворе: дискриминация инвалидов в доступе к образованию; *Карелл Д. и др.* «Рожденные для бури»: крайне правые СМИ и гражданские беспорядки.

AMERICAN JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2023. Vol. 128)

- № 4.** *Грин Дж.* Связанные гендером: создание, управление и применение гендерных границ в тюрьмах, 1941–2018; *Хорват А.* Организационная сверхзадача и трансформация некоммерческой подотчетности; *Морган К.-Дж.* Враждебное окружение: власть инфраструктуры и эксклюзия незаконных мигрантов в Западной Европе; *Чжао Л.* От сверххрзаобразия к консолидации: влияние структурной межсекционности на межэтническую дружбу; *Левин Дж., Рассел К.* Преступность оплачивает жертву: уголовные штрафы, государство и законы о компенсации жертвам, 1964–1984; *Бейли Э. и др.* Как работает радиостанция WUNC Тилли: оценка сигналов социального движения сторонними наблюдателями ведет к мобилизации.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2023)

№ 2. Смит Э., Фаркас Дж. Гендер и успехи в математике: роль веры одноклассников в гендерный стереотип; Ким Дж. и др. Большая (мужская) рыба в маленьком пруду? Гендерный эффект релятивной способности обучаться по мультидисциплинарной системе в условиях угрозы стереотипов; Гершуни К. и др. Двойные стандарты? Соавторство и гендерная предвзятость оценок на ранних этапах научной карьеры; Мобург И., ван дер Флейте М. Причины сохранения гендерных разделений труда. Уход в родительский отпуск среди приемных и биологических родителей; Дунатчик А. Родительство и гендерное разделение труда по распределению доходов: относительная важность относительных заработков; Герлиц Ж.-И. Конец золотого века: рост вызовов работникам-мужчинам в обеспечении дохода семьи; Рагнарсдоттир Б.Х. и др. Учет цены неоплачиваемого домашнего труда: кросс-страновое исследование вариаций по типу домохозяйств; Хук Дж. и др. Национальная политика совмещения труда с семьей и профессиональная сегрегация женщин-матерей стран Европы 1999–2016; Хейне Ш., Воссемер Й. Гендер, безработица и субъективное самочувствие: почему женщины меньше мужчин страдают от безработицы? Борген Н.Т. и др. Оценка квинтальной регрессии и модели: еще раз о цене материнства.

JOURNAL OF CLASSICAL SOCIOLOGY

(2023)

№ 1. Зелински Д. Харизма и социальная феноменология: Герда Вальтер, Херман Шмаленбах и Арон Гурвич; Мёбиус Ш. Политическая мысль Георга Зиммеля: социализм и ницшеанский аристократизм; Праттен С. Веблен, Маршалл и неоклассическая экономика; Уимстер С. Введение к статье Макса Вебера «Угроза» конституции империи; Вебер М. «Угроза» конституции империи; Раза С. М. Вебер и Ч. Тэйлор: о нормативных аспектах теории действий человека; **Специальная рубрика: британская монархия и Королева.** Кивисто П. Смыслы монархии; Тернер С., Кисси Э. «У сердца свои резоны». Елизавета II и постколониальные отклики; Тернер Б. Монархия и особенности англичан.

Подготовил Н. ВИКТОРОВ

ПАМЯТИ РУСТЕМА МАХМУТОВИЧА НУРЕЕВА

(13.05.1950–12.04.2023)

На 73-м году жизни умер известный советский и российский экономист, доктор экономических наук, профессор Рустем Махмутович Нуреев, научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ.

Хотя Р.М. Нуреев известен в первую очередь как один из ведущих представителей отечественных экономистов-институционалистов, он оказал существенное влияние (лично и через участников его научных проектов) и на развитие российской социологии. В его научной биографии хорошо виден обозначившийся еще в советскую эпоху тренд на интеграцию экономических и социологических подходов к пониманию развития современного общества.

В 1972 г. окончил с отличием экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, где в 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию об «азиатском способе производства» и стал работать на кафедре политической экономии экономического факультета. В 1990 г. защитил докторскую диссертацию про взаимодействия производительных сил и производственных отношений в докапиталистических формациях в целом. С самого начала своей научной карьеры он демонстрировал высокий интерес к тем «большим теориям», которые в современном обществоведении относятся чаще всего к исторической макросоциологии.

В 1990-х гг. Р.М. Нуреев стал известен как автор одного из лучших в России «Курсов микроэкономики». Он целенаправленно включил в этот учебник многие нетривиальные для того времени подходы, подчеркивающие социальную обусловленность индивидуального хозяйственного поведения. В 1993 г. он перешел на работу в Высшую школу экономики, где возглавил сначала кафедру экономической теории, а затем кафедру институциональной экономики. Параллельно в 2002 г. организовал кафедру институциональной экономики в Российской экономической академии (ныне университет) им. Г.В. Плеханова.

Наиболее важны научные заслуги Р.М. Нуреева в организации интеграции экономических и социологических подходов для изучения эволюции постсоветского общества. В своих работах он подчеркивал ограниченность методологического индивидуализма, органически присущего неоклассической экономической парадигме, которая склонна рассматривать хозяйственную жизнь как взаимодействие индивидов, свободно принимающих рациональные решения. Нурееву был ближе другой подход – свобода и рационализм принятия индивидуальных решений всегда ограничены формальными и неформальными «правилами игры». Такой подход, идущий от Т. Веблена, имел много общего с марксистским подходом.

Выражением установки на интеграцию экономического и социологического анализа стала серия коллективных монографий под редакцией Р.М. Нуреева «Экономические субъекты постсоветской России» (2001–2003, 2010). Анализируя эволюцию поведения российских домохозяйств, бизнеса и государства, авторы серии комплексно охарактеризовали постсоветское общество, акцентируя внимание на существенном влиянии неформальной национальной ментальности, важности социального капитала (понимаемого как доверие), высокой роли теневой экономики и т.д. Нурееву пригодились его наработки

по «азиатскому способу производства», поскольку в постсоветской России рыночное хозяйство сочеталось с воспроизводством институтов власти-собственности, когда «государство сильнее, чем общество». Комплексный подход к пониманию России как страны догоняющего развития нашел отражение также в его оригинальных учебниках, близких по содержанию к монографиям: «Экономика развития: модели становления рыночной экономики» (2008, 2018) и «Экономическая история России (опыт институционального анализа)» (в соавт. с Ю.В. Латовым – 2015, 2016).

Оставаясь ординарным профессором НИУ ВШЭ, Р.М. Нуреев в последние два десятилетия своей жизни больше работал в других вузах – сначала в РЭУ им. Г.В. Плеханова, а с 2013 г. в ФУ при Правительстве РФ. Одним из главных его дел в эти годы стало руководство Международной ассоциацией институциональных исследований – объединением экономистов, практикующих институционально-социологические подходы. Был главным редактором «Журнала институциональных исследований», членом редакционного совета журнала «Вопросы экономики», редколлегии журнала «Terra Economicus» и ряда других. За многочисленные заслуги в развитии российского обществоведения Р.М. Нуреев награжден Большой серебряной медалью Я.А. Коменского «За достижения в области образования, культуры и науки» (2005), медалью «Планета Альфреда Нобеля» (2009), Орденом Дружбы (2013) и другими знаками отличия. Его учениками являются десятки специалистов. Нуреев был очень разносторонне развитым человеком, обладая глубокими знаниями в самых различных областях обществознания.

Есть что-то символичное в том, что Рустем Махмутович Нуреев ушел от нас 12 апреля, в день открытия человечеством космоса. Он присоединился к тем пионерам отечественной науки, которые эпоха за эпохой открывали перед россиянами новые перспективы в понимании окружающего нас мира. «Не говори с тоской: их нет; но с благодарностью: были!»

Ю.В. Латов,
д. соц. н., проф.

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2023 No. 6

CONTENTS

NEW IDEAS AND PHENOMENA IN SOCIOLOGY AND SOCIAL PRACTICE

- 3 TOSHCHENKO Zh.T. Social Contract as a Noumenon: The Experience of Sociological Understanding
- 16 IVANOV D.V., ASOCHAKOV Yu.V. Digitalization and Critical Theory of Society

SOCIAL POLICY. SOCIAL STRUCTURE

- 29 MAREEVA S.V., KARAVAY A.V., SLOBODENYUK E.D. Perceptions of Inequality as a Factor of Investments in Human Capital (an empirical analysis)
- 42 SALMINA A.A. Differentiation in Russians' Perception of Inequality and Their Dynamics
- 56 ALMAKAEVA A.M., NASTINA E.A. Basic Human Values and Practics of Social Participation in Russia
- 68 IVANOVA E.Yu. Wives of Diplomats: Career Opportunities in a Situation of Professional Family Interaction

POLITICAL SOCIOLOGY

- 77 SUSHCHYIY S.Ja. Sociological Monitoring of the External Policy Orientations of Ukrainian Society in the 2000–2020s
- 94 KURGANSKAYA V.D., DUNAEV V.Yu., SAGIKYZY A. Values and Norms of Political Culture in the Public Consciousness of Kazakhstan Society

ETHNOSOCIOLOGY

- 101 MOKIN K.S., BARYSHNAYA N.A. Territorial Identity: Structure, Boundaries, Reproduction

SOCIOLOGY OF YOUTH

- 112 ATANESYAN A.V. "Relocated Russians" in Armenian Youth Perceptions
- 123 EFLOVA M.Yu., MAXIMOVA O.A., OZEROVA K.A. Value Orientations and Practices of Social Activity of Nonresident Students in Kazan and St. Petersburg
- 136 SIMONYAN R.H. On the Regional Consciousness of the Russian-Chinese Border Region Students

TO THE 100th ANNIVERSARY OF G.P. DAVIDYUK

- 144 DANILOV A.N. Applied Sociology of Professor G.P. Davidyuk and Revival of Sociological Science in the Belorussian Soviet Socialist Republic

FIRST STEPS

- 152 LI JIANHUI. Generational Specifics of Values Socialization Among Russian and Chinese Youth
- 159 **BOOK REVIEWS** (reviewed are books: Abdulmanapov P.G. Transformation of Demographic Processes in the Republic of Dagestan in Modern Conditions. Makhachkala, 2022. **Reviewed by A.Z. Adiev**; Osinsky I.I., Tenzin B.M.-Kh. The Intelligentsia of Tuva at the Turn of the 21st Century. Ulan-Ude: BGU, 2023. **Reviewed by O.B. Istomina**; The Practices of Qualitative Data Analysis in Social Sciences: textbook / Ed. by E.V. Polukhina. Moscow: ID VSHE, 2023. 383 p. **Reviewed by O.R. Mikhaylova**)

167 JOURNALS' GUIDE

IN MEMORIAM

173 R.M. NUREEV

175 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)